УИЛБУР СМИТ

НА КРАЮ СВЕТА

Роман

Древний Египет

Уилбур Смит

На краю света

«Азбука-Аттикус»
2007, 2018

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

Смит У.

На краю света / У. Смит — «Азбука-Аттикус», 2007, 2018 — (Древний Египет)

ISBN 978-5-389-18907-2

На Древний Египет обрушилась череда бедствий, и самое страшное из них – это засуха. Умирает Нил, средоточие земли великого Ра, и вместе с ним гибнут тысячи людей. Фараон взывает о помощи к Таите, чародею и прорицателю, способному видеть невидимое, – только ему под силу узнать, отчего иссякли воды могучей реки. Таита пускается в полный опасностей и приключений путь на край света к истокам Нила, убежденный в том, что причина бед египетского народа кроется в злой магии.

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

ISBN 978-5-389-18907-2

© Смит У., 2007, 2018
© Азбука-Аттикус, 2007, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 91

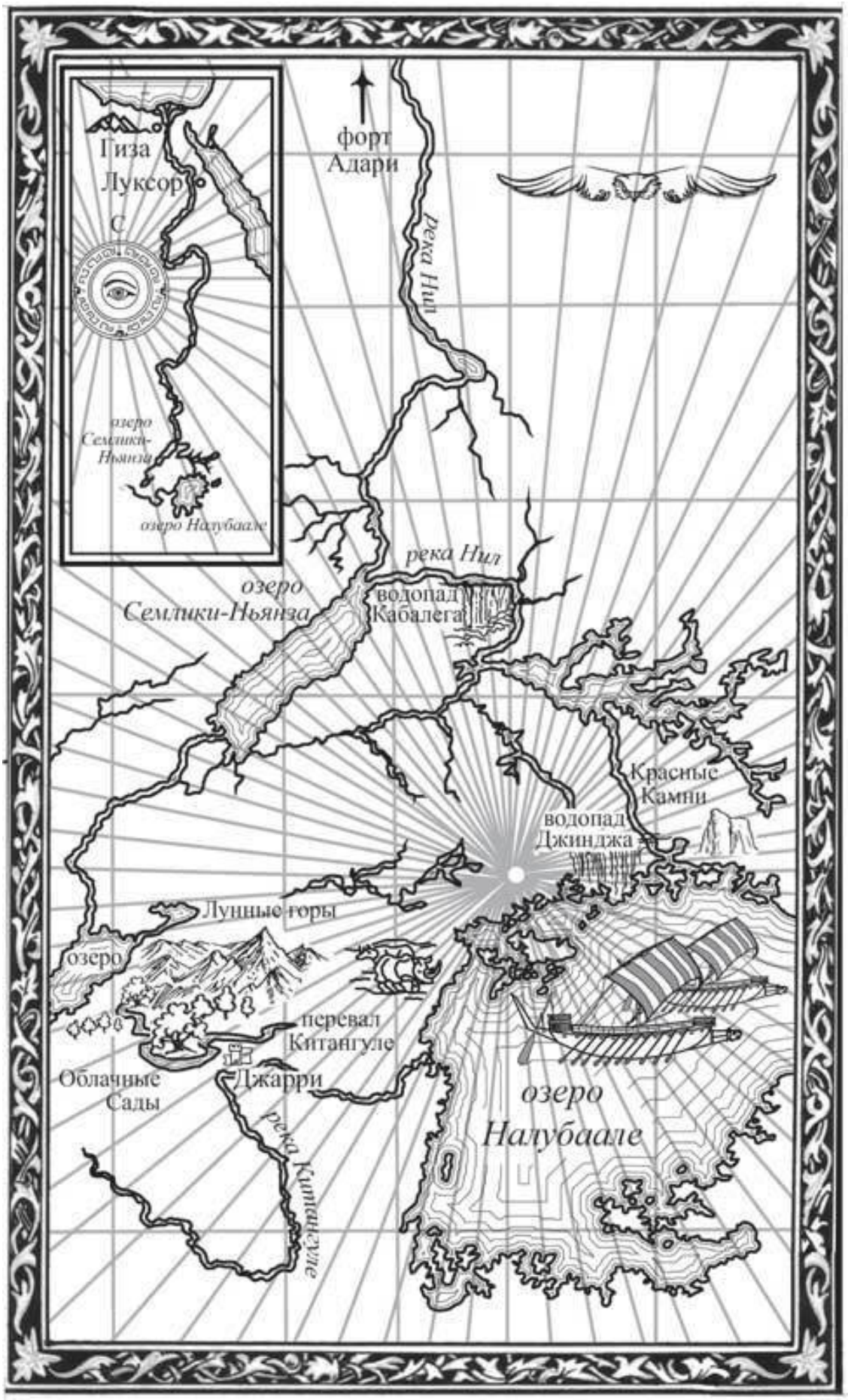
Уилбур Смит
На краю света

Wilbur Smith
The Quest

© Orion Mintaka 2007, 2018
© А. Л. Яковлев, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается моей жене Мохинисо – с ней связано все лучшее, что случилось со мной


Гиза
Луксор
С
озеро Семлики-Ньянза
озеро Налубаале
форт Адари
река Нил
озеро Семлики-Ньянза
река Нил
водопад Кабалега
Красные Камни
водопад Джинджа
Лунные горы
озеро
перевал Китангуле
Облачные Сады
Джарри
река Китангуле
озеро Налубаале

Двое одиноких путников спустились с высокой горы. На них была потертая дорожная одежда, на головах кожаные шлемы, завязанные под подбородком для защиты от холода. Обветренные лица обросли бородами. Свои небогатые пожитки путники несли в мешках за спиной. Им пришлось проделать трудное и опасное путешествие, чтобы добраться до этого места. Мерен, хотя и шедший первым, понятия не имел, где они находятся, как не знал и того, зачем им понадобилось отправиться в такую даль. Об этом ведал только ступающий за ним по пятам старик, предпочитавший до поры не раскрывать эту тайну.

Оставив позади Египет, странники переправлялись через моря, озера и могучие реки, пересекали обширные равнины и леса. У них случались встречи с причудливыми и опасными зверями и еще более странными и опасными людьми. Они взбирались на горы, представляющие собой нагромождение заснеженных пиков, разделенных зияющими ущельями; на этой высоте воздух был таким разреженным, что почти не годился для дыхания. Лошади их пали от холода, а Мерен потерял фалангу пальца, которая распухла и почернела от лютого мороза. К счастью, этот палец принадлежал не той руке, что держит меч или спускает тетиву большого лука.

Мерен остановился на краю высокого утеса. Старик встал рядом, укутанный в накидку из шкуры снежного барса, который напал на Мерена и оказался уложен первой же его стрелой. Стоя плечом к плечу, путники обозревали раскинувшуюся перед ними чужую страну, изобильную реками и густыми зелеными джунглями.

– Пять лет, – сказал Мерен. – Пять лет мы провели в дороге. Конец ли это нашего пути, маг?

– Ого, добрый Мерен! Неужели прошло так много времени? – спросил Таита, и под заиндевевшими бровями вспыхнул насмешливый взгляд.

Вместо ответа его спутник отвязал висевшие на спине ножны и указал на линии вырезанных на коже зарубок.

– Я отмечал каждый день, можешь пересчитать, – заверил Мерен.

Больше половины из прожитых им лет он сопровождал и защищал Таиту, но до сих пор не всегда мог понять, когда тот шутит, а когда говорит всерьез.

– Но ты не ответил на мой вопрос, почтенный маг, – продолжил он. – Достигли ли мы конца нашего путешествия?

– Нет, не достигли. – Таита покачал головой. – Но утешайся тем, что начало его стало удачным.

Заняв место впереди, он зашагал по узкому выступу, пересекающему склон утеса по диагонали.

Некоторое время Мерен смотрел ему вслед, затем его честное красивое лицо расплылось в улыбке печальной покорности.

– Остановится ли когда-нибудь этот старый дьявол? – обратил он к горам вопрос. И, закинув ножны за спину, поспешил за товарищем.

У подножия утеса они обогнули камень из белого кварца.

– Добро пожаловать, путники! – вдруг с небес раздался голос. – Я долго жду вас!

Странники изумленно остановились и запрокинули головы. Их глазам предстала детская фигурка – на камне восседал мальчишка лет одиннадцати, не больше. Странно, что они не заметили его прежде – юнец находился на совершенно открытом месте: яркий солнечный свет падал на него и, отражаясь от блестящего кварца, окружал мальчика сияющим ореолом, от которого резало глаза.

– Мне поручено послужить для вас проводником в храм Сарасвати, богини мудрости и возрождения, – сказал ребенок сладкозвучным голосом.

– Ты знаешь египетский язык! – в удивлении выпалил Мерен.

Вместо ответа мальчик улыбнулся. Он скроил рожицу как у проказливой мартышки, но улыбка его получилась такой заразительной, что Мерен не удержался и улыбнулся сам.

– Меня зовут Ганга, я посланник, – сказал паренек. – Идемте! Отсюда путь недолгий.

Он поднялся и закинул за голое плечо толстую черную косу. Невзирая на холод, его прикрывала только набедренная повязка. Безволосый обнаженный торс имел цвет спелого каштана, а на спине у Ганги рос горб, как у верблюда, большой и уродливый. Мальчик перехватил взгляды путников и снова улыбнулся.

– Вы привыкнете к нему, как привык я, – сказал он. Спрыгнув с камня, он взял Таиту за руку. – Нам в ту сторону.

Следующие два дня Ганга вел их через густой бамбуковый лес. Тропа петляла и кружила, и без проводника египтяне заблудились бы сотню раз. По мере спуска с гор становилось теплее, и они наконец смогли сбросить меховую одежду и идти без шлемов. Волосы у Таиты были тонкими, прямыми и серебристыми, у Мерена – густыми, черными и вьющимися. К исходу второго дня заросли бамбука кончились и дорога пошла через джунгли, где кроны деревьев смыкались, образовывая крышу и закрывая солнце. Теплый воздух источал запах сырой земли и гниющих растений. Над головой парили птицы с ярким оперением, обезьянки лопотали и перепрыгивали с ветки на ветку, пестрые бабочки порхали над цветущими лианами.

С поразительной внезапностью джунгли закончились, и началась открытая равнина, протянувшаяся на лигу до противоположной стены джунглей. Посредине этого свободного пространства стояло внушительное здание. Его башни, башенки и террасы были сложены из кремово-желтых каменных блоков, вокруг всего сооружения возвышалась такая же стена. Внешнюю сторону украшали барельефы, изображающие разгул обнаженных мужчин и пышнотелых женщин.

– То, чем занимаются эти статуи, испугало бы лошадей, – с осуждением в голосе произнес Мерен, хотя глаза у него заблестели.

– Сдается мне, что ты вполне мог бы послужить моделью для скульпторов, – высказал предположение Таита. – Наверняка изображения на этих стенах не таят для тебя ничего нового.

Изваянные из желтого камня фигуры совокуплялись во всех мыслимых позах.

– Напротив, тут мне есть чему поучиться, – признался его спутник. – О половине из этих поз я даже представления не имел.

– Это храм знания и возрождения, – напомнил им Ганга. – Здесь акт соития рассматривается как явление священное и прекрасное.

– Мерен продолжительное время придерживался такой же точки зрения, – сухо заметил маг.

Тропа у них под ногами превратилась в вымощенную дорожку, которая привела их к воротам во внешней стене храма. Массивные створки из тика были распахнуты.

– Входите! – призвал Ганга. – Апсары ждут вас.

– Апсары? – переспросил Мерен.

– Храмовые девушки, – пояснил Ганга.

Путники миновали ворота, и тут даже Таита удивленно заморгал, потому что они оказались в дивном саду. На аккуратно подстриженных лужайках островками росли цветущие кустарники и плодовые деревья, на ветвях многих из них висели спелые фрукты. Сам маг, великий знаток растений и полезных культур, не мог определить иные из экзотических видов. Каждую клумбу усеивали роскошные цветы головокружительной красоты. Близ ворот на траве сидели три девушки. Завидев путников, они вскочили и легко побежали навстречу им. Смеясь и приплясывая от восторга, красавицы целовали и обнимали Таиту и Мерена. Первая апсара, худенькая и золотоволосая, была очень миловидной. Кожа кремового оттенка выглядела безупречной, как у ребенка.

– Здравствуйте и добро пожаловать! – воскликнула она. – Меня зовут Астрата.

Вторая апсара обладала черными волосами и раскосыми глазами. Кожа ее отличалась прозрачностью, словно восковая пленка, и гладкостью – наподобие слоновой кости, отполированной мастером. Она была прекрасна в полном расцвете женственности.

– Меня зовут Ву Лю, – представилась девушка, с восхищением поглаживая мускулистую руку Мерена. – А ты красавчик.

– Я – Тансид, – сказала третья апсара, высокая и безупречно сложенная.

Глаза у девушки были необычного бирюзово-зеленого цвета, волосы ярко-каштановые, зубы белые и ровные. Когда она поцеловала Таиту, ее дыхание благоухало, как цветы в саду.

– Милости просим, – продолжила Тансид. – Мы ждали вас. Кашьяп и Самана предупредили о вашем приходе и послали нас навстречу. Вы принесли нам радость.

Обнимая одной руку Ву Лю, Мерен оглянулся на ворота.

– Куда делся Ганга? – спросил он.

– А его и не было, – ответил Таита. – Ганга – это лесной дух. Исполнив свою задачу, он вернулся в иной мир.

Мерен принял объяснение. Проведя столько времени рядом с магом, он отучился удивляться даже самым странным и волшебным явлениям.

Апсары ввели их в храм. После залитого солнцем жаркого сада за высокими стенами было прохладно и сумрачно, в воздухе ощущался аромат благовоний, воскуряемых на жаровнях перед золотыми изваяниями богини Сарасвати. Перед ними склонялись облаченные в свободные желто-оранжевые одеяния жрецы и жрицы, а в тени порхали, как бабочки, другие апсары. Некоторые подходили, чтобы поцеловать и обнять странников. Они гладили Мерена по рукам и груди, прикасались к серебряной бороде Таиты.

Наконец Ву Лю, Тансид и Астрата взяли путников под руки и увлекли по длинной галерее к жилым помещениям. В трапезной женщины подали им по миске с жарким из овощей и по кубку сладкого красного вина. Двое путешественников так долго довольствовались урезанным рационом, что даже Таита ел с жадностью. Когда они насытились, Тансид проводила Таиту в отведенную ему комнату, где помогла раздеться и, заставив встать в медный таз с теплой водой, омыла его усталое тело. Старик не испытал смущения, даже когда ее губка коснулась оставленного кастрацией уродливого шрама. Обтерев Таиту насухо, девушка уложила его на тюфяк и, сев рядом, тихонько напевала, пока путник не погрузился в глубокий сон без сновидений. Ву Лю и Астрата отвели Мерена в другую комнату. Как это сделала Тансид с Таитой, апсары искупали молодого человека и устроили на матрасе. Он попытался уложить девушек рядом, но очень устал и в своих попытках не проявил особой настойчивости. Красавицы с хихиканьем ускользнули. Через несколько мгновений Мерен тоже провалился в сон.

Спал он до тех пор, пока дневной свет не проник в комнату, и пробудился полным сил и бодрости. Его поношенная и грязная одежда исчезла, взамен появилась чистая, свободного кроя туника. Едва Мерен успел надеть ее, как услышал нежный женский смех и голоса, которые приближались по коридору к его двери. Его вчерашние знакомые впорхнули, принеся фарфоровые блюда с угощением и кувшины с фруктовым соком. Трапезничая вместе с гостем, апсары обращались к нему на египетском, но между собой говорили на смеси языков, казавшихся естественными для них. Тем не менее каждая определенно предпочитала свой родной. Астрата оказалась уроженкой Ионии, чем объяснялись ее огненно-золотые волосы, а в речи Ву Лю звучали мелодичные, звонкие, как колокольчик, тона далекого Катая.

Когда с едой было покончено, девушки вывели Мерена на улицу, где из глубокого пруда бил искристый фонтан. Обе скинули легкие одежды и нагишом прыгнули в воду. Заметив, что Мерен замешкался, Астрата вылезла и направилась к нему; ее намокшие волосы облепили тело. Она со смехом стянула с путника тунику и потянула за собой к пруду. Ву Лю пришла ей на помощь; совместными усилиями затащив его в воду, девушки принялись шалить и плескаться. Вскоре, забыв о смущении, Мерен присоединился к забаве. Астрата вымыла ему голову, вос-

хищаясь при этом боевыми шрамами на бугристых мышцах воина. Мерен поражался совершенству тел девушек, прижимавшихся к нему. Руки апсар деловито сновали под поверхностью воды. Общими стараниями возбудив гостя, они восторженно завизжали и, вытащив его из пруда, увлекли в направлении стоящего среди деревьев павильона. Каменный пол устилали ковры и шелковые подушки; проказницы уложили Мерена, еще мокрого после купания, на этот мягкий покров.

– Теперь мы почтим богиню, – сказала ему Ву Лю.

– Как это? – обеспокоился Мерен.

– Не бойся, мы покажем тебе, – заверила Астрата.

Всем своим гладким телом она прильнула к спине мужчины, целуя ему уши и шею, ее живот приятно согревал его ягодицы. Ее руки протянулись дальше, лаская Ву Лю, а та, обвив Мерена руками и ногами, целовала его в губы. Обе девушки явно познали вершины в искусстве любви.

Спустя короткое время все трое словно слились воедино, образовав удивительное существо с шестью руками, шестью ногами и тремя ртами.

Подобно Мерену, Таита проснулся рано. Несмотря на долгое путешествие, ему хватило нескольких часов сна, чтобы восстановить бодрость духа и тела. Когда он сел на тюфяке, в комнату лились лучи зари. Тут он обнаружил, что не один.

На коленях перед матрасом сидела Тансид и улыбалась ему.

– Доброе утро, маг, я принесла тебе еду и питье. Когда подкрепишься, Кашьяп и Самана будут рады встретиться с тобой.

– Кто это такие?

– Кашьяп – наш достопочтенный отец настоятель, Самана – наша достопочтенная мать. Как и ты, оба они – выдающиеся маги.

Самана ожидала гостя в беседке в храмовом саду. Это была миловидная женщина неопределенного возраста в оранжевом одеянии. В густых прядях над ушами встречались серебряные прожилки, а в глазах светилась неизмеримая мудрость. Когда они обнялись, Самана указала Таите на мраморную скамью рядом с собой. Она осведомилась о путешествии, проделанном им к храму. Их беседа продолжалась некоторое время, затем жрица сказала:

– Мы очень рады, что ты успел прийти, чтобы встретиться с настоятелем Кашьяпом. Ему недолго осталось пребывать среди нас. Это он послал за тобой.

– Я знал, что меня позвали в это место, но не знал, кто именно. – Таита кивнул. – Зачем я понадобился ему?

– Он сам скажет, – ответила Самана. – Сейчас мы пойдем к нему.

Женщина встала и взяла мага за руку. Тансид осталась в беседке, и Самана сама повела гостя через лабиринт коридоров и галерей, затем вверх по спиральной лестнице, казавшейся бесконечной. Наконец они оказались в круглой комнатке на вершине самого высокого из минаретов храма. Стены в помещении отсутствовали, и из него со всех сторон открывался вид на зеленые джунгли вплоть до парапета из увенчанных снежными шапками гор, грядой тянувшихся на севере. Посреди комнаты на обложенном подушками матрасе сидел человек.

– Располагайся перед ним, – шепнула Самана. – Он почти совсем глух, поэтому должен видеть твои губы, когда ты говоришь.

Таита сделал как велено, и некоторое время они с Кашьяпом смотрели друг на друга, не говоря ни слова.

Кашьяп был стар. Глаза у него были бледные, выцветшие, десны лишены зубов. Тело старика покрывала кожа сухая и морщинистая, как древний пергамент, а волосы, борода и брови казались прозрачными, как стекло. Руки и голова его тряслись от непроизвольной дрожи.

– Зачем ты послал за мной, маг? – спросил Таита.

– Потому что ты обладаешь добрым разумом. – Голос Кашьяпа звучал не громче шепота.

– Как ты узнал обо мне? – поинтересовался египтянин.

– При твоих магических силах и способностях ты производишь возмущение эфира, ощутимое издалека, – ответил Кашьяп.

– Чего же ты хочешь от меня?

– Ничего и всего, не исключая, возможно, даже твоей жизни.

– Объясни.

– Увы! Для меня уже слишком поздно. Черный тигр смерти подкрадывается ко мне. Я уйду прежде, чем зайдет солнце.

– Важное ли задание хочешь ты поручить мне?

– Важнее не бывает.

– Что мне необходимо сделать? – спросил Таита.

– Я собирался вооружить тебя для предстоящей тебе борьбы, но узнал от апсар, что ты евнух. До твоего прихода сюда я не ведал об этом. У меня нет возможности передать тебе свои знания тем способом, который я собирался использовать.

– Что же это за способ? – поинтересовался египтянин.

– Плотский обмен.

– И опять я не понял.

– Он подразумевал бы половое соитие между нами. Но по причине твоего увечья это невозможно.

Таита молчал. Кашьяп положил сморщенную, похожую на клешню ладонь ему на плечо.

– Вижу по твоей ауре, что, заговорив об увечье, я обидел тебя, – задушевным тоном промолвил он. – Мне жаль, но у меня осталось мало времени и приходится быть честным.

Таита продолжал молчать, поэтому Кашьяп продолжил:

– Я решил совершить обмен с Саманой. У нее тоже добрый разум. После моего ухода она по частям будет передавать тебе то, что узнает от меня. Прости, что расстроил тебя.

– Правда иногда причиняет боль, но ты не виноват. Я сделаю все, что ты потребуешь от меня.

– Тогда будь с нами, пока я передаю все знания и всю мудрость, накопленную за долгую жизнь, Самане. Позже она поделится ими с тобой, и ты будешь вооружен для священного предприятия, которое предначертано тебе судьбой.

Таита наклонил голову в знак согласия.

Самана резко хлопнула в ладоши, и по лестнице поднялись две незнакомые апсары, обе юные и красивые: брюнетка и золотистая блондинка. Они последовали за Саманой к маленькой жаровне у дальней стены и помогли ей поставить на угли котелок с сильно пахнущими растениями. Когда зелье приготовилось, девушки поднесли его Кашьяпу. Пока одна держала трясущуюся голову, другая приложила котелок к его губам. Старик пил шумно, часть снадобья стекала у него по подбородку; затем он устало откинулся на матрас.

Две апсары нежно и почтительно разоблачили его, затем вылили на низ его живота немного ароматического бальзама из алебастровой бутылки и стали нежно, но настойчиво массировать сморщенный мужской корень. Кашьяп стонал, ворчал и мотал головой из стороны в сторону, но под воздействием умелых ручек апсар и наркотика его член стал набухать и подниматься.

Когда он полностью отвердел, Самана подошла к матрасу и приподняла подол оранжевого платья, обнажив ноги прекрасной формы и округлые, крепкие ягодицы. Оседлав Кашьяпа, она взяла мужской корень старика в руку и направила его в себя. Как только они слились, женщина опустила подол, скрыв их наготу, и начала медленно раскачиваться.

– Господин, я готова принять все знания, что ты дашь мне, – тихо шептала она.

– С охотой вручаю их тебе, – глухо и слабо прозвучал голос Кашьяпа. – Распоряжайся ими мудро и во благо.

Он снова замотал головой, его старческие черты исказились в ужасной гримасе. Потом настоятель вдруг напрягся и застонал, по телу его пробежали конвульсии. Никто из них больше не шевелился в течение почти целого часа. Затем из горла Кашьяпа вылетел хриплый вздох, и старик откинулся на матрас.

Самана сдержала вскрик.

– Он умер, – промолвила она с величайшей печалью и состраданием.

Потом осторожно слезла с трупа и, опустившись на колени, закрыла веки на широко распахнутых бледных глазах настоятеля.

– Сегодня на закате мы предадим огню его внешнюю оболочку, – сказала жрица, повернувшись к Таите. – Кашьяп был моим покровителем и наставником, он для меня больше чем отец. Теперь его сущность живет во мне, слившись с моей душевной субстанцией. Прости меня, маг, но мне требуется время, чтобы оправиться от пережитого только что тяжкого испытания. Когда я смогу быть тебе полезной, я приду.

Тем вечером Таита стоял вместе с Тансид на затененном балкончике своей комнаты и наблюдал за пылающим во дворе храма погребальным костром настоятеля Кашьяпа. Он ощущал глубокое сожаление, что не познакомился с ним раньше. Даже за время краткого свидания маг успел ощутить духовную близость, установившуюся между ними.

Тихий голос, прозвучавший в темноте, вывел его из задумчивости. Таита обернулся и увидел, что к ним незаметно присоединилась Самана.

– Кашьяп тоже сознавал связь между вами. – Она стояла рядом с Таитой по другую руку от Тансид. – Ты тоже слуга истины. Вот почему ему так необходимо было увидеться с тобой. Он бы сам пришел, если бы его тело обладало способностью вынести столь долгий путь. Во время плотского обмена, свидетелем которого ты стал, этого последнего его подношения на алтарь истины, Кашьяп передал сообщение для тебя. Но прежде чем я это сделаю, я должна по просьбе настоятеля подвергнуть испытанию твою веру. Скажи мне, Таита из Галлалы, во что ты веришь?

Таита задумался ненадолго, потом заговорил:

– Я убежден, что вселенная – поле битвы двух могущественных сил. Первую рать составляют боги правды. Вторую – демоны лжи.

– Какую роль в этой судьбоносной битве играем мы, жалкие смертные? – спросила Самана.

– Мы можем посвятить себя служению правде или позволить лжи поглотить нас.

– Если мы избираем правый путь, как нам защититься от темных сил лжи?

– Взбираясь на Вечную гору до тех пор, пока с нее нам ясно не откроется правда. Достигнув этого уровня, мы вступаем в ряды благих бессмертных, являющихся воинами истины.

– Такова ли судьба всех людей?

– О нет! Лишь очень немногие, самые достойные, достигают этого ранга.

– В конце времен возьмет ли правда верх над ложью?

– Нет! Ложь не отступит, но и правда тоже. Бой будет идти с переменным успехом и не закончится никогда.

– Разве правда не есть Бог?

– Называй его Ра, Ахурамазда, Вишну, Зевс или любым другим именем, которое кажется твоему слуху самым священным, Бог есть Бог, один и единственный, – завершил Таита исповедание своей веры.

– По твоей ауре я вижу, что в словах твоих нет ни тени лжи, – заявила негромко Самана и опустилась перед Таитой на колени. – Духовная сущность Кашьяпа, вселившаяся в меня, удо-

влетворена тем, что ты действительно на стороне правды. Теперь ничто не мешает приступить к нашему предприятию. Мы можем продолжить.

– Поясни мне насчет нашего «предприятия», Самана.

– В наши суровые времена ложь снова начинает брать верх. Новая и страшная сила угрожает всему человечеству, в особенности же народу, проживающему в твоем Египте. Тебя призвали сюда, чтобы вооружить для борьбы с этой ужасной вещью. Я открою твое внутреннее око, чтобы ты мог ясно видеть тропу, по которой должен следовать. – Самана встала и обняла мага. – У нас мало времени. Но прежде мне нужно избрать помощника.

– Есть ли здесь достойный выбора? – спросил Таита.

– Твоя апсара Тансид помогала мне прежде. Она знает, что нужно делать.

– Тогда выбери ее, – согласился старик.

Самана кивнула и протянула Тансид руку. Женщины обнялись, потом снова посмотрели на Таиту.

– Тебе следует выбрать помощника себе, – сказала жрица.

– Поведай, что от него требуется.

– Он должен быть наделен силой, чтобы не отступить в бою, и симпатией к тебе. Ты должен быть уверен в нем.

– Мерен! – без колебаний ответил Таита.

– Ну конечно, – согласилась Самана.

На рассвете четверо направились к подножию гор; они пробирались через джунгли и поднимались по склону, пока не достигли бамбукового леса. Самана долго приглядывалась к раскачивающимся желтым побегам, прежде чем выбрала материю ветку и велела Мерену вырезать требуемую часть, которую он затем отнес в храм.

Из ветви Самана и Тансид кропотливо изготовили набор длинных бамбуковых игл. Женщины отполировали их так, что они стали тонкими, как человеческий волос, но острыми и прочными, как если бы их сделали из лучшей бронзы.

Атмосфера напряженного ожидания нарушила покой храмового сообщества. Не слышалось смеха и радостных возгласов апсар. Во взглядах Тансид на Таиту угадывалась смесь благоговения с чем-то вроде жалости. Самана находилась при маге почти неотлучно, готовя его к предстоящему испытанию. Они обсуждали множество тем, и Самана говорила голосом и словами Кашьяпа.

Однажды Таита коснулся вопроса, давно занимавшего его:

– Как догадываюсь, ты, Самана, принадлежишь к числу Долгоживущих.

– Как и ты, Таита.

– Как получается, что некоторым из нас удается достичь возраста, далеко превышающего срок, отведенный остальному человечеству? – спросил он. – Это противоестественно.

– Применительно ко мне и другим, как настоятель Кашьяп, это может объясняться образом жизни: тем, что мы едим и пьем, о чем думаем и во что верим. А быть может, есть некая цель, побуждающая нас жить дольше.

– А как же я? Хотя по сравнению с тобой и настоятелем я чувствую себя младенцем, мой век длится намного дольше, чем у большинства других людей.

Самана улыбнулась:

– Ты – обладатель доброго разума. Пока мощь твоего рассудка преобладает над хрупкостью тела, но рано или поздно всем нам суждено умереть, как это произошло с Кашьяпом.

– На первый мой вопрос ты ответила, но у меня есть другой. Кто избрал меня? – потребовал сообщить Таита, хотя и понимал, что ответа ему услышать не суждено.

Блеснув нежной и загадочной улыбкой, жрица приложила палец к его губам.

– Ты избран, – прошептала она. – Этого довольно.

Маг понимал, что подвел собеседницу к пределу ее познаний – большего она сказать не могла.

Весь остаток того дня и половину ночи они сидели вместе и медитировали, и больше пока между ними ничего не происходило. Затем настоятельница отвела его в свою опочивальню, где они уснули, обнявшись, как мать и дитя, и спали, пока восход не озарил комнату своим светом. Оба встали и вместе искупались, после чего Самана проводила гостя к древнему каменному зданию, расположенному в потаенном углу сада, где Таита прежде не бывал. Тансид уже находилась там, суетясь вокруг мраморного стола, установленного в середине большой центральной комнаты.

– Я готовлю последние иглы, – сообщила она, подняв глаза на вошедших, – но уйду, если вам угодно побыть одним.

– Останься, возлюбленная Тансид, – остановила ее Самана. – Твое присутствие нам не помешает.

Взяв Таиту за руку, жрица провела его по комнате.

– Это здание построили первые священнослужители в самом начале времен. Для дела требуется хороший свет. – Она указала на высокие окна в стенах. – Более пятидесяти поколений настоятелей совершали на этом мраморном столе открытие внутреннего ока. Каждый из них был ученым – так мы называем посвященных, способных видеть ауру других людей или животных.

Самана обратила внимание Таиты на письмена на стене.

– Вот записи тех, кто жил за столетия и тысячелетие до нас. Между нами не может быть тайн. Я не стану обманывать тебя – ты проницателен и поймешь все прежде, чем первое слово лжи сорвется с моих уст. Поэтому я признаюсь честно, что мне, и это под руководством Кашьяпа, лишь с четвертой попытки удалось открыть внутреннее око.

Ее рука указала на самые свежие из записей.

– Вот тут ты можешь видеть отметки о моих попытках. Возможно, поначалу мне не хватало умения и сноровки. Возможно, мои пациенты недостаточно далеко продвинулись по праведному пути. В одном случае результат оказался прискорбным. Предупреждаю тебя, Таита, что риск велик.

Некоторое время Самана молчала, погрузившись в задумчивость. Затем продолжила:

– И прежде меня были те, кому случалось терпеть неудачу. Посмотри сюда.

Настоятельница подвела мага к поросшим мхом письменам в дальнем конце стены.

– Они такие старые, что их тяжело расшифровать, но я могу сказать тебе, что здесь написано. Почти две тысячи лет назад в этот храм пришла женщина. Она была уцелевшей представительницей древнего народа, жившего в великом городе Илион на берегу Эгейского моря, и служила верховной жрицей Аполлона. И принадлежала к числу Долгоживущих, как и ты. Многие века после разграбления и разрушения ее города она бродила по земле, собирая знания и мудрость. Настоятелем тогда был Курма. Та чужеземка убедила его, что является преданной поборницей правды. И уговорила открыть ей внутреннее око. Достигнутый успех удивил и вдохновил настоятеля. И только когда она давно уже покинула храм, Курму начали обуревать сомнения и дурные предчувствия. Череда ужасных событий заставила его заподозрить, что эта гостья была обманщицей, воровкой, адептом левого пути, пособницей лжи. В конце концов он дознался, что она при помощи колдовства сгубила женщину, на которую пал первоначальный выбор. Преступница назвалась ее именем и сумела скрыть свою истинную сущность настолько, чтобы ввести в заблуждение настоятеля.

– Что же с ней сталось?

– Поколение за поколением настоятели храма богини Сарасвати пытались выследить ее. Но обманщица спряталась и исчезла. Возможно, сейчас она уже мертва. И это лучшее, на что мы можем надеяться.

– Как ее звали? – спросил Таита.

– Тут начертано ее имя. – Кончиками пальцев Самана коснулась надписи. – Она назвалась Эос, в честь сестры бога солнца. Теперь мне известно, что это ненастоящее ее имя. Но знак ее духа представляет собой след кошачьей лапы. Вот он.

– Много ли еще случалось неудач? – Таита попытался отвлечься от темных предчувствий.

– Немало.

– Расскажи мне что-нибудь из твоего собственного опыта.

Самана задумалась на минуту.

– Мне особенно памятен один случай, – начала она. – Я тогда еще была послушницей. Того человека звали Вотад, он был жрецом бога Одина. Кожу его покрывали священные синие татуировки. Он пришел в этот храм из северных земель за холодным морем. Это был человек очень крепкий, но умер под бамбуковой иглой. Могучая физическая оболочка не помогла ему удержать силу, вырывавшуюся на свободу с открытием ока. Его мозг взорвался, и кровь хлынула из носа и ушей.

Самана вздохнула:

– Смерть ужасная, но скорая. Возможно, Вотаду повезло более иных из его предшественников. Внутреннее око может обратиться против своего обладателя, как ядовитая змея, кусающая свой хвост. Некоторые из ужасов, которые оно открывает, слишком яркие и жуткие, чтобы их вынести.

Остаток дня они провели в молчании, а Тансид тем временем трудилась за мраморным столом, полируя последние бамбуковые иглы и раскладывая хирургические инструменты.

– Теперь тебе известен риск, с которым предстоит столкнуться, – снова заговорила Самана. – Тебя никто не заставляет предпринимать попытку. Выбор исключительно за тобой.

Таита покачал головой.

– Нет у меня выбора, – сказал он. – Теперь я знаю, что этот выбор был сделан за меня в день моего появления на свет.

Эту ночь Тансид и Мерен спали в комнате Таиты. Прежде чем задуть светильник, Тансид вручила старику фарфоровый горшочек с теплой растительной настойкой. Выпив, Таита растянулся на тюфяке и впал в глубокий сон. Мерен дважды за ночь вставал, чтобы послушать, как дышит его товарищ, и укрывал одеялом от холодного предрассветного воздуха, просачивающегося в опочивальню.

Проснувшись, Таита обнаружил, что все трое – Самана, Тансид и Мерен – сидят вокруг его матраса.

– Готов ли ты, маг? – с непроницаемым выражением спросила Самана.

Таита кивнул.

Но Мерен не сдержался.

– Не соглашайся, маг! – выпалил он. – Не позволяй им проделывать это с тобой. Это плохо.

Таита положил руку на мускулистое предплечье спутника и с силой встряхнул его.

– Я избрал тебя для исполнения этого поручения, – сказал он. – Ты нужен мне. Не подведи меня, Мерен. Если мне придется делать все это в одиночку, кто может поручиться за последствия? А вместе мы добьемся успеха, как это столь часто случалось раньше.

Мерен несколько раз судорожно вздохнул.

– Готов ли ты, Мерен? – продолжал старик. – По-прежнему ли ты на моей стороне?

– Прости меня, маг, – прошептал Мерен. – Я проявил слабость, но теперь я готов.

Самана повела их в залитый утренним солнцем сад, к древнему строению. На одном конце мраморного стола лежали хирургические инструменты, у противоположного стояла жаровня с углем, над которой дрожало яркое марево. На полу перед столом лежала рассте-

ленная овчина. Таита не нуждался в объяснениях: он опустился на колени в центре овчины, лицом к столу. Самана кивнула Мерену, заранее получившему от нее указания, что ему следует делать. Мерен встал на колени рядом с Таитой и бережно обнял так, чтобы он не мог пошевелиться.

– Закрой глаза, Мерен, – скомандовала Самана. – Не смотри.

Встав над мужчинами, она предложила Таите закусить кожаный ремешок. Тот отрицательно мотнул головой. Женщина опустилась на колени перед ним, держа в правой руке серебряную ложку; двумя пальцами левой руки она приоткрыла веки правого глаза Таиты.

– Всегда через правый глаз – сторону правды, – прошептала она и раскрыла веки шире. – Держи крепко, Мерен!

Тот буркнул в знак согласия и стиснул наставника, обхватив его словно бронзовым кольцом. Самана завела серебряную ложечку под верхнее веко пациента и уверенным, твердым движением извлекла глазное яблоко из глазницы, оставив его, похожее на яйцо, висеть на щеке у Таиты на ниточке зрительного нерва. Вместо глаза осталась глубокая розовая дыра, блестящая по краям от слез. Самана передала серебряную ложку Тансид, которая отложила ее в сторону и выбрала одну из бамбуковых игл. Девушка подержала ее острие над жаровней, пока оно не обуглилось и не затвердело. Затем передала еще дымящуюся иглу Самане. Держа иглу в правой руке, жрица опустила голову так, чтобы хорошо видеть пустую глазницу Таиты, и изучила, где и под каким углом зрительный путь входит в череп.

Веки Таиты дрожали и дергались под ее пальцами, непроизвольно моргали. Самана не обращала на них внимания. Она медленно вводила иглу в глазницу, пока та не коснулась входа в зрительный канал. Женщина усиливала давление, пока игла внезапно не проткнула мембрану и не заскользила вдоль нерва, не повреждая его. Инструмент проникал вглубь почти без сопротивления, скользя все дальше и дальше. Когда острие почти на длину пальца вошло в лобную долю мозга Таиты, Самана скорее угадала, чем почувствовала некое препятствие – это было сплетение нервов, идущих от обоих глаз и образовывающих так называемый зрительный перекрест. Бамбуковая игла достигла врат. Следующий шаг следовало выполнять с предельно точным расчетом. Хотя выражение лица женщины оставалось невозмутимым, на ее чистой коже выступили капельки пота, глаза прищурились. Она собралась и в последний, решающий раз надавила на иглу. Никакой реакции от Таиты не последовало, и жрица поняла, что промахнулась. Она слегка потянула иглу к себе, немного сменила угол и воткнула снова на ту же длину, но на этот раз целясь немного выше.

Таита вздрогнул и издал тихий вздох, потом, как будто лишившись чувств, обмяк. Мерена заранее предупредили, что такое может случиться, и он подставил согнутую ковшиком ладонь под подбородок пациента, не дав седовласой голове дорогого ему человека упасть на грудь. Самана вывела иглу из глазницы так же осторожно, как вводила ее внутрь. Потом наклонилась поближе, осматривая место укола. Кровотечения не было. Прямо на ее глазах крошечная ранка затянулась.

Самана удовлетворенно хмыкнула, затем при помощи серебряной ложки вправила болтающийся глаз в зияющую дыру. Как только он оказался на месте, веки Таиты лихорадочно заморгали. Жрица взяла льняной бинт, который Тансид вымочила в целебном растворе и разложила на мраморном столе, и намотала его Таите на голову, закрыв оба глаза и надежно закрепив.

– Поторопись как можешь, Мерен, – сказала она помощнику. – Неси его обратно в комнату, пока он не пришел в себя.

Мерен поднял старика и понес, как спящего ребенка, положив его голову на свое крепкое плечо. Бегом вернувшись к храму, он доставил Таиту в опочивальню. Самана и Тансид следовали за ним. Когда они прибыли, Тансид направилась к очагу, где оставила на огне котелок. Девушка налила растительный отвар в чашу и подала Самане.

– Поднимите ему голову! – велела женщина.

Приложив чашу к губам Таиты, она влила ему немного жидкости в рот и помассировала горло, чтобы он проглотил. Так ей удалось влить в него все содержимое чаши.

Долго ждать не пришлось. Таита напрягся и ощупал ослепившую его повязку. Рука у него тряслась, как у паралитика, зубы стучали, но ему удалось стиснуть их. Челюстные мышцы вздулись, и Мерен испугался, как бы старик не откусил себе язык. Большими пальцами он попытался раздвинуть магу челюсти, но рот Таиты вдруг раскрылся сам, и из него вырвался крик. Все его тело словно одеревенело, спазм за спазмом сотрясали его. Маг закричал в ужасе, потом застонал от отчаяния, наконец, разразился приступом безумного хохота. Смех столь же внезапно сменился рыданиями, такими горестными, словно сердце у него раскалывалось на куски. Потом он снова закричал и выгнулся так, что голова его коснулась пяток. Даже Мерен не мог удержать это тщедушное древнее тело, налившееся вдруг демонической силой.

– Что овладело им? – взмолился Мерен, обращаясь к Самане. – Останови его, пока он не убил сам себя!

– Его внутреннее око раскрылось, а он еще не научился управлять им. Ум его заполонили видения столь страшные, что они способны свести с ума любого обычного человека. На него обрушились все страдания человечества, – ответила Самана.

Она с трудом дышала от попыток заставить Таиту проглотить еще немного горького лекарства. Таита плевком отправил снадобье в потолок.

– Это то самое безумие, что убило северянина Вотада, – сказала Самана, обращаясь к Тансид. – Образы вливаются в его ум, как кипящее масло в пузырь, и, когда пузырь уже не в силах вместить больше, он лопается.

Она схватила руки Таиты, подбиравшиеся к повязке на глазах.

– Маг переживает сейчас утрату каждой овдовевшей женщины и каждой матери, потерявшей первенца. Он терпит боль всякого, кто пережил увечье, прошел через пытку или перенес болезнь. Душа его скорбит от жестокостей каждого тирана, от подлости лжи. Он сгорает в пламени разграбленных городов и умирает вместе с побежденными на тысячах полях сражений. Он испытывает отчаяние всех бесприютных людей на земле. Он заглядывает в бездну преисподней.

– Это убьет его! – Мерен пришел почти в такой же ужас, что и Таита.

– Если он не научится управлять внутренним оком, оно действительно убьет его. Держи мага крепче, иначе он повредит себе!

Голова Таиты замоталась с такой силой, что ударялась о каменную стену рядом с кроватью.

Высоким голосом, не похожим на ее собственный, Самана затянула песнопение на неведомом Мерену языке. Но молитва не возымела особого действия.

Мерен обхватил голову наставника руками. Самана и Тансид с двух сторон навалились на пациента, весом собственных тел мешая ему, бьющемуся в диких конвульсиях, причинить себе вред.

Тансид вливала свое благоуханное дыхание в его разверстый рот.

– Таита! – взывала она. – Вернись! Вернись к нам.

– Он не слышит тебя, – сказала ей Самана.

Она прильнула к нему и приставила сложенные ковшиком ладони к правому уху Таиты – уху правды. Жрица стала нашептывать какие-то успокаивающие слова на языке, на котором произносила молитву. У Мерена забрезжило какое-то воспоминание: хотя он не понимал слов, но прежде слышал, как Таита использовал это наречие в общении с другими магами. Это был их тайный язык, называемый «тенмасс».

Таита притих и повернул голову набок, словно прислушиваясь к словам Саманы. Голос ее стал более тихим, но настойчивым. Старик пробормотал что-то в ответ. Мерен сообразил,

что жрица дает ему наставления, как закрыть внутреннее око, чтобы он мог остановить поток терзающих образов и получил время справиться со смятением нахлынувших чувств.

Все трое провели рядом с пациентом остаток дня и последовавшую долгую ночь. К рассвету Мерен совершенно обессилел и забылся сном. Женщины не стали будить его, позволяя отдохнуть. Тело Мерена закалилось в результате битв и тяжелых физических испытаний, но силой духа он не мог тягаться с этими женщинами и по сравнению с ними был как младенец.

Самана и Тансид не отходили от Таиты. Подчас он вроде бы засыпал, иногда проявлял беспокойство, то и дело начиная бредить. С закутанными повязкой глазами ему не удавалось отделить вымысел от реальности. Один раз он сел и с дикой силой притянул к себе Тансид.

– Лостра! – вскричал он. – Ты вернулась, как обещала. О, Исида и Гор, как же я ждал тебя! Все эти долгие годы я так мечтал, так жаждал быть с тобой! Не покидай меня снова!

Тансид эта вспышка не смутила.

– Не тревожься, Таита, – промолвила она, гладя длинные серебристые пряди. – Я останусь с тобой до тех пор, пока ты будешь нуждаться во мне.

Нежно, как ребенка, апсара прижала его к груди, и он снова впал в забытье.

– Лостра? – Тансид вопросительно посмотрела на Саману.

– Некогда она была царицей Египта, – пояснила та.

Используя свое внутреннее око и полученные от Кашьяпа знания, жрица могла заглянуть в ум Таиты и пролистать его воспоминания. Его беззаветная любовь к Лостре была для нее такой же реальной, как если бы она испытывала ее сама.

– Таита растил ее с детства. Она была прекрасна. Души их переплелись, но соединиться им было не суждено. Его изувеченное тело не позволяло ему стать для нее чем-то большим, чем другом и защитником. Тем не менее он любил Лостру всю ее жизнь, а также после того, как она покинула этот мир. Она тоже любила его. Ее последние слова на смертном одре звучали так: «За всю свою жизнь я любила двух мужчин. Ты был одним из них. Возможно, в следующей жизни боги окажутся более благосклонны к нашей любви».

Горло у Саманы сжалось. Глаза обеих женщин заблестели от слез.

– Расскажи мне об этом все, – нарушила Тансид повисшую тишину. – Нет на свете ничего прекраснее, чем истинная любовь.

– После смерти Лостры, – продолжила жрица, гладя мага по голове, – Таита забальзамировал ее тело. А прежде чем положить в саркофаг, срезал с ее головы прядь волос и запечатал в золотой медальон. – Она коснулась амулета Лостры, висевшего на золотой цепочке у старика на шее. – Видишь? Он носит его по сей день. И все еще ждет, когда возлюбленная вернется к нему.

Тансид расплакалась. Самана разделяла ее печаль, но не могла омыть ее слезами. Она настолько продвинулась по Пути посвященных, что оставила утешительные слабости далеко позади. Горе – это другой облик радости. Печалиться – значит быть человеком. Тансид еще сохранила способность плакать.

Ко времени, когда закончились большие дожди, Таита оправился от своего испытания и научился управлять внутренним оком. Всем стало очевидно присутствие в нем новой силы – маг буквально излучал духовное спокойствие. Мерену и Тансид нравилось пребывать рядом с ним – не разговаривать, но просто находиться в его присутствии.

А вот Таита стремился проводить как можно больше времени наедине с Саманой. День за днем сидели они у ворот храма и при помощи своего внутреннего ока наблюдали за каждым проходящим через них. Их взору тела людей представали окутанными собственной аурой: меняющим цвет облаком, отражающим настроение, мысли и характер человека. Самана наставляла мага в искусстве читать эти знаки.

Когда опускалась ночь и остальные расходились по комнатам, Самана и Таита отправлялись в какой-нибудь дальний притвор храма и сидели в окружении изваяний богини Сарасвати. Ночь напролет они вели беседу, используя доступный лишь посвященным язык тенмасс, которого ни Мерен, ни апсары, даже ученая Тансид, не понимали. Эти двое как будто знали, что вскоре им предстоит расстаться, и стремились сполна использовать каждый оставшийся в их распоряжении час.

– Ты не имеешь ауры? – спросил Таита во время последнего их разговора.

– Как и ты, – ответила Самана. – Никто из посвященных ее не имеет. Это признак, при помощи которого мы можем распознать друг друга.

– Ты настолько мудрее меня…

– Твой голод в познании мудрости и способность ее усваивать намного превосходят мои. Теперь, обретя дар внутреннего зрения, ты поднялся на предпоследнюю ступень среди посвященных. Выше тебя находится только один уровень – благого бессмертного.

– Я ощущаю, что становлюсь сильнее с каждым днем. И с каждым днем все яснее вижу свое призвание. Его нельзя отринуть, и потому я вынужден покинуть тебя и уйти.

– Да, твое время среди нас подошло к концу, – согласилась Самана. – Больше мы никогда не встретимся, Таита. Пусть мужество станет твоим спутником. Следуй пути, который укажет тебе внутреннее око.

Мерен находился с Астратой и Ву Лю в павильоне у пруда. Когда Таита, сопровождаемый Тансид, твердым шагом направился к ним, молодые люди подобрали брошенную одежду и стали торопливо одеваться. Только сейчас они осознали глубину перемены, произошедшей с Таитой. Он уже не сгибался под тяжестью лет, но стал выше, стройнее. Волосы и борода его хотя и сохранили серебристый цвет, но сделались гуще и пышнее. Глаза у него не казались старческими и близорукими, но смотрели ясно и твердо. Даже Мерен, наименее восприимчивый из троих, уловил эти изменения. Он подбежал к Таите и простерся перед ним, безмолвно припав к коленям наставника. Таита поднял его и обнял. Потом отстранил на расстояние вытянутой руки и внимательно оглядел. Аура Мерена светилась оранжевым светом, как восход в пустыне. Такова аура честного воина, храброго и преданного.

– Забери свое оружие, добрый Мерен, ибо нам пора идти.

На миг Мерен как будто прирос к месту в отчаянии, а потом посмотрел на Астрату.

Таита изучил ее ауру. Та была ровной, как пламя масляной лампы, ясной и немудреной. Но он заметил, как аура Астраты внезапно дрогнула, словно ее коснулся налетевший невесть откуда ветерок. Затем снова укрепилась, когда девушка подавила горечь расставания. Мерен отвернулся от нее и пошел к жилым помещениям храма. Через минуту он вернулся с мечом на поясе и закинутыми за плечо луком и колчаном. В скатке на спине Мерен нес сделанную из шкуры барса накидку Таиты.

Таита поцеловал каждую из девушек. Его очаровывали пляшущие ауры трех апсар. Ву Лю была окутана в серебряный ореол, иногда просвечивающий золотом. Ее аура выглядела более глубокой и сложной, чем у Астраты. Уроженка Катая дальше подруги продвинулась по Пути посвященных.

У Тансид аура была перламутровой и переливалась, подобно радужной пленке масла, разлитого в чаше с вином; она беспрестанно меняла цвета, мерцая звездочками света. Эта апсара обладала благородной душой и добрым разумом. Таите подумалось, что ей, возможно, предстоит когда-то предстать пред бамбуковой иглой Саманы. Он поцеловал ее, и аура девушки засияла. За их короткое знакомство они обнаружили множество точек духовного соприкосновения. Тансид не могла не полюбить его.

– Да исполнится твое предназначение, – прошептал Таита, когда их губы разомкнулись.

– Сердце говорит мне, что ты достигнешь своей цели, маг, – едва слышно промолвила она. – Я никогда тебя не забуду.

В импульсивном порыве она обвила руками шею Таиты.

– Ах, маг… как мне хотелось бы…

– Мне известно твое желание, – тихо сказал он. – Это было бы чудесно, но есть то, чему не суждено свершиться.

Таита повернулся к Мерену:

– Ты готов?

– Готов, маг, – ответил его спутник. – Веди, и я последую за тобой.

Странники возвращались той же дорогой, по которой пришли. Они поднялись на горы, где вечные ветры выли среди вершин, затем ступили на горную тропу, ведущую на запад. Мерен помнил каждый изгиб и поворот, каждый перевал и опасную переправу, поэтому они не тратили времени на поиски верного пути и шли быстро. И снова оказались на равнинах Экбатаны, по которым огромными табунами бродили дикие лошади.

С того самого дня, когда лошади попали в Египет вместе с ордами завоевателей-гиксосов, Таита питал слабость к этим благородным животным. Он захватил их у врага и объездил первую упряжку, которую запряг в изобретенную им и построенную для армии фараона Мамоса колесницу. За эту заслугу фараон наградил его титулом «Начальник десяти тысяч колесниц». Любовь Таиты к лошадям имела длинную историю.

Путники задержались на травянистых равнинах, чтобы отдохнуть от тягот перехода по высоким горам, а кроме того, желая побыть среди коней. Следуя за табунами, они наткнулись на оазис среди унылого безликого ландшафта. То была потаенная долина, в которой на поверхность выходила цепочка подземных источников, образовывая озерца с прозрачной чистой водой. Беспрестанные ветры – настоящий бич открытых равнин – не достигали этого укромного места, и растущая здесь трава оставалась зеленой и сочной. Тут паслось множество лошадей, и Таита встал у одного из источников лагерем, чтобы пожить среди этих животных. Мерен построил из травяного дерна хижину, а топливом им служил сухой конский навоз. В озерцах водилась рыба и обитали колонии водяных крыс, которых ловил Мерен, а Таита тем временем собирал выросшие на сырой почве съедобные грибы и коренья. Вокруг хижины, достаточно близко к ней, чтобы избежать набегов лошадей, маг посадил семена, взятые из садов при храме Сарасвати, и вырастил богатый урожай. Путники отдыхали и отъедались, набираясь сил для следующего отрезка долгого и трудного путешествия.

Лошади быстро привыкли к присутствию чужаков у источников и вскоре позволяли Таите приблизиться на несколько шагов, но затем, тряхнув гривой, мчались прочь. При помощи обретенных с открытием внутреннего ока способностей маг исследовал ауру каждого животного.

Хотя ауры животных не обладали такой насыщенностью, как человеческие, по ним он мог судить, является ли здоровым и сильным это существо, обладает ли крепким сердцем и жилами. Можно было определить также его темперамент и склонности. Не составляло труда отделить упрямых и непослушных от робких и покорных. За недели, необходимые, чтобы растения в садике Таиты успели созреть, маг свел шапочное знакомство с пятью животными, каждое из которых обладало умом, силой и добрым характером. Трое из них были кобылами с годовалыми жеребятами, а две оказались совсем молоденькими, которые заигрывали с жеребцами, но все попытки самцов сблизиться пресекали ударами копыт и оскаленными зубами. Особенно понравилась Таите одна из таких молодок.

Этот маленький табун привык к магу так же, как он привязался к нему. Кобылы спали близ изгороди, сооруженной Мереном для защиты посевов. Их присутствие беспокоило Мерена.

– Знаю я это женское отродье и не доверяю ему ни на грош, – говаривал он. – Они собираются с духом. Однажды поутру мы проснемся и обнаружим, что нашего огородика и в помине нет.

Он не жалел времени, укрепляя забор и прохаживаясь вдоль него с устрашающим видом.

Его ошарашило, когда Таита набрал мешочек сладких молодых бобов, созревших первыми. Вместо того чтобы кинуть их в горшок, старик вышел с ними за изгородь, к заинтересованно наблюдающему за ними крохотному табуну. У выбранной им молодой кобылы шкура была сливочного цвета с дымчатыми пятнами. Она позволила ему подойти ближе, чем обычно, и, прижав уши, слушала обращенные к ней уговоры. Наконец Таита перешагнул через запретную черту, и лошадка, мотнув головой, умчалась прочь.

– У меня для тебя подарочек, моя дорогая! – закричал он ей вслед. – Вкусности для милой девочки.

При звуке его голоса кобыла остановилась. Он вытянул руку с бобами. Лошадка повернула голову и посмотрела на него поверх плеча. Закатив глаза так, что стали видны розовые края век, она раздула ноздри, втягивая запах угощения.

– Ну иди же, красавица, только понюхай их. Как ты можешь отказать мне?

Она фыркнула и нерешительно кивнула.

– Ну смотри. Если не хочешь, Мерен будет рад бросить их в котелок.

Маг повернулся к изгороди, но руку держал вытянутой. Они напряженно наблюдали друг за другом. Кобыла сделала шаг по направлению к нему, потом остановилась. Таита поднес руку ко рту, вложил в него боб и пожевал, не смыкая губ.

– Даже выразить не могу, как это вкусно! – заверил он ее.

Лошадь наконец сдалась.

Она подошла к нему и стала аккуратно выбирать бобы из подставленной ладони. Морда у нее была бархатистая, дыхание пахло свежей травой.

– Как же мы тебя назовем? – спросил Таита. – Имя должно быть под стать твоей красе. Ага, есть одно такое – Дымка.

В течение следующих недель Таита и Мерен собрали урожай. Вышелушив спелые бобы, они ссыпали их в мешочки, сшитые из шкур водяных крыс. Растения они высушили на ветру и на солнце, потом связали в снопы. Лошади стояли в рядок, вытянув шеи поверх изгороди, и лакомились стеблями, которые Таита скармливал им. Тем вечером он дал Дымке последнюю горсть, потом обнял ее за шею и погладил гриву, одновременно нашептывая ей в ухо ласковые слова. Потом неторопливо задрал полы туники, закинул за спину кобыле тощую ногу и уселся верхом. Лошадь застыла в изумлении и воззрилась на него через плечо огромными блестящими глазами. Таита толкнул ее пятками, и кобыла пошла, а Мерен восторженно закричал и захлопал в ладоши от радости.

Оставляя лагерь у источников, Таита скакал на Дымке, а Мерен – на одной из кобыл постарше. Поклажа ехала на вьючных животных, цепочкой тянувшихся позади. Таким образом, возвращение домой заняло меньше времени, чем дорога в ту сторону. Тем не менее в Галлалу они вернулись после целых семи лет отсутствия.

Стоило распространиться вести об их приезде, город возликовал. Жители давно считали путников погибшими. Целыми семьями они стекались к обиталищу Таиты и Мерена в древнем храме, неся подарки и спеша засвидетельствовать свое почтение. Многие дети выросли за время их отсутствия, а иные из тех, кто тогда были детьми, обзавелись уже собственными.

Таита брал на руки каждого малыша и благословлял. Караванщики быстро разнесли весть о возвращении странников по всему Египту. Вскоре прибыли гонцы из дворца в Фивах, от фараона Нефера-Сети и царицы Минтаки. Новости они принесли нерадостные: от них Таита впервые узнал о беде, постигшей царство. «Приезжай как можно быстрее, о мудрейший, – гласил приказ фараона. – Ты нужен нам».

«Я приеду к вам с рождением новой луны Исиды», – последовал ответ Таиты.

Задержка не являлась его капризом – он понимал, что духовно еще не готов дать совет своему фараону. Он чувствовал, что чума является предвестием большего зла, о наступлении которого предупреждала достопочтенная мать Самана. Даже обладая способностями внутреннего ока, маг не мог пока лицом к лицу встать против лжи. Следовало провести и изучить гадания, собрать внутренние силы. Кроме того, необходимо было дождаться пророческого указания, которое, как он знал по наитию, придет к нему в Галлале.

Но ему постоянно мешали и не давали покоя. Вскоре потянулись паломники и просители, молящие о милости, убогие и калеки, чающие исцеления. Посланники царей приносили богатые дары и жаждали услышать прорицание и наставление свыше. Таита тщательно вглядывался в их ауры в надежде увидеть глашатая, которого ждал. И, в очередной раз разочаровавшись, отказывался принимать дары.

– Нельзя ли нам брать хотя бы толику, маг? – упрашивал Мерен. – Хоть ты и стал святым, но все равно нуждаешься в еде, а туника твоя давно превратилась в лохмотья. Мне же не помешает новый лук.

Подчас некоторые из посетителей дарили магу мимолетную надежду, которую внушала сложность их ауры. Это были искатели мудрости и знания, привлеченные к нему высокой репутацией Таиты среди братства магов. Но они приходили только черпать из него, никто не мог сравниться с ним способностями или предложить что-то взамен. Тем не менее старик внимательно выслушивал гостей, впитывая и взвешивая их слова. Ничего важного он не услышал, но подчас какая-то случайная реплика или ошибочное мнение придавали новый поворот его мыслям. Отталкиваясь от заблуждений, Таита приходил к противоположным и правильным выводам. Он ни на миг не забывал о полученном от Саманы и Кашьяпа предупреждении: чтобы выжить в грядущей схватке, от него потребуются все силы, вся мудрость и вся изворотливость.

Караваны, прибывающие из Египта и следующие далее по скалистой пустыне до Сагафы на берегу Красного моря, регулярно приносили новости из отчизны. С приходом очередного каравана Таита посылал Мерена потолковать с караванщиком. Те обращались с ним почтительно, зная, что это доверенный человек Таиты, прославленного мага.

Тем вечером Мерен вернулся из города и сообщил:

– Обэд Тиндали, караванный купец, просит помянуть его в твоих молитвах великому богу Гору и шлет в дар отборные кофейные зерна из далекой Эфиопии. Но крепись, маг, потому как купец принес из дельты вести, которые тебя не обрадуют.

Старик опустил глаза, чтобы не выдать промелькнувшей в них тени страха. Какие вести могут стать хуже уже полученных?

– Не пытайся оберечь меня, Мерен, – строго ответил он, снова подняв взгляд. – Не умалчивай ни о чем. Начался ли разлив Нила?

– Пока еще нет, – сокрушенно промолвил Мерен. – Вот уже семь лет прошло без половодья.

Маска суровости на лице Таиты дрогнула. Без подъема воды и без толстого слоя плодородного ила, который река несла с юга, Египет был обречен на голод, страдания и гибель.

– Мне очень горько, маг, но худшее еще впереди, – пробормотал Мерен. – То небольшое количество воды, которое еще осталось в Ниле, обратилось в кровь.

– В кровь? – повторил Таита, воззрившись на молодого человека. – Как это?

– Даже отдельные озерца речной воды стали темно-красными и воняют, словно кровь, свернувшаяся в жилах трупа, – ответил Мерен. – Ни человек, ни зверь не способны пить эту жидкость. Кони и скот, даже козы, умирают от жажды. Их иссушенные тела лежат рядами вдоль берегов.

– Чума и горе! Подобного бедствия не происходило в нашей истории с самого начала времен, – прошептал Таита.

– Беда не приходит одна, маг, – продолжил Мерен сдавленным голосом. – Из кровавых луж Нила вышли полчища колючих жаб, огромных и проворных, как собаки. Зловонный яд сочится из бородавок, покрывающих их отвратительные тела. Гадины питаются трупами павших животных. Но и это еще не все. В народе говорят – избави нас Гор, – что эти чудовища нападают на детей и на всех, кто слишком стар или слаб, чтобы защититься, и заживо пожирают трепыхающуюся жертву.

Мерен судорожно вздохнул.

– Что происходит в стране? – спросил он. – Что за ужасное проклятие обрушилось на нас, маг?

За долгие годы со дня великого сражения против узурпаторов-лжефараонов и восхождения Нефера-Сети на двойной трон Верхнего и Нижнего Египта Мерен никогда не покидал Таиту. Он стал ему приемным сыном, заменив настоящего, который никогда не мог бы появиться из изувеченных чресел мага. Нет, Мерен был ему даже больше чем сын – его любовь к старику превосходила кровные узы. Теперь Таиту тронуло его отчаяние, хотя он и сам был опечален ничуть не меньше.

– Почему случилось такое с нашей любимой страной, с нашим любимым народом, с нашим любимым царем? – причитал Мерен.

Таита покачал головой и долго ничего не отвечал. Потом положил руку на плечо Мерену.

– Боги гневаются, – сказал он.

– За что? – не унимался Мерен. От обуявшего его сверхъестественного ужаса могучий воин и неутомимый попутчик казался беспомощным, почти как ребенок. – Чем мы их оскорбили?

– Я ищу ответ на этот вопрос с самого нашего возвращения в Египет. Я приносил жертвы и искал знака в глуби и шири небес. Но до сих пор не могу обнаружить причины божественного гнева. Как будто чье-то зловещее влияние скрывает ее.

– Ради фараона и Египта, ради всех нас, маг, ты должен найти ответ! – воззвал Мерен. – Но где искать его?

– Ответ скоро придет ко мне, Мерен. Так предрекают гадания. Его доставит какой-то нежданный посланец, будь то человек или демон, зверь или бог. Возможно, он явится в виде знака с небес, надписью из звезд. Но ответ скоро придет ко мне здесь, в Галлале.

– Когда, маг? Не опоздал ли он уже сейчас?

– Быть может, это произойдет этой самой ночью.

Одним легким движением Таита поднялся. Вопреки возрасту, двигался он как молодой человек. Его проворство и выносливость не переставали изумлять Мерена даже после стольких лет, проведенных рядом с ним. Маг взял стоящий в углу террасы посох и, опершись на него, остановился у подножия лестницы, чтобы посмотреть на высокую башню. Ее соорудили для Таиты местные жители. Все семьи Галлалы приняли участие в работе. Получился осязаемый знак любви и уважения, питаемых людьми к старому магу, который открыл горожанам источник пресной воды и оберегал город при помощи незримых, но могущественных чар.

Таита начал взбираться по винтовой лестнице, идущей по внешней стороне башни; ступеньки были узкие, не защищенные перилами. Старик бежал наверх, как горный козел, не глядя под ноги, и только легонько пристукивал по камням посохом. Добравшись до площадки на вершине, он расстелил шелковый молитвенный коврик и сел, обратившись лицом к востоку. Мерен поставил рядом с наставником серебряную флягу, а сам сел немного позади, чтобы оказаться под рукой, если Таите понадобятся его услуги, но не совсем рядом, чтобы не помешать магу сосредоточиться.

Таита вытащил из фляжки роговую пробку и отхлебнул бьющей в нос горькой жидкости. Он медленно проглотил ее, чувствуя, как тепло растекается от живота по всем мускулам и нервам тела, наполняя разум кристальным сиянием. Старик сделал тихий вдох и позволил внутреннему оку своей души открыться под влиянием снадобья.

Две ночи назад ночное чудовище поглотило старую луну, и теперь небо принадлежало одним только звездам. Таита наблюдал, как они зажигаются, следуя своей иерархии: самые яркие и крупные показывали дорогу. Вскоре они высыпали на небосводе бессчетным множеством, залив пустыню серебристым светом. Всю свою жизнь Таита изучал звезды. Он думал, что знает о них все, но теперь, при помощи внутреннего ока, открыл новое понимание их свойств и расположения каждой из них в вечной схеме мироздания, а также влияния на дела людей и богов.

Среди них была одна особенная звезда, светившая ярче прочих. Маг знал, что она ближайшая к месту его расположения. При виде ее все чувства его обострились: он заметил, что этим вечером звезда висит прямо над башней.

Впервые эта звезда загорелась на небе ровно девяносто дней спустя после мумификации царицы Лостры, в ту ночь, когда он запечатал ее в гробнице. Появление ее стало чудом.

Перед смертью Лостра обещала, что вернется к нему, и Таита искренне верил, что эта звезда есть исполнение ее клятвы. Она никогда не покидала его. Все последующие годы это светило служило ему путеводной звездой. Стоило ему посмотреть на него, и одиночество, заполнившее его душу после смерти возлюбленной, рассеивалось. Обретя возможность смотреть на эту светящуюся точку внутренним оком, он видел, что звезда Лостры окружена ее аурой. Хотя в сравнении с иными небесными телами эта звезда казалась крошечной, ни одна другая не могла сравниться с ней красотой. Таита ощущал, что любовь к Лостре горит в нем ровным, неугасимым огнем, согревая душу.

Внезапно все его тело напряглось в тревоге, а по венам к сердцу побежала холодная волна.

– Маг! – Мерен уловил перемену настроения наставника. – Что тебя тревожит?

Он схватил Таиту за плечо, положив другую руку на эфес меча. Не в силах вымолвить в своем состоянии ни слова, старик скинул его руку, продолжая смотреть вверх.

За время, минувшее с той ночи, когда он в прошлый раз наблюдал звезду Лостры, она возросла в несколько раз по сравнению со своей нормальной величиной. Некогда яркая и ровная ее аура теперь стала прерывистой и зияла прорехами, как изорванное в бою знамя побежденной армии. Очертания самого светила исказились: оно раздулось по обоим краям и сузилось в середине.

Даже Мерен заметил эту перемену.

– Твоя звезда! – вскричал он. – С ней что-то случилось! Что это может означать?

Он знал, как важна она для Таиты.

– Пока не могу сказать, – прошептал тот в ответ. – Оставь меня здесь, Мерен. Отправляйся спать. Меня не нужно отвлекать. Возвращайся на заре.

Таита наблюдал до тех пор, пока звезды не померкли в лучах солнца. К тому времени, когда Мерен пришел проводить мага с башни вниз, тот убедился, что звезда Лостры погибает.

Измученный долгим ночным бдением, уснуть Таита все равно не мог. Образ умирающего светила заполнял его ум, и мага одолевали смутные недобрые предчувствия.

Это было последнее и самое ужасное проявление зла. Сначала пришла чума, убивавшая людей и животных, и вот теперь это жуткое коварство, убивающее звезды. На следующую ночь Таита не поднялся на башню, а отправился в пустыню, ища уединения. Хотя Мерену и велено было не следовать за ним, он потихоньку наблюдал за наставником издалека. Разумеется, маг почувствовал его присутствие и окутал себя заклятием сокрытия. Мерен, сердитый и обеспо-

коенный, искал его всю ночь. А вернувшись на рассвете в Галлалу, чтобы собрать поисковую партию, обнаружил Таиту сидящим на террасе древнего храма.

– Ты разочаровываешь меня, Мерен. Для тебя совсем не свойственно пропадать и пренебрегать своими обязанностями, – укорил его старик. – Вдобавок ты решил уморить меня голодом? Призови служанку, которую ты недавно нанял, и будем надеяться, что ты выбрал ее благодаря умению готовить, а не ради смазливого личика.

За весь этот день он не вздремнул, сидя в одиночестве в дальнем конце тенистой террасы. Поужинав, маг снова поднялся на вершину башни. Солнце еще стояло в небе на палец выше горизонта, но Таита не хотел упустить ни единого мгновения из того времени, когда опустится тьма и появятся звезды.

Ночь пришла, подкравшись тихо, как вор. Таита напряженно смотрел на восток. Звезды искорками вспыхивали на темном небосводе, разгораясь все ярче. Затем внезапно над его головой появилась звезда Лостры. Таита удивился, что она покинула свое привычное положение в строю небесных тел. Теперь она, подобно горящему факелу, висела прямо над башней Галлалы.

Она не была более звездой. За несколько часов, миновавших со времени последнего наблюдения, она превратилась в пылающее облако и разорвалась на части. Темные зловещие пары окружали ее, освещенные пожирающим звезду пожаром, который озарял небо над головой мага.

Долгие ночные часы Таита ждал и наблюдал. Изувеченное светило не меняло своего положения у него над головой. Оно оставалось неподвижным на рассвете и появилось на том же самом месте с наступлением следующей ночи. Ночь за ночью звезда оставалась на одной и той же позиции и горела, как исполинский маяк, зловещий свет которого достигал, наверное, самого края небес. Облака обволакивающего ее дыма клубились и закручивались вихрями. Внутри их кольца вспыхивали очаги пламени, затем угасали, чтобы вспыхнуть вновь в другом месте.

На заре городской люд потянулся к древнему храму и стал дожидаться мага в тени высокого колонного зала. Стоило Таите спуститься с башни, его обступили кольцом, прося объяснить появление огромных языков пламени, висящих в небе над Галлалой.

– О могущественный маг! – взывали жители. – Не является ли это предвестием нового несчастья? Разве Египет претерпел еще недостаточно? Просим, растолкуй нам эти ужасные знамения.

Но Таита ничего не мог ответить им в утешение. Ничто в постигнутой им науке не приготовило его к такому событию, как противоестественное поведение звезды Лостры.

Когда новая луна набрала силу, она несколько смягчила зловещее сияние горящей звезды. Но стоило ей пойти на убыль, звезда Лостры снова оказалась главным светилом на ночном небе и горела столь ярко, что прочие звезды померкли в сравнении с ней. Как будто притянутые светом этого маяка, с юга нахлынули темные тучи саранчи и опустились на Галлалу. Вредители провели в округе города два дня и опустошили все орошаемые поля, не оставив ни единого колоска дурры[1] или нетронутого листочка на оливковых деревьях. Ветви гранатов сгибались под тяжестью их роев и затем ломались. Наутро третьего дня насекомые огромным гудящим облаком поднялись в воздух и устремились на запад, к Нилу, чтобы нанести еще один удар по землям, и без того умирающим из-за отсутствия разлива реки.

Египет погибал, и народ его впал в отчаяние.

Затем в Галлалу прибыл еще один посетитель. Явился он ночью, но пламя звезды Лостры горело так ярко, как последний сполох масляной лампы, перед тем как потухнуть. Поэтому Мерен указал Таите на караван, когда тот находился еще довольно далеко от города.

[1] *Дурра* – злаковое растение, разводимое в Азии и Африке.

– Эти вьючные животные пришли из далекой страны, – заметил Мерен.

Верблюды в Египте не обитали и встречались достаточно редко, чтобы вызвать у него интерес.

– Путники не следовали по обычной караванной тропе, – продолжил молодой воин, – но появились из пустыни. Странно все это, нам следует быть настороже.

Чужеземцы, не медля ни минуты, направились прямо к храму, словно кто-то указывал им путь. Погонщики принялись разгружать верблюдов; царила привычная суета каравана, встающего лагерем.

– Ступай к ним, – велел Таита. – Выясни о них все, что сможешь.

Мерен вернулся, когда солнце уже поднялось над горизонтом.

– Там двадцать человек, – доложил молодой воин. – Все они – слуги и помощники. Говорят, что провели в пути много месяцев, чтобы добраться до нас.

– Кто их предводитель? Что ты разузнал о нем?

– Я его не видел, он отошел ко сну. Его шатер там, в середине лагеря. Сделан он из тончайшего шелка. Все его люди говорят о нем с величайшим уважением и почтением.

– Как его зовут?

– Не знаю. Они называли его Хитама, что на их языке означает «преуспевший в науках».

– Что ему нужно здесь?

– Ты, маг. Он приехал к тебе. Старший караванщик осведомлялся о тебе, назвав твое имя.

Таита почти не удивился.

– Как у нас с едой? Нам следует оказать гостеприимство этому Хитаме.

– После саранчи и засухи осталось немногое. У меня есть копченая рыба и горстка муки, чтобы испечь соленые лепешки.

– Как насчет собранных вчера грибов?

– Они испортились и жутко воняют. Быть может, мне удастся разжиться чем-нибудь в деревне.

– Нет, не докучай нашим друзьям. Им и без того нелегко приходится. Обойдемся тем, что есть.

В конце концов их спасла щедрость гостя. Хитама принял приглашение разделить ужин, но назад Мерен вернулся с даром в виде отличного откормленного верблюда. Сомнений не оставалось, что гость хорошо осведомлен о свирепствующем в этих местах голоде. Мерен забил скотину и зажарил лопатку. Оставшейся туши хватило на угощение слуг Хитамы и большей части обитателей деревни.

Таита ожидал гостя на крыше храма. Ему очень хотелось узнать, кем же тот является. Титул указывал на принадлежность к магам, хотя прибывший мог оказаться настоятелем какого-нибудь святилища или вождем ученой секты. Старик чувствовал, что ему должно открыться нечто очень важное.

«Не посланец ли это, прибытие которого предсказывали гадания? Тот самый, которого я так долго дожидался?» – размышлял маг. Он шевельнулся, услышав, как Мерен подводит гостя к каменной лестнице.

– Оберегайте своего господина, – обращаясь к носильщикам, сказал Мерен. – Ступени лестницы выщерблены и могут представлять опасность.

Наконец подъем окончился, и закрытый пологом паланкин опустили рядом с циновкой Таиты. Мерен поставил на столик между ними серебряный кувшин с ароматным гранатовым шербетом и два кубка. Затем вопросительно посмотрел на наставника:

– Желаешь ли еще чего-нибудь, маг?

– Ты можешь идти, Мерен. Я позову тебя, когда мы будем готовы к трапезе.

Таита наполнил шербетом кубок и поместил его у прорези полога, до сих пор еще плотно задернутого.

– Добро пожаловать! Вы оказали честь моему прибежищу, – сказал старик, обращаясь к незримому гостю.

Ответа не последовало. Он сосредоточил всю силу внутреннего ока на паланкине. И пришел в замешательство: за шелковыми занавесками не обнаружилось ни следа ауры. Он внимательно осмотрел пространство, скрытое пологом, но никакого признака жизни не заметил. Паланкин казался необитаемым.

– Кто здесь? – Таита резко встал и подошел к носилкам. – Отвечай! Что за чертовщина?

Он отдернул занавеску и в изумлении отпрянул. На застеленном подушками ложе лицом к нему сидел, скрестив ноги, человек, всю его одежду составляла только красная набедренная повязка. Тело напоминало обтянутый кожей скелет, лысая голова походила на череп, а кожа была сухой и сморщенной, как сброшенная змеей шкура. Обветренное, словно древняя кость, лицо незнакомца хранило возвышенное, даже прекрасное выражение.

– У тебя нет ауры! – воскликнул Таита, прежде чем успел опомниться и прикусить язык.

Хитама слегка кивнул:

– Как и у тебя, Таита. Ни у кого, кто вернулся из храма Сарасвати, нет четко выраженной ауры. Мы оставили часть нашей человеческой сущности у Кашьяпа, хранителя светоча. Эта особенность позволяет нам распознавать друг друга.

Таита некоторое время молчал, осмысливая услышанное. Хитама эхом вторил словам Саманы.

– Кашьяп мертв, и его место перед богиней заняла женщина, – сказал он наконец. – Ее зовут Самана. Она говорила, что существуют другие посвященные. Ты первый из встреченных мной.

– Немногим из нас явлен дар внутреннего ока. Нас мало, и число наше продолжает уменьшаться. Тому есть зловещая причина, о которой я поведаю тебе в свое время. – Он указал на место на матрасе рядом с собой. – Подойди и присаживайся, Таита. Слух начинает изменять мне. Нам многое предстоит обсудить, а времени мало.

Посетитель переключился с ломаного египетского на сокровенный язык тенмасс, которым владел в совершенстве.

– Нам следует хранить тайну, – пояснил он.

– Как ты нашел меня? – спросил Таита на том же языке, садясь рядом с гостем.

– Меня вела звезда. – Старец обратил лицо к востоку.

Пока шел разговор, опустилась ночь, и свод небес озарился сиянием. Звезда Лостры по-прежнему горела прямо над головой, но продолжала изменять форму и содержание. Не имея больше твердого ядра, она превратилась всего лишь в облако раскаленных газов, которые раздувал длинным пером солнечный ветер.

– Я всегда сознавал свою глубинную связь с этой звездой, – прошептал Таита.

– И не без оснований, – загадочно заверил его гость. – Твоя судьба связана с ней.

– Но она умирает прямо у нас на глазах!

Старец посмотрел на него так, что у Таиты закололо в кончиках пальцев.

– Ничто не умирает. То, что мы называем смертью, на самом деле есть лишь перемена состояния. Она пребудет с тобой вечно.

Таита раскрыл рот, намереваясь сообщить, что «она» – это Лостра, но Хитама знаком остановил его.

– Не произноси ее имени вслух. Таким образом ты выдаешь его тем, кто желает тебе зла.

– Неужели имя столь могущественно?

– Без имени ничто не может существовать. Даже богам оно необходимо. И только правда безымянна.

– И ложь, – добавил Таита.

Но гость покачал головой:

– Имя лжи – Ариман.

– Тебе мое имя известно, а вот мне твое – нет.

– Меня зовут Деметер.

– Деметер – это один из полубогов. – Таите сразу припомнилось это имя. – Ты – это он?

– Как видишь, я смертный. – Деметер поднял руки, и они затряслись в старческом треморе. – Я Долгоживущий, как и ты, Таита. Я живу невообразимо долго. Но вскоре умру. Я уже умираю. В свое время ты последуешь за мной. Никто из нас не является полубогом. Мы не принадлежим к благим бессмертным.

– Ты не можешь покинуть меня так быстро, Деметер, – запротестовал Таита. – Мы ведь только встретились. Я так долго искал тебя, так многому хочу у тебя научиться! Ведь ты за этим приехал ко мне, а не для того, чтобы умереть?

Деметер склонил голову в знак согласия:

– Я пробуду с тобой так долго, сколько смогу, но я изношен прожитыми годами и ослаблен силами лжи.

– Не стоит терять ни единого часа, отведенного нам. Наставляй меня, – смиренно попросил Таита. – Я младенец в сравнении с тобой.

– Мы уже начали, – сказал Деметер.

– Время – это река, подобная той, что течет над нами. – Деметер вскинул голову, кивнув в сторону Океана, этой бескрайней звездной реки, пересекающей небо от горизонта до горизонта. – У него нет начала и нет конца. Существовал тот, кто пришел до меня, и бесчисленное множество прочих, пришедших до него. Я унаследовал свой долг от него. Это священный жезл, передаваемый от одного бегуна следующему. Одни несут его немного дольше, чем другие. Мой бег почти окончен, ибо я выбился из сил. Пришло время вручить жезл тебе.

– Почему мне?

– Так предопределено. Не нам оспаривать это решение или сомневаться в нем. Открой свой ум, Таита, дабы принять то, что я передам тебе. Обязан предупредить, что это отравленный дар. Приняв его, ты можешь навсегда лишиться покоя, потому что тебе придется вечно держать на своих плечах все тяготы и скорби мира.

Они помолчали, пока Таита осмысливал эту безрадостную перспективу.

– Я отказался бы, если бы мог, – сказал он наконец со вздохом. – Продолжай, Деметер, поскольку противиться неизбежному я не могу.

Деметер кивнул:

– Я верю, что ты добьешься успеха там, где я потерпел столь прискорбное поражение. Тебе предстоит стать стражем врат крепости правды, защищая их от атак приспешников лжи.

Шепот Деметера сделался более твердым и настойчивым.

– Мы говорили о богах и полубогах, об адептах и благих бессмертных. Я понял, что ты уже имеешь подробное представление об этих вещах. Но скажу тебе больше. С самого начала времен, от Великого хаоса, боги последовательно возносились и низвергались. Он сражались друг с другом или с приспешниками лжи. Титаны, древнейшие из богов, были низвергнуты олимпийскими богами. Те, в свою очередь, теряют силу. Никто не верит и не поклоняется им. Они потерпят поражение и будут смещены молодыми богами. Или, если мы потерпим неудачу, злобными сторонниками лжи.

Деметер помолчал немного, а потом продолжил окрепшим голосом:

– Это восхождение и падение божественных династий подчиняется естественному и неизменному своду законов, созданному, чтобы оберечь порядок от Великого хаоса. Эти законы управляют космосом. Им повинуются приливы и отливы. По их воле день сменяет ночь.

Они управляют ветрами и бурями, вулканами и цунами, создают и уничтожают империи. Боги суть лишь слуги правды. В конце останутся только правда и ложь.

Неожиданно Деметер повернулся и бросил взгляд назад; выражение его лица стало печальным, но спокойным.

– Ты чувствуешь это, Таита? Ты слышишь?

Таита напряг слух и наконец уловил вокруг слабый шорох, как если бы воздух рассекали крылья стервятников, слетающихся на свой отвратительный пир. Слишком потрясенный, чтобы говорить, он кивнул. Ощущение надвигающегося зла почти ошеломило его. Ему пришлось собрать все силы, чтобы стряхнуть с себя этот гнет.

– Она уже здесь. – Голос Деметера стал тише; он говорил с трудом, задыхаясь, словно его легкие сдавил тяжкий груз.

– Ты чувствуешь ее запах? – спросил он.

Таита раздул ноздри и уловил слабый аромат порчи и разложения, больной и гниющей плоти, чумных миазмов и протухших внутренностей.

– Я чувствую и осязаю, – ответил маг.

– Мы в опасности, – сказал Деметер и придвинулся к Таите. – Возьмемся за руки! Нам следует объединить силы, чтобы сопротивляться ей.

Когда их пальцы соприкоснулись, между ними промелькнула жгучая синеватая искра. Таита подавил порыв отдернуть руку и разорвать контакт. Вместо этого он взял ладони Деметера в свои и крепко сжал. Сила заструилась по их рукам. Постепенно злое присутствие отдалилось, и маги снова смогли дышать свободно.

– Это было неизбежно, – покорно промолвил Деметер. – Она разыскивала меня все минувшие столетия, с тех самых пор, как я вырвался из паутины ее заклинаний и чар. Но теперь, объединившись с тобой, мы создали такой сгусток внутренней энергии, что ей не составило труда обнаружить его, даже с большого расстояния. Так большая акула обнаруживает косяк сардин задолго до того, как увидит их.

Он грустно посмотрел на Таиту, все еще держащего его за руки.

– Теперь, через меня, ей известно про тебя, Таита. Но пусть не через меня, она узнала бы о тебе какими-либо другими средствами. Твой запах, разносимый ветрами космоса, силен, а она – грозная хищница.

– Ты говоришь «она». Кто эта женщина?

– Она называет себя Эос.

– Я слышал это имя. Некая Эос побывала в храме Сарасвати более пятидесяти поколений тому назад.

– Это она и есть.

– Эос – это древняя богиня зари, сестра Гелиоса, солнца, – сказал Таита. – Она была ненасытной нимфоманкой, но ее уничтожили во время войны между титанами и олимпийцами. – Он покачал головой. – Это не может быть та самая Эос.

– Ты прав, Таита. Не та самая. Эта Эос – приспешница лжи. Она ловкая самозванка, узурпатор, обманщица, воровка, пожирательница детей. Она украла личность древней богини, унаследовав все ее грехи, но ни одного из достоинств.

– Правильно ли я тебя понял, что Эос живет вот уже пятьдесят поколений? Если так, то ей уже две тысячи лет! – недоверчиво воскликнул египтянин. – Кто она такая? Смертная или вечно живущая, женщина или богиня?

– Поначалу ее сущность была человеческой. Много веков назад она служила верховной жрицей храма Аполлона в Илионе. Когда спартанцы разграбили этот город, она ухитрилась сбежать и приняла имя Эос. Тогда она еще оставалась женщиной, но у меня нет слов, чтобы описать, кем она стала с тех пор.

– Самана показала мне надпись в древнем храме, где рассказывалось о приезде женщины из Илиона, – сказал Таита.

– Это о ней. Курма открыл ей дар внутреннего ока. Настоятель поверил, что она избранная. Ее талант хитрить и притворяться был таким, что даже Курма, этот великий мудрец и ученый, не сумел разглядеть истинную ее сущность.

– Если эта женщина – воплощение зла, то не в том ли наш прямой долг, чтобы найти ее и сокрушить?

Деметер печально улыбнулся:

– Я всю свою жизнь посвятил этой цели, но изворотливость колдуньи не уступает ее злобе. Эос неуловима, как ветер. У нее нет ауры. Она способна защитить себя заклятиями и чарами, для преодоления которых моих знаний оккультных наук недостаточно. Она ставит ловушки для тех, кто пытается ее поймать. С легкостью перемещается с одного континента на другой. Курма только умножил ее силы. Тем не менее однажды мне удалось ее найти. Впрочем, – поправился он, – если быть точным, не я нашел ее. Это она меня выследила.

Таита нетерпеливо подался вперед:

– Так ты знаешь эту тварь? Встречался с ней лицом к лицу? Поведай, Деметер, какова ее наружность?

– В случае опасности она меняет внешность, как хамелеон. Да только среди многочисленных ее грехов нашлось место и тщеславию. Ты даже представить не можешь, сколь прекрасный облик способна принять эта злодейка. От такой красоты замирает сердце, отказывает разум. Когда она находится в таком обличье, ни один мужчина не может устоять перед ней. При виде ее даже самая благородная душа опускается до уровня звериной. – Деметер помолчал, взор его затуманила печаль. – Вопреки всей моей подготовке как адепта, мне не удалось подавить основной инстинкт. Я утратил способность и желание трезво мыслить. В тот миг для меня не существовало ничего, кроме нее. Мной овладела похоть. Эос играла со мной, как осенний ветер с сухим листом. Мне казалось, она дает мне все, дарит все земные радости. Она отдала мне свое тело.

Старец тихо застонал, потом собрался с силами.

– Даже теперь одно воспоминание об этом приводит меня на грань безумия. Все ее изгибы и округлости, колдовская нагота и благоуханное лоно… Я не пытался противиться ей, потому как ни один смертный мужчина на такое не способен.

Сморщенные его щеки окрасились слабым румянцем.

– Ты упомянул, Таита, что изначальная Эос была ненасытной нимфоманкой, но та, другая Эос перещеголяла даже ее аппетит. Целуя, она вытягивает из любовника жизненные соки, все равно как ты или я высасываем сок из спелого апельсина. Впуская мужчину между своих бедер, сливаясь с ним в блаженном, но демоническом соитии, она иссушает само его естество. Забирает у него душу. Его духовная сущность – амброзия, питающая ее. Она как жуткий упырь, кормящийся человеческой кровью. В жертвы себе она выбирает лучших, мужчин и женщин доброго ума, служителей правды, магов с блестящей репутацией или одаренных провидцев. Выследив добычу, Эос гонит ее с упорством волка, преследующего оленя. Она всеядна. Для нее не важны возраст, наружность, физические изъяны или несовершенство. Ее аппетит утоляет не их плоть, но их душа. Она пожирает молодых и старых, мужчин и женщин. Поймав жертву в силки, опутав своей шелковой паутиной, злодейка извлекает из нее весь накопленный запас знаний, всю мудрость и опыт. Высасывает их через рот своими проклятыми поцелуями. Вытягивает из чресл во время порочных объятий. И оставляет только высушенную оболочку.

– Я наблюдал такой плотский обмен, – сказал Таита. – Подойдя к концу жизни, Кашьяп передал таким образом все накопленные им знания и опыт Самане, которую избрал своей наследницей.

– Обмен, который ты видел, был добровольным. Мерзкий акт, практикуемый Эос, – это распутное насилие и захват. Она похитительница и пожирательница душ.

С минуту Таита ошеломленно молчал, а потом спросил:

– Старых и больных? Здоровых и увечных? Мужчин и женщин? Но как удается ей сочетаться с теми, кто давно не способен к соитию?

– У нее есть чары, которые ты или я, при всей нашей учености, не в силах воспроизвести или хотя бы измерить. Ей ведомо искусство возрождать дряхлую плоть жертв на один только день, которого ей достаточно, чтобы высосать их ум и духовную сущность.

– Но ты так и не ответил на мой вопрос. Кто она такая? Смертная или бессмертная? Женщина или богиня? Неужели поразительная красота, коей она обладает, не поддается описанию словом? Неужели она неуязвима для времени и старости, как ты или я?

– На твой вопрос, Таита, я отвечу, что не знаю. Возможно, она самая старая женщина на свете. – Деметер беспомощно развел руками. – Но ей, похоже, удалось познать волшебство, ведомое прежде только богам. Делает ли это ее богиней? Не знаю. Вероятно, она не обладает бессмертием, но точно не подвластна возрасту.

– Что ты предлагаешь, Деметер? Как нам проследить за ней до ее логова?

– Она уже нашла тебя, и ты пробудил в ней зверский аппетит. Не ищи ее, она сама тебя разыщет. И притянет к себе.

– Деметер, я давно уже не подвластен тем соблазнам и ловушкам, которые даже столь коварное создание способно расставить на моем пути.

– Она хочет тебя, а значит, обязана тебя заполучить. Но вместе, ты и я, представляем для нее угрозу. – Старец поразмыслил немного, подбирая слова. – Из меня она вытянула почти все, что я мог дать, и теперь хочет избавиться от меня, чтобы обособить тебя. В то же время колдунья проследит, чтобы с тобой не произошло ничего дурного. Оставшись один, ты поймешь, что практически не можешь противиться ей. Объединенными же силами мы можем отразить ее козни и даже найти способ, как проверить, бессмертна она или нет.

– Я рад, что ты рядом со мной, – сказал Таита.

Деметер ответил не сразу. Он долго смотрел на Таиту, и на лице его проступило какое-то новое, странное выражение.

– Ты не испытываешь страха? – спросил он наконец тихим голосом. – Тебя не обуревает предчувствие беды?

– Нет. Я верю, что мы победим, – ответил Таита.

– Ты принял во внимание мои серьезные предупреждения. Осознал грозную силу, с которой нам предстоит столкнуться. И все-таки не колеблешься. Не питаешь сомнений – ты, мудрейший из людей. Как это объяснить?

– Я знаю, что это неизбежно. Мне предстоит выйти на бой против Эос с отвагой и чистым сердцем.

– Загляни вглубь своей души, Таита. Ощущаешь ли ты возбуждение? Когда в последний раз ты чувствовал себя таким мужественным, таким окрыленным?

Таита задумчиво посмотрел на гостя, но ничего не ответил.

– Таита, ты должен быть предельно откровенен сам с собой, – продолжил Деметер. – Чувствуешь ли ты себя как воин, идущий в битву, из которой может не вернуться живым? Обуревают ли тебя еще какие-нибудь непривычные эмоции? Не безрассудно ли ты отмахиваешься от последствий, как юноша, спешащий на свидание с возлюбленной?

Таита сохранял молчание, но выражение его лица переменилось: румянец на его щеках побледнел, взгляд стал трезвым.

– Я не боюсь, – сказал он наконец.

– Скажи правду: ум твой наполняют сладострастные образы и бессознательные стремления, не так ли?

Таита закрыл глаза и сжал челюсти.

– Она уже заразила тебя своим злом, – безжалостно продолжал Деметер. – Начала опутывать своими чарами и искушениями. Эос исказит твое восприятие. Вскоре ты станешь сомневаться, что она – зло. Будешь видеть в ней самую прекрасную, благородную и добродетельную из женщин. И начнешь считать злом меня – того, кто настраивает тебя против нее. Когда это случится, она разделит нас и уничтожит меня. А ты с радостью и по своей воле сдашься ей. И Эос восторжествует над нами обоими.

Таита встряхнулся всем телом, словно избавляясь от облепившего его роя ядовитых насекомых.

– Прости меня, Деметер! – вскричал он. – Теперь, после того как ты предупредил меня о ее умысле, я почувствовал, что поддался усыпляющей слабости. Я потерял власть над своим разумом. Твои слова верны: меня охватили странные желания. Огради меня, великий Гор. – Таита застонал. – Я и не думал, что вновь испытаю такие страдания. Мне казалось, что муки вожделения остались для меня далеко позади.

– Раздирающие тебя эмоции не имеют отношения к твоей мудрости или твоему рассудку. Это проникающая в душу зараза, отравленная стрела, выпущенная из лука великой колдуньи. Однажды она напала на меня таким же самым образом. И ты видишь, во что я теперь превратился. Зато освоил искусство выживать.

– Научи меня. Помоги мне противостоять ей, Деметер!

– Я невольно выдал тебя Эос. Мне казалось, что я ускользнул от нее, но на самом деле она использовала меня как охотничью собаку, приведшую ее к новой жертве. Однако теперь мы должны вместе противостоять ей как одно целое. Это единственный способ отразить ее нападение. Но прежде всего нам следует покинуть Галлалу. Долго сопротивляться, находясь в одном месте, невозможно. Если ей трудно будет обнаружить наше местонахождение, то, соответственно, и затруднительно сосредоточить на нас все свои силы. Мы же должны непрестанно ткать защитную ширму, скрывающую наши передвижения.

– Мерен! – требовательно позвал Таита.

Его помощник явился мгновенно.

– Как быстро мы будем готовы выехать из Галлалы? – спросил маг.

– Тотчас приведу лошадей. Но куда мы едем, господин?

– В Фивы и в Карнак, – ответил Таита и посмотрел на Деметера.

Тот кивнул.

– Нам следует заручиться поддержкой из каждого доступного источника, мирского или духовного, – сказал он.

– Фараон – избранник богов и самый могущественный среди людей, – согласился Таита.

– А ты главный среди его приближенных, – заметил старец. – Мы отправляемся этой же ночью и едем к нему.

Таита ехал на Дымке, Мерен следовал за ним по пятам на одной из других лошадей, приведенных с равнин Экбатаны. Деметер покачивался в паланкине на спине своего верблюда. Таита держался рядом. Маги переговаривались через отдернутый полог паланкина, перекрывая беседой негромкий шум, производимый караваном: позвякивание уздечек, топот лошадиных и верблюжьих копыт по желтому песку, тихие голоса стражников и слуг. В течение ночи они дважды останавливались, чтобы отдохнуть и напоить животных. На каждой остановке Таита и Деметер творили заклинание сокрытия. Объединенные их силы были огромны, и сотканная завеса казалась совершенно непроницаемой. Сколько оба ни вглядывались и ни вслушивались в тишину окружающей ночи, перед тем как продолжить путь, им не удавалось обнаружить ни малейшего признака враждебного присутствия Эос.

– На время она потеряла нас, но риск остается всегда, – сказал Деметер. – Особенно мы уязвимы во время сна. Нам двоим не следует спать одновременно.

– Мы никогда впредь не ослабим бдительности, – согласился Таита. – Я буду остерегаться глупых ошибок. Я недооценил нашего противника и позволил Эос застать меня врасплох. Мне стыдно за свою слабость и опрометчивость.

– Я стократ более виновен, чем ты, – признал Деметер. – Боюсь, Таита, мои силы быстро тают. Мне следовало наставлять тебя, а я повел себя как юный послушник. Нам нельзя допустить новых провалов. Мы должны нащупать уязвимое место нашего врага и нанести по нему удар, не обнаруживая себя.

– Вопреки всем твоим стараниям, я слишком мало знаю об Эос и плохо понимаю ее. Тебе следует передать мне все подробности, вызнанные тобой за время испытаний, какими бы ничтожными с виду или банальными они ни казались, – сказал Таита. – Ибо сейчас я слеп, а на ее стороне все преимущества.

– Из нас двоих ты сильнейший, – отозвался Деметер. – Но ты прав. Вспомни, как стремительно она действовала, когда мы встретились, и она почуяла объединение наших сил. Ей потребовалось всего несколько часов, чтобы обнаружить нас. С этого момента ее атаки против меня станут более безжалостными и коварными. Мы не должны отдыхать до тех пор, пока я не передам тебе все, что узнал о ней. Неизвестно, сколько мы пробудем вдвоем, прежде чем Эос погубит меня или вобьет между нами клин. Каждый час на счету.

Таита кивнул:

– Тогда давай начнем с самого важного. Я знаю, кто эта женщина и откуда взялась. Теперь нужно выяснить, где она сейчас. Где ее искать, Деметер?

– Со времени бегства из храма Аполлона, когда Агамемнон и его брат Менелай разграбили Илион много веков назад, она скрывалась во множестве логовищ.

– Где произошла ваша судьбоносная встреча?

– На острове в Срединном море, ставшем с тех пор оплотом морского народа, этой нации корсаров и пиратов. Тогда Эос обитала на склонах огромной дымящейся горы под названием Этна. Этот вулкан плевался огнем и серой, а столб ядовитого дыма вздымался до небес.

– Она давно там поселилась?

– За несколько столетий до того, как ты или я появились на свет.

– Да, это действительно давно. – Таита сухо хмыкнул. Потом его лицо снова посуровело. – Возможно ли, что Эос до сих пор на Этне?

– Ее там больше нет, – без колебаний ответил Деметер.

– Откуда такая уверенность?

– К тому времени, когда я сбежал от нее, я почти обессилел телом, ум мой находился в смятении, душевные силы растратились от пережитых тяжких испытаний. Я пробыл ее пленником немногим более десяти лет, но каждый год я старел на целый век. И все-таки мне удалось сбежать, воспользовавшись прикрытием могучего извержения вулкана. Мне помогли жрецы одного маленького, незначительного бога, храм которого стоял в долине у восточного подножия Этны. Они переправили меня через узкий пролив на материк в маленькой лодчонке и препроводили в другой храм своей секты, спрятанный в горах, где и препоручили заботе братьев. Те добрые жрецы помогли мне собрать силы, еще оставшиеся у меня, которые пригодились мне, чтобы отразить необычайно смертоносное заклятие, посланное Эос мне вслед.

– Не мог ли ты обратить его против нее самой? – спросил Таита. – Не поразил ли колдунью ее же собственной магией?

– Эос, видимо, в самодовольстве потеряла бдительность, недооценила оставшиеся у меня силы и не установила должной защиты. Я направил возвратный удар в ее естество, которое по-прежнему видел внутренним оком. Злодейка находилась совсем недалеко. Только узкий пролив разделял нас. Мой ответный удар был направлен точно и тяжко поразил ее. Я слышал болезненный вопль, раскатившийся по эфиру. Потом Эос исчезла, и я решил, что уничтожил колдунью. Приютившие меня жрецы потихоньку навели справки у собратьев с подножия

Этны. Те сообщили, что женщина исчезла, а ее обиталище стоит пустым. Я не тратил попусту времени, наслаждаясь победой, и, едва достаточно окреп, чтобы покинуть свое убежище, сразу отправился на самый край земли, на ледяной континент, подальше от Эос, насколько возможно. Там я подыскал место, где можно залечь тихо, как испуганная лягушка, забившаяся под камень. И правильно сделал. Совсем скоро, лет через пятьдесят или меньше, я ощутил пробуждение Эос, моего врага. Сила ее, казалось, возросла многократно. Эфир вокруг рассекали смертоносные дротики, которые она наугад бросала в меня. Точно определить мое местонахождение ей не удавалось, и хотя многие заклятия пролетали совсем близко от моего убежища, ни одно не попало в цель. Каждый день превращался в борьбу за выживание, а я тем временем разыскивал кого-то, кто станет моим наследником. Мне хватило ума не отвечать на ее атаки. Всякий раз, почувствовав ее приближение, я тихонько перебирался в другое укрытие. Наконец я понял, что есть на земле одно-единственное место, где Эос никогда не станет искать меня. Я тайно вернулся на Этну и спрятался в тех самых пещерах, что когда-то были обиталищем для нее и темницей для меня. Эхо ее злого присутствия оставалось таким мощным, что заглушало источаемые мной слабые флюиды. Я скрывался в горах, а со временем почувствовал, что ее интерес ко мне угасает. Ее поиски стали беспорядочными, а потом вовсе прекратились. Возможно, Эос поверила, что я сгинул или ослабел настолько, что больше не представляю для нее угрозы. Я таился до тех пор, пока с радостью не ощутил твоего присутствия. Когда жрица богини Сарасвати открыла твое внутреннее око, я уловил произведенные этим событием колебания в эфире. Затем появилась звезда, которую ты называешь Лостра. Собрав в кулак свои жалкие силы, я пустился в путь к тебе, ведомый ею.

Когда Деметер договорил, Таита некоторое время молчал. Сидя на Дымке, он покачивался в такт ее плавной поступи. Плащ, обернутый вокруг головы мага, оставлял только щель для глаз.

– Значит, на Этне ее нет, – промолвил он наконец. – Где же она тогда?

– Я же говорил, что не знаю, – напомнил Деметер.

– Ты должен знать, даже если думаешь, что не знаешь, – возразил египтянин. – Сколько ты прожил у нее? Десять лет, по твоим словам?

– Десять лет, – подтвердил Деметер. – Каждый год длился целую вечность.

– Тогда ты знаешь ее как никто другой из живущих. Ты впитал в себя часть ее, она оставила свои следы: на тебе и внутри тебя.

– Она только забирала, ничего не давая взамен, – отозвался старец.

– Ты тоже получал что-то от нее, хотя и не в равной мере. Соитие мужчины и женщины никогда не бывает совершенно бесплодным. Ты до сих пор хранишь знание о ней. Возможно, оно так болезненно, что ты прячешь его даже от самого себя. Позволь помочь тебе и извлечь его на поверхность.

Таита принял на себя роль строгого следователя. Он был безжалостен, не делал скидки на почтенный возраст своей жертвы, на слабость и болезни как тела, так и духа. Египтянин вытягивал из него всякое воспоминание о великой колдунье, каким бы расплывчатым и глубоко сокрытым оно ни являлось. День за днем он копался в голове спутника. Их путешествия это не задерживало: ехали они по ночам, избегая палящего пустынного солнца, а перед рассветом разбивали лагерь. Как только устанавливали шатер Деметера, маги укрывались в нем от зноя и Таита возобновлял допрос. Постепенно, осознав всю степень пережитых старцем мучений, выказанных им храбрости и стойкости, позволивших ему выжить в долгой борьбе с Эос, он проникся к нему симпатией и восхищением. Но не позволял жалости отвлечь себя от дела.

Наконец стало очевидно, что больше Таите почерпнуть нечего, но итог трудов его не обрадовал. Откровения Деметера носили характер поверхностный и несущественный.

– Жрецы Ахурамазды в Вавилоне практикуют одно заклятие, – сказал он тогда Деметеру. – Оно погружает человека в глубокий сон, граничащий с самой смертью. И тогда полу-

чают возможность проникнуть в его ум на большое пространство и время, вплоть до дня его рождения. Каждая подробность его жизни, каждое сказанное или слышанное им слово, каждое виденное лицо становятся известными им.

– Да, – кивнул Деметер. – Мне приходилось слышать об этом. Ты сведущ в этом искусстве, Таита?

– Ты доверяешь мне? Готов полностью открыться передо мной?

Деметер устало закрыл глаза, смиряясь с неизбежным.

– Во мне и так уже ничего не осталось. Я представляю собой сухую корку плода, из которого ты выжал все до капли с той же жадностью, как прежде это сделала колдунья. – Он провел костлявыми пальцами по лицу и помассировал веки. Потом открыл глаза. – Я полностью вверяюсь тебе. Твори это заклятие, если оно тебе подвластно.

Таита взял подвешенный на цепочке золотой амулет Лостры и слегка раскачал его перед глазами Деметера.

– Сосредоточься на золотой звезде. Изгони из головы все прочие мысли. Ты не видишь ничего, кроме этой звезды, не слышишь ничего, кроме моего голоса. Ты утомлен до глубины души, Деметер. Тебе нужно поспать. Позволь себе провалиться в сон. Позволь сну окутать твою голову, словно меховым одеялом. Спи, Деметер, спи…

Постепенно старик обмяк. Веки его затрепетали, потом замерли. Он лежал как покойник на погребальном ложе, но тихо дышал. Одно из век приоткрылось, но глаз закатился так далеко, что виднелся только белок, слепой и матовый. Маг погрузился в глубокий транс, но, когда Таита задал ему вопрос, он ответил. Голос его был нечетким и слабым, каким-то загробным.

– Обратись назад, Деметер, – призвал Таита. – Плыви вспять по реке времени.

– Да, – последовал ответ. – Я откатываю годы назад, все дальше и дальше… – Голос его окреп, становясь более живым.

– Где ты сейчас?

– Стою пред Этеменанки, Домом основания Земли и Неба. – Голос у Деметера стал молодым, звонким.

Таита хорошо знал это здание: огромный зиккурат в центре Вавилона. Сложенный в виде гигантской пирамиды, он состоял из каменных блоков, окрашенных в цвета земли и неба.

– Что ты видишь, Деметер?

– Обширное открытое пространство, самую середину мира, ось неба и земли.

– Видишь ли ты стены и высокие террасы?

– Стен нет, но я вижу рабочих и невольников. Их так много, как муравьев на земле и саранчи в небе. Я слышу их голоса.

Тут Деметер заговорил на разных языках, многоголосьем человеческих наречий. Некоторые из них Таита распознавал, другие оставались непонятны. Вдруг Деметер вскричал на древнем шумерском:

– Давайте построим башню высотой до самого неба!

Таита с изумлением осознал, что его спутник был свидетелем основания Вавилонской башни. Путешествие сквозь годы привело их к самому началу времен.

– Теперь мы перемещаемся вперед на столетия. Ты видишь Этеменанки во всей его красе, видишь, как цари поклоняются на вершине зиккурата богам Белу и Мардуку. Иди по времени вперед!

Таита направлял Деметера и видел его глазами возвышение и падение могущественных царей, слышал описание событий, которые давно затерялись и забылись в глуби времен. До него доносились голоса мужчин и женщин, которые обратились во прах много веков тому назад.

Наконец язык загипнотизированного стал заплетаться, голос потерял силу. Таита положил руку ему на лоб, холодный, как могильная плита.

– Успокойся, Деметер, – прошептал египтянин. – Спи. Оставь свои воспоминания былому. Вернись в настоящее.

Старец вздрогнул и расслабился. Он проспал до заката, а проснулся естественно и спокойно, будто с ним и не происходило ничего необычного, и чувствовал себя окрепшим и свежим. Он с аппетитом поел принесенных Таитой фруктов и попил кислого козьего молока; их спутники тем временем сворачивали лагерь и грузили на верблюдов шатры и поклажу. Когда караван тронулся в путь, Деметер почувствовал себя достаточно сильным, чтобы пройтись немного рядом с Таитой.

– Какие воспоминания исторг ты из меня, пока я спал? – поинтересовался он с улыбкой. – Я ничего не помню, поэтому, должно быть, ты ничего и не узнал.

– Ты присутствовал при закладке фундамента Этеменанки, – сообщил Таита.

Деметер застыл на месте и ошарашенно уставился на него:

– Я тебе такое сказал?

Вместо ответа Таита привел несколько реплик, воспроизводя голоса и языки, услышанные от Деметера во время транса. Деметер понял каждое выражение. Ноги у него вскоре устали, но энтузиазм только рос. Он забрался в паланкин и растянулся на матрасе. Таита ехал рядом, и беседа магов продлилась всю ночь напролет. Наконец Деметер задал вопрос, главный для них обоих:

– Говорил ли я про Эос? Смог ли ты обнаружить какие-нибудь сокровенные воспоминания?

Таита покачал головой:

– Я старался не встревожить тебя и не спрашивал напрямую, а позволял твоим воспоминаниям течь своим чередом.

– Как охотник со сворой собак, – сравнил Деметер и сухо хохотнул. – Берегись, Таита, как бы в погоне за антилопой ты не поднял львицу-людоедку.

– Твои воспоминания простираются так далеко, что обнаружить в них Эос – все равно что пересекать безбрежный океан в поисках некой особой акулы среди великого их множества. Можно провести еще целую жизнь, прежде чем мы случайно наткнемся на твои воспоминания о ней.

– Тебе следует направить меня на нее, – без колебаний предложил Деметер.

– Я беспокоюсь о твоем здоровье, если не о самой жизни, – возразил Таита.

– Отправим свору псов по следу этим утром? На сей раз ты можешь дать им почуять запах львицы.

Остаток ночи они провели в тишине; каждый погрузился в свои мысли и воспоминания.

При первых лучах зари путники добрались до крошечного оазиса, и Таита велел устроить привал среди финиковых пальм. Пока ставили шатры, погонщики покормили и напоили животных.

– Деметер, не желаешь ли ты немного передохнуть, прежде чем мы предпримем следующую попытку? – спросил Таита, едва маги остались наедине в главном шатре. – Или ты готов приступить немедленно?

– Я отдыхал всю ночь и готов начать сейчас.

Таита внимательно посмотрел на него. Лицо старца выражало спокойствие, взгляд выцветших глаз излучал безмятежность. Таита поднял амулет Лостры.

– Твои веки тяжелеют. Сомкни их. Ты чувствуешь покой и безопасность. Твои члены тяжелеют. Тебе очень удобно. Ты слышишь мой голос и ощущаешь, как на тебя нисходит сон: благословенный, глубокий, исцеляющий сон…

Деметер погрузился в транс быстрее, чем во время первой их попытки, – он становился все более восприимчивым к внушению Таиты.

– Есть гора, изрыгающая дым и пламя. Ты видишь ее?

Мгновение Деметер лежал совершенно неподвижно. Губы его побледнели и задрожали. Потом он резко мотнул головой:

– Нет горы! Не вижу я никакой горы! – Голос у него стал хриплым и надтреснутым.

– На горе живет красивая женщина, – настаивал Таита. – Самая прекрасная на свете. Ты видишь ее, Деметер?

Деметер задышал часто, как собака, грудь его раздувалась, подобно кузнечным мехам. Таита чувствовал, что теряет его: пациент сражался с трансом, пытаясь вырваться из него. Он понимал, что это может стать их последней попыткой – следующую старец едва ли переживет.

– Ты слышишь ее голос, Деметер? Улови сладкую мелодию ее слов. Что говорит она тебе?

Теперь Деметер боролся с невидимым противником, катаясь по матрасу. Колени и локти он прижал к животу, свернувшись в шар. Затем руки и ноги его вдруг вытянулись, а спина выгнулась колесом. Он залопотал что-то как безумный, забормотал и захихикал. Деметер стиснул челюсти так, что один из зубов раскрошился; он выплюнул обломки вместе с кровью и слюной.

– Успокойся, Деметер! – Тревога закипала в Таите, как вода в котелке. – Лежи смирно! Тебе больше ничто не угрожает.

Деметер задышал ровнее, а потом вдруг выдал длинную тираду на известном только посвященным языке тенмасс. Слова его были странными, но тон – еще страннее. Звучал голос уже не древнего старца, а молодой женщины, приятный и мелодичный. Такой музыкальности речи Таита не слышал никогда.

– Огонь, воздух, вода и земля, но господин им огонь, – говорила она.

Каждый плавный переход интонации отпечатывался в мозгу у Таиты. Он понимал, что никогда не сможет забыть этот звук.

Деметер снова упал на матрас. Тело его обмякло, сомкнутые веки трепетали. Дыхание выровнялось, и грудь перестала бурно вздыматься. Таита испугался, что сердце старца не выдержало, но, припав ухом к ребрам, услышал тихий размеренный стук. Он с облегчением осознал, что Деметер пережил потрясение.

Таита дал ему поспать оставшуюся часть дня. Когда Деметер проснулся, по нему не было заметно никаких следов перенесенных испытаний. Старец не обмолвился о них и, похоже, вообще ничего не помнил.

Подкрепляясь жарким из молочного козленка, два мага обсуждали текущие дела каравана. Они прикидывали, насколько удалились от Галлалы и скоро ли доберутся до роскошного дворца фараона Нефера-Сети. Таита выслал вперед гонца, чтобы предупредить царя об их приезде, и оставалось только гадать, как тот их примет.

– Хвала Ахурамазде, единственному истинному свету, на эту несчастную землю не обрушивалось более новых бед, – сказал Деметер.

– Огонь, воздух, вода и земля… – как бы невзначай обронил Таита.

– …Но господин им огонь, – продолжил Деметер как ученик, повторяющий выученный наизусть урок.

Он зажал рот ладонью и пораженно воззрился на Таиту. Наконец, оправившись от потрясения, спросил:

– Огонь, воздух, вода и земля: четыре основных элемента творения. С чего вдруг ты назвал их, Таита?

– Лучше ты скажи, Деметер, почему ты упомянул, что огонь – господин им всем?

– Молитва, – прошептал Деметер. – Гимн.

– Что за молитва? Кому гимн?

Пытаясь вспомнить, Деметер побледнел.

– Не знаю. – Голос его дрожал от муки. – Я никогда прежде его не слышал.

– Слышал, – возразил Таита с интонацией строгого следователя. – Подумай, Деметер! Где? Кто?

Потом вдруг он переменил тон. Обладая талантом подражателя, он заговорил трогательно-нежным женским голосом, который воспроизвел Деметер во время транса:

– Но господин им огонь.

Деметер ахнул и закрыл уши ладонями.

– Нет! – вскричал он. – Говоря этим голосом, ты кощунствуешь. Совершаешь мерзкое богохульство! Это голос лжи, голос колдуньи Эос!

Старец уронил голову и разрыдался. Таита молча ждал, когда он успокоится.

– Да смилуется надо мной Ахурамазда и простит мои слабости, – промолвил наконец Деметер, снова подняв голову. – Как я мог забыть это ужасное изречение?

– Ты не забыл, – мягко возразил Таита. – Тебе запретили его помнить. Теперь рассказывай все как можно скорее, пока Эос снова не вмешалась и не заглушила твою память.

– «Но господин им огонь». Это посвящение, которым она начинала самые гнусные из своих ритуалов, – прошептал Деметер.

– Это происходило на Этне?

– В других местах я ее не наблюдал.

– Она поклонялась огню в месте огня, – задумчиво произнес Таита. – Она черпала могущество в сердце вулкана. Огонь – часть ее силы, но она была изгнана прочь от источника. Однако нам известно, что она воспрянула. Ты понимаешь, что дал ответ на интересующий нас вопрос? Мы теперь знаем, где ее искать.

Деметер обескураженно смотрел на него.

– Нам нужно искать ее в огне, в вулкане, – пояснил Таита.

До Деметера наконец дошло.

– Да, я понял! – воскликнул он.

– Давай погоним дальше лошадку, которую оседлали, – сказал Таита. – Вулкан объединяет три элемента: огонь, землю и воздух. Не хватает одного – воды. Этна располагается близ моря. Выбирая в качестве логова новый вулкан, Эос должна была искать такой, где поблизости есть большое пространство воды.

– Море? – спросил Деметер.

– Или большая река, – предположил Таита. – Вулкан на морском побережье, на острове или близ крупного озера. Вот где нам нужно ее искать. – Обняв собеседника за плечи, он ласково улыбнулся. – Ну вот, Деметер, вопреки твоим отрицаниям, мы выяснили, где находится ее убежище.

– Моя заслуга в том невелика. Понадобился твой гений, чтобы извлечь это знание из моей неверной памяти, – промолвил Деметер. – Но скажи, Таита, насколько сузился круг наших поисков? Сколько вулканов отвечают этому описанию? – Он помедлил, потом сам ответил на свой вопрос: – Их великое множество, и они наверняка отделены друг от друга широкими пространствами воды и земли. Чтобы объехать все, уйдут годы, а я боюсь, что у меня не хватит сил для такого предприятия.

– За века братство жрецов храма Хатор в Фивах в подробностях изучило поверхность земли. Братьями составлены подробные карты морей и океанов, гор и рек. Я делился с ними собранными во время моих странствий знаниями, поэтому нахожусь с ними в приятельских отношениях. Они составят для нас список вулканов, расположенных близ воды. Не думаю, что нам придется путешествовать от одного к другому. Объединив свои способности, мы сможем прощупать каждую гору издалека на предмет эманаций зла.

– Тогда наберемся терпения и побережем силы, пока не доберемся до храма Хатор. Борьба с Эос до дна осушит даже твой вместительный кубок стойкости и крепости. Тебе тоже следует отдохнуть, Таита, – посоветовал Деметер. – Ты два дня не спал, а мы сделали только первые шаги на долгом и трудном пути по ее следу.

Тут в шатер вошел Мерен с охапкой благоуханной степной травы и устроил из нее тюфяк, который застелил тигровой шкурой. Он опустился на колени, чтобы снять с господина сандалии и распустить пояс туники, но Таита рявкнул на него:

– Я не маленький мальчик, могу раздеться и сам.

Мерен, помогая ему опуститься на матрас, только улыбнулся:

– Ну конечно, маг. Удивительно только, почему часто ты ведешь себя как юнец?

Таита открыл было рот для отповеди, но вместо этого издал тихий храп и в то же мгновение провалился в глубокий сон.

– Он оберегал меня, пока я спал, – сказал Деметер. – Теперь я покараулю его, добрый Мерен.

– Но это мой долг, – возразил Мерен, не спуская глаз с Таиты.

– Ты способен защитить его от зверя или человека – лучше тебя с этим никто не справится, – признал старец. – Но если на него нападут оккультным путем, тут ты бессилен. Добрый Мерен, возьми лучше свой лук и подстрели нам на обед жирную газель.

Мерен помедлил еще немного, потом со вздохом нырнул под полог шатра. Деметер уселся рядом с тюфяком Таиты.

Таита шел по берегу моря, по пляжу с белым, как снег, песком, на который накатывались блестящие волны. Ветерок, благоухающий жасмином и сиренью, овевал ему лицо и трепал бороду. Он остановился у края воды; разбегающиеся от волн язычки пены облизывали ему ступни. Он посмотрел в морскую даль и увидел за ней темную пропасть. Маг знал, что стоит на самом краю земли и вглядывается в хаос вечности. Его заливал солнечный свет, но глаза его устремлялись во тьму, в которой роились подобные облаку светлячков звезды.

Он поискал звезду Лостры, но не нашел. От нее не осталось ни малейшего свечения. Она появилась из бездны и канула в бездну. Таиту обуяла жестокая печаль, и он почувствовал, что тонет в собственном одиночестве.

Он уже повернул назад, когда услышал пение. Маг сразу узнал этот юный голос, хотя слышал его давным-давно. По мере того как пение приближалось, сердце бешено заколотилось у него в груди, подобно дикому зверю, рвущемуся из клетки на волю.

Встречу я милого – раненой птицей
Сердце трепещет, к небу взлетая.
Он улыбнется – щеки зардятся,
Словно согретые утренним солнцем.

Это была первая песня, которой он ее научил и которая всегда оставалась для нее самой любимой. Таита нетерпеливо обернулся, ища певицу, потому как знал: это не кто иная, как Лостра. Она была его питомицей, оказавшейся на его попечении вскоре после смерти ее родной матери от речной лихорадки. Ему поручили заботиться о ней и дать достойное образование. Он полюбил ее так, как ни один мужчина не любил женщину.

Прикрыв ладонью глаза, маг устремил взор в море, сияющее в солнечном свете, и вскоре различил на его глади фигурку. Фигурка приближалась, ее очертания обретали форму. Он понял, что это громадный золотой дельфин, плывущий так быстро и грациозно, что рассекаемая вода барашками закручивалась у него перед носом. На спине у животного стояла девушка. Она сохраняла равновесие с искусством опытного колесничего, управляя изящным млекопитающим при помощи сплетенных из водорослей вожжей, и улыбалась магу, продолжая петь.

– Госпожа! – Таита опустился на колени в песок. – Милая Лострa!

Ей снова было двенадцать, как во время первой их встречи. Всю ее одежду составляла юбочка из беленого льна, плотного и ослепительного, белого, как перо цапли. Кожа стройного тела блестела, словно маслянистый кедр со склонов гор близ Библа. Груди имели форму яиц, увенчанных колечками из розового граната.

– Ты вернулась ко мне, Лострa! Ах, добрейший Гор! Ах, милосердная Исида! Вы вернули ее мне, – рыдал маг.

– Я никогда не покидала тебя, возлюбленный Таита! – воскликнула Лострa, прервав песню.

На лице ее светилось выражение озорства и какого-то детского веселья. Хотя нежные губы растянулись в улыбке, во взгляде ее читалось сострадание. Она излучала взрослую женскую мудрость и понимание жизни.

– Я никогда не забывала о данном тебе обещании.

Золотой дельфин коснулся земли, и Лострa одним грациозным прыжком соскочила с его спины на песок. Она застыла, протянув обе руки к магу. Густая прядь волос упала поверх плеча и заплясала между девичьих грудей. Каждая черточка и каждый нежный контур ее милого лица навеки отпечатался в его памяти. Зубки девушки сверкнули, как жемчужное ожерелье.

– Иди ко мне, Таита. Вернись ко мне, моя истинная любовь!

Таита двинулся к ней. Первые шаги дались ему с трудом, ноги заплетались и не гнулись от старости. Затем сила запульсировала в них, и он легко помчался по песку. Таита чувствовал, что сухожилия его стали крепкими, как тетива лука, мышцы налились и сделались упругими.

– Ах, Таита, как ты красив! – воскликнула Лострa. – Как ты быстр и силен, как молод, мой милый!

Сердце и душа его воспарили, когда он понял, что ее слова – правда. Он снова был молод. И влюблен.

Он протянул к ней руки, и она намертво вцепилась в них. Ее пальцы оказались холодными и костлявыми, узловатыми от артрита, их покрывала сухая, грубая кожа.

– Помоги мне, Таита! – вскричала Лострa, но не своим голосом. То был голос дряхлого старика, страдающего от страшной боли. – Она душит меня в своих кольцах!

Лострa в смертельном ужасе сжимала его руки. Сила ее выглядела неестественной – она ломала ему пальцы. Чувствуя, как трещат кости и рвутся сухожилия, он пытался вырваться.

– Пусти меня! – вскричал он. – Ты не Лострa.

Он больше не был молод; сила, наполнявшая его тело всего мгновение назад, исчезла. Старость и отчаяние овладевали им по мере того, как чудесный покров сна трещал, разрываемый в клочья ледяным ветром жестокой реальности.

Он обнаружил себя на полу шатра, придавленным к земле невероятной тяжестью. Она сжимала грудь, не давая дышать. Кто-то по-прежнему стискивал его пальцы, а над ухом орали так, что, казалось, барабанные перепонки вот-вот лопнут.

Таита заставил себя открыть глаза, и последние обрывки сна исчезли. Всего в нескольких дюймах от себя он увидел лицо Деметера. Оно было едва узнаваемым – искаженное от боли, раздувшееся и багровое. Из открытого рта старца свешивался желтый язык. Крики его стихали, сменяясь судорожными вздохами и отчаянным хрипом.

Ужас помог Таите окончательно проснуться. Шатер наполнял свойственный рептилиям смрад, а сама гадина сжимала Деметера в кольцах своего тела. Свободными у мага оставались только голова и одна рука. Этой рукой он с силой тонущего цеплялся за Таиту. Змея опутывала его совершенно симметричными спиральными кольцами, ритмично сжимая мускулы. Кольца терлись друг о друга, сдавливая и круша хрупкое тело Деметера. Чешуйчатую кожу украшал дивный рисунок золотистого, шоколадного и красноватого цветов. Но только разглядев голову, Таита понял, что за рептилия атаковала их.

– Питон, – простонал он вслух.

Голова змеи была вдвое больше его сложенных вместе кулаков. Разинув пасть, гадина вонзила клыки в костлявое плечо Деметера. Из углов ухмыляющейся пасти стекали толстые нитки блестящей слюны – особой смазки, которой питон покрывает добычу, прежде чем заглотить ее целиком. На Таиту смотрели круглые глазки монстра, черные и непроницаемые.

Кольца сжались в очередной раз. Таита не мог пошевелиться под весом человека и змеи. Он видел лицо Деметера, когда тот издал последний сдавленный крик, сменившийся тишиной. Старец уже не мог сделать вдох, его бесцветные невидящие глаза вылезали из орбит. Таита услышал, как одно из ребер треснуло под безжалостным давлением.

– Мерен! – используя остатки воздуха в легких, крикнул Таита.

Он понимал, что Деметер почти уже обречен. Мертвая хватка, с которой старец цеплялся за него, ослабла, и египтянин заерзал, пытаясь вылезти, но безуспешно. Чтобы спасти Деметера, требовалось оружие.

Перед его мысленным взором возник образ Лостры, и он зашарил рукой у шеи. Пальцы сжались на золотой звезде, подвешенной на цепочке. Амулет Лостры!

– Вооружи меня, любовь моя, – прошептал он.

Тяжелый металлический талисман удобно лег в ладонь, и маг с размаху обрушил его на голову питона. Таита целился в глаз-бусинку, и острый угол пронзил затягивающую его полупрозрачную пленку.

Змея разразилась злобным шипением. Скрученное в кольца тело задергалось и изогнулось, но клыки гадины оставались вонзенными в плечо Деметера. Природа расположила их так, чтобы пресмыкающееся могло удерживать добычу, пока заглатывает ее, и вырваться из такой хватки представлялось далеко не простым делом.

Змея несколько раз совершила отрыгивающие движения, стремясь высвободить челюсти. Таита ударил еще раз. Вонзив острый край металлической звезды в глаз рептилии, он провернул оружие в ране. Гигантские кольца разжались; питон выпустил Деметера: змея мотала головой до тех пор, пока не высвободила увязшие в плоти клыки. Вместо глаза у чудища зияла дыра, и на обоих мужчин хлынула холодная кровь.

Избавившись от груза, Таита судорожно сделал неглубокий вдох и едва сдвинул в сторону обмякшее тело Деметера, как разъяренный питон попытался укусить его в лицо. Таита вскинул руку, и клыки рептилии вонзились в кисть, но рука со звездой осталась свободной. Маг чувствовал, как острые зубы скрежещут по его кости, но боль только придала ему сил. Он еще раз вонзил острый край в раненый глаз, на этот раз еще глубже. Когда амулет вырвал глаз из черепа, змея снова содрогнулась в конвульсиях. Высвободив челюсти, она атаковала снова и снова; теперь бестия принялась наносить удары собственной мордой с силой бронированного кулака. Таита катался по полу шатра, извиваясь и корчась в стремлении избежать этих ударов, и в то же время истошно призывал Мерена. Скручивающиеся кольца гадины, толщиной с человеческое туловище, заполнили, казалось, весь шатер.

Затем Таита ощутил, как глубоко в мякоть его бедра вонзается костяной штырь, и закричал от боли. Он знал, что причинило рану: по обе стороны от гениталий, под мощным хвостом, у питона располагаются зловещего вида коготки. С их помощью он удерживает в неподвижности тело самки во время спаривания, пока вкручивает свой штопороподобный пенис в ее лоно. Еще рептилия использует эти крючья, чтобы зацепить добычу. Они служат точкой опоры для колец, увеличивая силу сжатия.

Таита отчаянно пытался высвободить ногу. Но крючья засели глубоко, и вот первое скользкое кольцо уже обвилось вокруг его тела.

– Мерен! – снова вскричал Таита. Но голос его прозвучал слабо, а новое кольцо опутало его, сдавив грудь. Он попытался позвать снова, но воздух потоком выходил из его легких, а ребра сжимались.

Внезапно на входе в шатер появился Мерен. На мгновение он застыл, ошеломленный громадностью рептилии. Потом прыгнул, закидывая руку за плечо, к висевшему на спине мечу. Он не рискнул рубить змею голову, опасаясь ранить Таиту, поэтому сделал два танцующих шага в сторону, чтобы изменить угол атаки. Голова питона продолжала двигаться, молотом обрушиваясь на жертвы, но жирный хвост замер в неподвижности, все глубже вонзая крючья в ногу Таиты. Быстрым взмахом клинка Мерен отсек приподнятую часть змеиного хвоста чуть выше крючьев. Эта часть была длинной, как нога Таиты, и толстой, как его бедро.

Верхняя половина тела питона взметнулась до самой крыши шатра. Пасть широко раскрылась, и клыки, похожие на волчьи, заблестели в высоте, нацеливаясь на Мерена. Голова раскачивалась из стороны в сторону, наблюдая за противником единственным целым глазом. Но удар меча перерубил змее позвоночник, приковав ее к месту. Она метнулась, норовя укусить Мерена в лицо, но он оказался готов к этому. Меч описал в воздухе дугу и начисто рассек рептилии шею.

Отрубленная голова упала; челюсти ее конвульсивно сжимались, обезглавленное туловище дергалось. Мерен пинками проложил себе дорогу среди свивающихся колец и ухватил Таиту за руку: из прокушенной клыками кисти мага хлестала кровь. Молодой человек поднял наставника высоко над головой и вынес из шатра.

– Деметер! – выдохнул Таита. – Спаси Деметера!

Мерен вбежал обратно и стал рубить мечом безголового гада, пытаясь пробиться к месту, где лежал Деметер.

Разбуженные шумом, проснулись наконец остальные слуги и начали сбегаться к шатру. Самые отважные последовали за Мереном, вытащили наружу туловище питона и освободили Деметера. Тот пребывал без сознания и потерял много крови из прокушенного плеча.

Не обращая внимания на собственные раны, Таита сразу принялся за работу. Грудь у старца оказалась сильно сдавлена и покрыта синяками. Ощупав ребра, Таита обнаружил, что по меньшей мере два из них сломаны. Но первой его заботой было остановить кровотечение из плеча.

Деметер страшно страдал от боли, и Таита пытался отвлечь его, пока прижигал укусы лезвием взятого у Мерена кинжала, которое раскалял на стоявшей в углу шатра жаровне.

– Укусы питона не ядовиты, – сообщил он Деметеру. – Хотя бы в этом нам повезло.

– Похоже, только в этом, – сдавленным от боли голосом проговорил Деметер. – Это не настоящая рептилия, Таита. Она прислана из бездны.

Таита не мог предъявить доказательств обратного, но не хотел поддерживать пессимизм старца.

– Ну же, дружище! – подбодрил он его. – Нет ни одной вещи, которую ворчание не сделало бы хуже. Мы оба живы. Очень может быть, что это настоящая змея, а не творение Эос.

– Ты когда-нибудь слышал, чтобы в Египте водились подобные чудовища? – спросил Деметер.

– Я встречал таких в землях, что лежат ближе к югу, – уклонился от прямого ответа Таита.

– Далеко к югу?

– Ну да, – согласился египтянин. – За рекой Инд в Азии и южнее того места, где Нил разделяется на два потока.

– Всегда в густых лесах? – продолжал допытываться Деметер. – И никогда в безводных пустынях? Никогда таких огромных?

– Да, ты прав, – сдался Таита.

– Питона послали убить меня, а не тебя. Твоей смерти она не хочет. Пока, – сказал Деметер, подводя черту.

Таита молча продолжил обследование и с облегчением обнаружил, что ни одна из главных костей в теле Деметера не сломана. Он промыл рану в плече полученным из вина спиртом,

наложил на укусы целительную мазь и забинтовал. И только тогда обратился к собственным повреждениям. Перевязав кисть, он помог Деметеру встать, и они вместе поковыляли к тому месту, где Мерен положил труп гигантского питона. В длину тот насчитывал полных пятнадцать шагов, это без головы и отрубленного куска хвоста. В самом толстом месте даже мускулистые руки Мерена не могли обхватить тушу.

Мышцы под покрытой чудесным узором кожей все еще сокращались и трепетали, хотя рептилия умерла довольно продолжительное время назад.

Таита потыкал в отрубленную голову посохом, потом воспользовался им как рычагом, чтобы раскрыть пасть гадины.

– Этот зверь вполне способен разинуть рот достаточно широко, чтобы без труда заглотить крупного человека.

На красивом лице Мерена читалось отвращение.

– Мерзкое и проклятое создание. Деметер правильно говорит – это чудовище из преисподней. Я сожгу тушу.

– Ни в коем случае, – твердо возразил Таита. – Жир такого сверхъестественного существа обладает могущественными магическими свойствами. Если оно наслано колдуньей, а это, скорее всего, так, то мы тем самым только поможем ему вернуться к ней.

– Но как мы можем отослать его обратно, если не знаем, где она? – заметил Мерен.

– Это ее творение, часть ее самой. Подобно возвращающемуся домой голубю, оно само найдет дорогу, – пояснил Деметер.

Мерен поежился. Хотя он уже много лет пробыл в обществе магов, подобные загадки сбивали его с толку и приводили в отчаяние. Таита сжалился над ним и дружески положил руку на плечо:

– Я снова в долгу перед тобой. Если бы не ты, мы с Деметером сейчас находились бы в желудке у этой твари.

Лицо польщенного похвалой Мерена разгладилось.

– Ну так скажите, что мне делать с ней? – спросил он, пнув трепыхающийся труп, который постепенно сам собой сворачивался в огромный шар.

– Мы ранены. Пройдет несколько дней, прежде чем мы сумеем собраться с силами для занятий магией. Помести эту падаль туда, где ее не пожрут стервятники и шакалы, – распорядился Таита. – Позднее мы снимем шкуру и вытопим жир.

Сколько Мерен ни пытался, но погрузить тушу на спину верблюда ему не удалось. Животное пятилось и брыкалось, испуганное идущим от убитой змеи смрадом. В итоге Мерен и пятеро сильных мужчин оттащили труп к коновязи и завалили камнями, чтобы уберечь его от гиен и прочих пожирателей падали.

Вернувшись, Мерен обнаружил, что маги сидят на полу шатра друг напротив друга. Взявшись за руки, они объединили силы, ставя вокруг лагеря защитный и скрывающий барьер.

Когда сложный обряд завершился, Таита дал Деметеру настойку красного шепена, и вскоре старец погрузился в наркотический сон.

– Оставь нас покуда, добрый Мерен. Отдыхай, но оставайся неподалеку, – сказал Таита, усаживаясь рядом с Деметером, чтобы охранять его.

Но уставшее тело взяло верх.

Маг проснулся оттого, что Мерен настойчиво теребил его раненую руку. Он сел, пьяный от сна.

– Чего тебе? – рявкнул он. – Ты совсем потерял рассудок?

– Идем, маг! Скорее!

Тревога в голосе и отчаяние на лице молодого человека встревожили Таиту. Он бросил взгляд на Деметера и с облегчением убедился, что старец по-прежнему спит.

– Что случилось? – спросил он, поднявшись. Но Мерен уже вышел.

Таита последовал за ним на прохладный утренний воздух и увидел, как молодой человек бежит к коновязи. Когда маг подошел ближе, Мерен молча указал на груду камней, наваленную поверх туши змеи. Мгновение Таита смотрел в недоумении, но потом заметил, что камни разъехались в стороны.

– Змеи нет, – выпалил Мерен. – Она исчезла ночью.

Он указал на углубление в песке, оставленное тяжелой тушей питона. Кое-где виднелись черные капли запекшейся крови, но это все, что осталось от чудища. Таита почувствовал, как волосы у него на затылке зашевелились, будто тронутые холодным ветром.

– Ты тщательно искал?

Мерен кивнул:

– Мы прочесали всю местность на половину лиги вокруг лагеря. И не нашли даже следа.

– Псы или дикие животные сожрали его, – предположил Таита.

Мерен покачал головой:

– Никакие собаки к этому трупу даже не приблизятся. Почуяв его запах, они рычат и пятятся.

– Гиены, стервятники?

– Ни одна птица не сумела бы отвалить камни, а чтобы сожрать такую громадину, потребовалась бы сотня гиен. Они бы всю ночь наполнили своими мерзкими криками и воем. Но стояла тишина, следов и отметин лап тоже нет. – Мерен провел ладонью по густым кудрям и понизил голос: – Сомнений нет, Деметер был прав. Гадина забрала свою голову и уползла прочь, не касаясь земли. Это создание из преисподней.

– Таким мнением не следует делиться со слугами и погонщиками верблюдов, – предупредил его Таита. – Стоит им заподозрить что-то подобное, и они сбегут. Скажи им, что мы с Деметером избавились от тела при помощи сотворенного ночью заклинания.

Прошло несколько дней, прежде чем Таита счел Деметера способным продолжить путешествие. Но неровная поступь верблюда, несшего паланкин, обостряла боль в сломанных ребрах, и Таите приходилось постоянно давать больному настойку красного шепена. Одновременно он замедлил ход каравана и сократил переходы, чтобы не усугубить состояние пациента.

Сам Таита быстро оправился от причиненных змеей ран. Вскоре он уже снова ехал верхом на Дымке. Иногда во время ночного перехода он поручал Мерену присмотреть за Деметером, а сам заезжал вперед каравана. Ему требовалось побыть одному и понаблюдать за небом. Он был уверен, что важные магические события, в кои они оказались вовлечены, обязательно отразятся в знамениях и предначертаниях небесных тел. Обнаружить их не составило труда: они находились повсюду. Небеса расчерчивали огненные следы падающих звезд и комет: за одну ночь их появилось больше, чем за предыдущие пять лет. Такое изобилие предзнаменований сбивало с толку и порождало противоречивые толкования. Не появилось ни одного явления, которое удавалось истолковать однозначно. Здесь имелись грозные предвестия, обещания надежды, знаки добра и зла одновременно.

На десятую ночь после исчезновения питона луна стала полной, и ее необычно яркий свет заставил побледнеть хвосты падающих звезд, даже большие планеты превратились в едва заметные точки.

Глубоко за полночь Таита выехал на знакомую ему бесплодную равнину. Они находились в пятидесяти лигах пути от края плато, обрамлявшего плодородную некогда дельту Нила. Приходило время возвращаться к остальным, и Таита остановил Дымку. Он спустился с седла и присел на плоский камень рядом с дорогой. Кобыла ткнулась в него мордой; Таита рассеянно открыл висящую на боку сумку и сунул ей горсть крупы из дурры, а сам неотрывно следил за небом.

Он с трудом смог разглядеть серое облако, оставшееся от звезды Лостры, и ощутил горькое отчаяние, поняв, что вскоре она исчезнет совсем. Таита снова перевел печальный взгляд на луну. Та предвещала начало сезона посева, этого времени обновления и роста, но без разлива реки поля в дельте сеять бессмысленно.

Вдруг Таита выпрямился. Он ощутил холод, всегда предвещающий явление неких дурных сверхъестественных событий. По рукам у него побежали мурашки, волосы на затылке поднялись. Очертания луны менялись прямо у него на глазах. Поначалу это показалось ему иллюзией, игрой света, но через несколько минут стало видно, как изрядный кусок месяца исчез, словно откушенный челюстями какого-то темного чудовища. С пугающей быстротой остаток большого диска разделил ту же судьбу, и на его месте осталась только черная дыра. Звезды проступили снова, но казались блеклыми и тусклыми по сравнению со сгинувшей луной.

Вся природа словно замерла. Птицы перестали петь. Ветер ослабел и стих совсем. Очертания окружающих холмов погрузились во тьму. Даже серая кобыла забеспокоилась: замотала гривой и испуганно заржала. Потом она вздыбилась и, выдернув поводья из руки Таиты, во весь опор помчалась по дороге обратно к каравану. Он не пытался ее вернуть.

Хотя Таита знал, что ни одно заклинание и ни одна молитва не способны остановить череду космических событий, он громко воззвал к Ахурамазде и всем богам Египта, чтобы они не дали луне исчезнуть. Затем он обратил внимание, что остатки звезды Лостры стали видны более отчетливо. Она выглядела просто как бледное пятно, но маг взял подвешенный на цепочке талисман и воздел по направлению к звезде. Он сконцентрировал в своей мольбе ум, чувства и силы внутреннего ока.

– Лостра! – в отчаянии вскричал Таита. – Ты всегда была светом в моем сердце! Используй свою силу и обратись к богам, твоим собратьям. Зажгите луну и снова осветите небо!

Почти сразу же тонкая полоска света появилась на месте исчезнувшей луны. Она увеличивалась в размерах и изменялась в очертаниях, приняв сначала форму изогнутого клинка, затем секиры. Пока Таита продолжал взывать к Лостре и вздымать ее амулет, луна вернулась во всем своем сиянии и славе. Облегчение и радость наполнили все его существо. Однако он понимал, что пусть луна и возвратилась, но предупреждение в виде затмения не было случайным, и это дурное предзнаменование отменяло прежние благоприятные знаки.

Ему потребовалась половина оставшегося ночного времени, чтобы прийти в себя после мучительного зрелища умирающей луны; наконец он заставил себя встать и, взяв посох, отправился на поиски кобылы. Пройдя примерно лигу, маг обнаружил ее. Дымка общипывала скудные листочки с пустынного куста у дороги; она тихо заржала, увидев хозяина, а потом потрусила ему навстречу, понурив голову от стыда за свое неподобающее поведение. Таита забрался ей на спину, и они поскакали к каравану.

Люди наблюдали пожирание луны, и даже Мерену доставило немало хлопот сдержать их. Едва заметив возвращающегося Таиту, молодой воин побежал к нему.

– Ты видел, что произошло с луной, маг? Какой зловещий знак! – воскликнул он. – Я испугался, жив ли ты, и очень обрадовался, узрев тебя целым и невредимым. Деметер проснулся и ждет тебя, но не поговоришь ли ты сначала с этими трусливыми псами? Они так и норовили ускользнуть и забиться в свою конуру.

Таита не пожалел времени, чтобы ободрить караванщиков. Он сказал им, что возрождение луны не беду пророчит, а, напротив, возвещает возобновление разливов Нила. Репутация мага способствовала тому, что люди с готовностью поверили и в конце концов почти с радостью согласились продолжить путь.

Покинув их, Таита отправился в шатер к Деметеру. За минувшие десять дней старец изрядно оправился от причиненных питоном ран и набрался сил. Однако он встретил Таиту с тревожной озабоченностью. Остаток ночи они просидели за тихой беседой, обсуждая смысл лунного затмения.

– Я прожил достаточно долго, чтобы повидать множество подобных случаев, – сказал вполголоса Деметер. – Но столь полное исчезновение наблюдал редко.

Таита кивнул:

– Да. Мне прежде доводилось видеть такое только дважды. И всегда подобное затмение предвещало какую-нибудь беду: смерть великого царя, падение прекрасных и процветающих городов, голод или чуму.

– Это была еще одна демонстрация темных сил лжи, – пробормотал Деметер. – Сдается мне, Эос упивается своей непобедимостью. Она пытается запугать нас, принудить к отчаянию.

– Нам нельзя больше медлить в пути, нужно спешить в Фивы, – сказал Таита.

– А главное – нельзя ни на миг ослаблять бдительность. В любую минуту дня и ночи она может снова напасть на нас. – Деметер пристально посмотрел Таите в глаза. – Прости, что повторяюсь, но, пока ты не прочувствуешь, так же как и я, насколько изобретательны и коварны уловки этой колдуньи, ты не поймешь, насколько они опасны. Эос способна вложить в твой ум в высшей степени убедительные картины. Может возвратить тебе самые ранние воспоминания детства, и образы отца и матери будут настолько живыми, что ты не усомнишься в их реальности.

– В моем случае ей придется потрудиться. – Таита сухо усмехнулся. – Потому как я никогда не видел своих родителей.

Хотя погонщики заставили верблюдов прибавить шаг, Таита сгорал от нетерпения. На следующую ночь он снова обогнал караван в надежде достичь обрыва над дельтой и снова увидеть возлюбленный Египет после стольких лет отсутствия. Его рвение оказалось заразительным: Дымка без устали скакала коротким галопом, и под ее мелькающими копытами пролетали лига за лигой.

Наконец Таита натянул поводья у самого края плато.

Лунный свет серебрил раскинувшиеся внизу плодородные поля, очерчивал пальмовые рощи на берегу Нила. Маг искал глазами блестящий поток вод, но с такого расстояния русло выглядело темным и мрачным.

Таита спешился и встал рядом с кобылой, поглаживая ее по голове и жадно глядя на город – белые в лунном свете стены храмов и дворцов Карнака. Его взгляд нашел башни дворца Мемнона на дальнем берегу, но маг удержался от соблазна спуститься по склону, пересечь заливные поля и пройти через одни из ста ворот Фив. Долг повелевал ему находиться рядом с Деметером, а не мчаться сломя голову вперед. Он присел на корточки и позволил себе посмаковать картины возвращения и встречи с теми, кто был ему так дорог.

Фараон и его царица Минтака испытывали к Таите привязанность, обычно предназначаемую для старших членов семьи. В ответ он питал к обоим беззаветную любовь, которая оставалась такой же глубокой, хотя они давно вышли из детского возраста. Отец Нефера, фараон Тамос, был убит, когда Нефер из-за слишком юного возраста еще не мог унаследовать трон Верхнего и Нижнего Египта. Поэтому был назначен регент. Таита состоял учителем при Тамосе, и подразумевалось, что сын фараона тоже будет находиться под его опекой до совершеннолетия. Таита занимался формальным образованием мальчика, тренировал его как воина и колесничего, наставлял в искусстве ведения войны и руководства армиями. Маг знакомил будущего фараона с обязанностями монарха, задачами государственной политики и дипломатии. Он делал из него мужчину. За эти годы между ними образовалась связь, не разорвавшаяся до сих пор.

По склону тянул ветер, достаточно свежий, чтобы заставить мага поежиться. В эти жаркие месяцы такой холод не соответствовал сезону. Таита мигом насторожился. Подобное похолодание зачастую предвещало вмешательство оккультных сил. Предупреждения Деметера эхом зазвучали у него в ушах.

Он сидел неподвижно и обыскивал эфир. И ничего зловещего не обнаружил. Маг повернулся к Дымке, которая была почти так же восприимчива к сверхъестественному, как он сам. Кобыла оставалась спокойной и расслабленной. Удовлетворившись, Таита встал и подобрал поводья, чтобы залезть на лошадь и поехать к каравану. Мерен наверняка уже распорядился вставать на привал и разбивать лагерь. Таите хотелось переговорить с Деметером, пока его не сморил сон. Он не все еще почерпнул из сокровищницы опыта и мудрости старца.

Как раз в это мгновение Дымка тихонько всхрапнула и навострила уши, но явных признаков тревоги не выказала. Таита заметил, что взгляд ее устремлен вниз по склону, и посмотрел в ту сторону.

Сначала он ничего не увидел. Но, доверяя своей кобыле, стал вслушиваться в тишину ночи. И наконец разглядел неясное шевеление у самого подножия спуска. Вскоре все замерло, и он уже решил, что ошибся, но лошадь по-прежнему держалась настороже. Маг принялся ждать и наблюдать. И вскоре снова заметил шевелящееся пятно; на этот раз оно приблизилось и стало более отчетливым.

Из темноты обрисовались очертания еще одного всадника на лошади: тот поднимался по тропе, наверху которой стоял Таита. Лошадь у неизвестного тоже имела серую масть, но бледнее Дымки. В памяти Таиты что-то шевельнулось – он никогда не забывал доброго коня. Даже при слабом свете звезд эта лошадь показалась ему знакомой. Он пытался припомнить, где видел ее раньше, но воспоминание расплывалось. Значит, это было давным-давно. А серая бежала с резвостью четырехлетки. Таита резко переключил внимание на всадника: гибкая фигура, скорее мальчик, чем взрослый мужчина. Так или иначе, в седле он держался уверенно. Юнец тоже казался знакомым, но память не спешила на выручку. Не мог ли этот наездник оказаться сыном кого-нибудь из хороших знакомых? Одним из царевичей Египта? Оставалось только гадать.

Царица Минтака одарила фараона Нефера-Сети множеством прекрасных сыновей. Все имели сильное сходство либо с отцом, либо с матерью. В находившемся перед ним ребенке не наблюдалось ничего особенного, но Таита не сомневался, что имеет дело с носителем царской крови.

Лошадь и всадник приближались. Таите бросились в глаза еще несколько деталей. Он заметил, что наездник облачен в короткий хитон, оставляющий ноги обнаженными. Ноги были стройными, безошибочно женскими.

Девушка!

Голова ее оставалась покрытой, но по мере приближения под наброшенной шалью все яснее проступали черты.

– Я знаю ее. Очень хорошо знаю! – прошептал маг, обращаясь сам к себе.

Кровь зашумела у него в ушах. Девушка приветственно вскинула руку, потом легким движением бедер велела кобыле идти быстрее. Та перешла на короткий галоп, но стука ее копыт по каменистой тропе не было слышно. Она неслась вверх по склону в пугающей тишине. Слишком поздно Таита сообразил, что был введен в заблуждение знакомой наружностью. Он лихорадочно заморгал, открывая внутреннее око.

– У них нет ауры! – выдохнул он и оперся рукой на плечо Дымки, потому что ноги внезапно ослабли. Ни серая кобыла, ни ее всадница не являлись существами из плоти и крови, они прибыли из другого измерения. Вопреки всем предостережениям Деметера, его снова застали врасплох. Таита быстро нашарил висящий на шее талисман и поднял его перед лицом.

Наездница натянула поводья и стала вглядываться в него из тени накидки, покрывающей лицо. Она находилась теперь так близко, что маг мог разглядеть блеск ее глаз, нежный абрис юных щек. Воспоминания хлынули потоком.

Неудивительно, что серая лошадь казалась ему такой знакомой: это был его собственный подарок ей, выбранный с любовью и заботой. Он заплатил за нее пятьдесят талантов серебром

и не считал, что остался в накладе. Она назвала кобылу Чайкой и всегда считала ее своей любимицей.

Девушка держалась в седле в той грациозной манере, что запала Таите в душу еще десятилетия назад. Потрясение оказалось таким сильным, что мысли начали путаться. Он застыл на месте, подобно гранитной колонне, заслонившись амулетом, как щитом.

Всадница медленно подняла изящную белую ручку и отбросила край накидки. Видя это прекрасное лицо, каждая деталь которого была ему так хорошо знакома, он ощутил, как душа его рвется на части.

«Это не она, – пробовал убедить себя маг. – Это очередное видение из преисподней, подобное той гигантской змее и, возможно, не менее смертоносное».

Когда они обсуждали сон про девушку на золотом дельфине, Деметер без колебаний сказал:

– Твой сон – еще одна уловка колдуньи. Не доверяй никакому образу, созданному из твоих надежд и желаний. Обращаясь мыслями к радостям, подобным былой любви, ты открываешь врата для Эос. Через них она доберется до тебя.

Таита покачал головой:

– Нет, Деметер. Даже Эос не способна выведать столь интимные подробности из такого далекого прошлого. Голос Лостры, разрез глаз, изгиб улыбающихся губ. Как способна Эос воспроизвести их? Лостра вот уже семьдесят лет покоится в своем саркофаге. От нее не осталось живых следов, которые колдунья может прочитать.

– Эос крадет твои воспоминания о Лостре и возвращает тебе в самой их убедительной, правдоподобной форме.

– Но даже я сам напрочь позабыл многие детали!

– Не ты ли сам доказал, что мы ничего не забываем? В памяти у нас сохраняются даже мельчайшие подробности. Требуются лишь оккультные способности, коими Эос обладает, чтобы извлечь их из сокровищницы твоего ума. Точно так же ты возвратил мне воспоминания об Эос, о ее голосе, произносящем заклинание огня.

– Я не могу принять, что это была не Лостра, – чуть слышно простонал Таита.

– Это потому, что ты не хочешь этого принять. Эос ищет способ сделать твой ум глухим к доводам рассудка. Задумайся на минуту, насколько хитро образ девушки на дельфине вплетен в ткань ее злого умысла. Она отвлекла и заманила тебя видением утраченной любви, а тем временем наслала призрачного змея, чтобы покончить со мной. Эос использовала твой сон как обходной маневр.

Теперь, на краю обрамляющей дельту возвышенности, Таита вновь столкнулся с призраком – образом Лостры, бывшей царицы Египта, память о которой до сих пор заполняла его сердце. На этот раз сходство выглядело даже более полным. Чувствуя, что его решимость и благоразумие дают трещину, маг отчаянно пытался взять себя в руки. Но не смог запретить себе посмотреть Лостре в глаза. Они были полны чарующим светом, в них отражались все боли и радости, пережитые ею.

– Изыди! – воскликнул он твердо и холодно, насколько мог. – Ты не Лостра. Ты не та женщина, которую я любил. Ты – творение великой лжи. Убирайся обратно во тьму, из которой появилась!

При этих словах нежные искры в глазах Лостры сменились глубокой печалью.

– Милый Таита, – тихо воззвала она к нему. – Томительные и одинокие годы я провела в разлуке с тобой. Теперь, когда тебе грозит страшная физическая и духовная опасность, я вернулась, чтобы быть рядом с тобой. Вместе мы сумеем противостоять нависшему над тобой злу.

– Ты кощунствуешь, – возразил он. – Ты Эос, ложь, и я изгоняю тебя. Меня покрывает правда, тебе не подобраться ко мне. Ты не в силах причинить мне зло.

– Ах, Таита. – Голос Лостры понизился почти до шепота. – Ты погубишь нас обоих. Мне тоже грозит опасность. – Казалось, что ее гнетет вся печаль, что угнетала человечество с начала времен. – Верь мне, милый. Ради нас обоих, поверь мне. Я не кто иная, как Лостра, которую ты любил и которая любила тебя. Ты призвал меня через эфир. Я откликнулась на твой зов и пришла.

Таита почувствовал, что земная твердь зашаталась у него под ногами, но собрался с духом.

– Прочь, проклятая ведьма! – вскричал он. – Уходи, подлая прислужница лжи! Я отрекаюсь от тебя и всех твоих созданий. Не преследуй меня впредь.

– Нет, Таита, ты не можешь так поступить! – взмолилась женщина. – Нам выпал такой шанс, единственный шанс. Не упусти его.

– Ты – зло! – сказал маг резко. – Ты порождение преисподней. Возвращайся в свою мерзкую обитель!

Лостра застонала, ее образ померк. Она растворилась точно так же, как ее звезда исчезала на небе в ярком свете разгорающегося дня. Последние ее слова, произнесенные шепотом, донеслись до него из ночи:

– Однажды я вкусила смерть, а теперь вынуждена испить эту чашу до дна. Прощай, Таита, которого я любила. Если бы ты только мог любить меня немного сильнее!..

Она исчезла совсем, и Таита опустился на колени, позволив волнам сожаления и чувства утраты накрыть его с головой. Когда он снова собрался с силами и поднял глаза, солнце уже всходило, находясь на целую ладонь выше горизонта. Дымка спокойно стояла рядом. Она дремала, но стоило хозяину пошевелиться, как кобыла вскинула голову и посмотрела на него. Таита настолько обессилел, что смог забраться в седло, только воспользовавшись валуном в качестве подножки. Стоило лошади тронуться по тропе в направлении лагеря, он покачнулся и едва не свалился. Таита пытался упорядочить вихрь эмоций, закруживший его. Из толчеи мыслей выкристаллизовалась одна: во время встречи с призрачной Лострой Дымка стояла спокойно, не проявляя ни малейшей тревоги. Раньше она обнаруживала вмешательство темных сил даже раньше, чем их угадывал он. Когда тьма пожрала луну, кобыла перепугалась и сбежала, но встреча с призраком Лостры и ее лошади вызвала в ней только умеренный интерес.

– В них могло и не быть зла, – начал убеждать сам себя маг. – Неужели Лостра говорила правду? Не пришла ли она как союзник и друг, чтобы защитить меня? Не погубил ли я нас обоих?

Боль оказалась слишком острой, чтобы ее вынести. Таита развернул Дымку и во весь опор погнал ее обратно к дельте. Натянув поводья на самом краю утесов, он соскочил на землю на том самом месте, где исчезла Лостра.

– Лостра! – воззвал он к небесам. – Прости меня! Я ошибся! Я понял теперь, что ты говорила правду. Ты – истинная и настоящая Лостра. Вернись ко мне, любовь моя! Вернись назад!

Но она не появилась, и только эхо насмехалось над ним издалека: «Вернись назад… назад… назад…»

До священного города Фивы было так близко, что Таита приказал Мерену не прекращать ночного перехода, даже когда солнце поднялось. Маленький караван, залитый косыми солнечными лучами, спустился с плато и двинулся по плоской долине к городским стенам.

Равнина, находившаяся в запустении, выглядела уныло. Никакой зелени на ней не росло. Черная земля, обожженная как кирпич, под воздействием жары покрылась глубокими трещинами. Крестьяне забросили бесплодные поля, покосившиеся хижины стояли покинутыми: кровля из пальмовых листьев кусками обваливалась со стропил, неоштукатуренные стены осыпались. Кости подохших от голода коров белели на пашне, как островки белых ромашек. Время

от времени маленький смерч кружился в хаотичном танце по пустой земле, увлекая к безоблачному небу вихревые колонны пыли и сухих листьев дурры. Солнце обрушивалось на иссохшую землю, как удары секиры на медный щит.

Посреди этого гнетущего царства пустоты и увядания люди и животные казались крохотными, словно детские игрушки.

Они достигли реки и невольно остановились на берегу, завороженные жутким зрелищем. Даже Деметер спустился из паланкина и, прихрамывая, подошел и встал рядом с Таитой и Мереном.

В этом месте русло имело четыреста шагов в ширину. В обычном состоянии Нил заполнял русло от края до края, неся серые илистые воды, и был таким глубоким и могучим, что его поверхность испещряли клубящиеся водовороты и воронки. В сезон половодья Нил в эти пределы не помещался. Он переливался через берега и затоплял поля. Приносимые рекой ил и другие осадочные породы служили таким богатым удобрением, что обеспечивали три последовательных урожая в течение одного земледельческого сезона.

Но разлива не происходило вот уже семь лет, и сама река представляла собой жалкое подобие прежнего могучего потока. Она превратилась в цепочку мелких вонючих луж, рассеянных вдоль русла. Поверхность их тревожили только всплески подыхающих рыб да ленивая возня немногих уцелевших крокодилов. Воду покрывала густая красная пена, похожая на свернувшуюся кровь.

– Что заставило реку течь кровью? – спросил Мерен. – Это проклятие?

– Вероятнее всего, причиной стало цветение ядовитых водорослей, – сказал Таита.

– Это и есть водоросли, – согласился Деметер. – Но я не сомневаюсь, что они неестественного происхождения и заполонили Египет под воздействием того же злобного влияния, что остановило ток вод.

Кроваво-красные лужи отгородились друг от друга полосами черной грязи, загаженной мусором и помоями из города, корневищами и плавником, обломками брошенных судов и гниющими тушами птиц и животных. Единственными живыми существами на отмелях были странные приземистые твари, неуклюже скакавшие или ковылявшие по грязи. Они ожесточенно дрались между собой за падаль; отвоеванные туши они рвали на куски, которые заглатывали не жуя.

Таита не мог определить природу этих созданий, пока Мерен не пробормотал с глубоким отвращением:

– Они именно такие, какими их описывал тот начальник каравана: гигантские жабы! – Он крякнул, потом сплюнул в попытке избавиться от смрада, комом вставшего в горле. – Неужто не будет конца бедствиям, обрушившимся на Египет?

Таита осознал, что его сбил с толку именно гигантский размер амфибий. Со спины они казались толстыми, как кабаны, а встав на длинные задние лапы, не уступали в росте шакалу.

– Там, в грязи, лежат человеческие тела! – воскликнул Мерен. Он указал на трупик неподалеку. – Вот мертвый ребенок.

– Похоже, жители Фив настолько впали в апатию, что не хоронят больше мертвецов, а бросают их в реку, – печально покачав головой, сказал Деметер.

Прямо у них на глазах жаба ухватила ручку ребенка и, мотнув раз десять головой, вырвала ее из плечевого сустава. Потом подбросила добычу высоко в воздух. Поймав падающую конечность широко раскрытой пастью, гадина проглотила ее.

Зрелище сильно удручило всех путников. Они вернулись в седла и поехали вдоль берега.

Наконец путешественники добрались до внешней городской стены. Пространство перед ней заполняли возведенные на скорую руку шалаши, в которых ютились бросившие поля крестьяне, вдовы, сироты, больные, умирающие и все прочие жертвы разразившегося бедствия. Они собирались группками, сидя под грубыми соломенными крышами открытых лачуг. Вид у

всех был изнуренный и апатичный. Таита видел, как молодая мать сует младенцу сморщенную пустую грудь, но малыш был слишком слаб, чтобы сосать, а по глазам и ноздрям у него ползали мухи. Мать полным безнадежности взглядом смотрела на путников.

– Разрешите мне дать ей еды для ребенка. – Мерен начал уже слезать с коня, но Деметер остановил его.

– Покажи этим несчастным пищу, и они взбунтуются и нападут на нас в попытке отнять еду.

Проехав мимо, Мерен обернулся с печальным и виноватым видом.

– Деметер прав, – тихо сказал ему Таита. – Нельзя спасти нескольких погибающих от голода среди такого множества людей. Нам нужно спасти все Египетское царство, а не горстку его жителей.

Таита и Мерен выбрали место для лагеря на изрядном удалении от бедолаг. Таита подозвал к себе старшего из сопровождавших Деметера слуг.

– Убедись, что твой хозяин устроен удобно, и бдительно охраняй его, – велел он. – Потом постройте вокруг лагеря забор из сухого колючего кустарника, чтобы защититься от воров и грабителей. Найдите воду и корм для животных. Оставайтесь здесь, пока я не устрою для всех нас более удобное жилье.

Он повернулся к Мерену:

– Я отправляюсь в город, во дворец фараона. Оставайся с Деметером.

Ударив Дымку пятками по бокам, маг поскакал к главным воротам. Стража поглядела на него с башни, но даже не окликнула.

Улицы были почти пустынными. Немногие встреченные им жители выглядели такими же бледными и истощенными, как бедолаги за крепостной стеной. При его приближении они спешили убраться в сторону. Мерзкий смрад висел над городом – запах смерти и страданий.

Начальник дворцовой стражи узнал Таиту и бегом кинулся распахивать перед ним ворота, а затем почтительно приветствовал при входе.

– Мой человек отведет твою лошадь в стойло, маг. Царские конюхи позаботятся о ней.

– Фараон во дворце? – осведомился Таита, спешиваясь.

– Он у себя.

– Проводи меня к нему, – приказал старик.

Начальник сразу же повел его через лабиринт коридоров и комнат. Они шли через внутренние дворики, когда-то дивно украшенные лужайками, цветочными клумбами и журчащими фонтанами, потом проследовали через крытые переходы и залы, где раньше звучал веселый смех и песни дам и господ, а развлекали знатных посетителей жонглеры, трубадуры и танцовщицы-невольницы. Теперь комнаты были пусты, зелень в садах стала бурой и мертвой, фонтаны пересохли. Вязкую тишину нарушал только звук их шагов по каменным плитам.

Наконец они добрались до передней царского зала. В противоположной стене находилась закрытая дверь. Начальник стукнул в нее тупым концом копья, и раб почти в то же мгновение открыл ее.

Таита осмотрелся. На полу из плит розового мрамора сидел, скрестив ноги, дородный евнух в короткой льняной юбке за низким столиком, заваленным свитками папируса и табличками для письма. Таита сразу же узнал его. Это был старший дворецкий царя. На эту высокую должность его назначили по рекомендации Таиты.

– Рамрам, старый друг! – приветствовал его маг.

Рамрам вскочил на ноги с удивительным для такого толстяка проворством и поспешил обнять Таиту. Всех состоящих на службе у фараона евнухов соединяли прочные братские узы.

– Тебя слишком долго не было в Фивах, Таита. – Дворецкий увлек мага в свои покои. – Фараон держит совет с военачальниками, так что я не могу тревожить его, но доложу о тебе

сразу же, как только повелитель освободится. Он хотел бы от меня именно этого. Однако у нас пока есть время поговорить. Сколько тебя не было? Прошло уже немало лет…

– Семь. С последней нашей встречи я совершил путешествие в далекие страны.

– Значит, мне предстоит долгий рассказ о том, что случилось здесь за время твоего отсутствия. К сожалению, хороших новостей почти нет.

Оба евнуха уселись на подушках друг напротив друга, затем дворецкий велел рабу принести им по кубку шербета, охлажденного в глиняных сосудах.

– Скажи сначала, как его величество? – с волнением спросил Таита.

– Боюсь, вид фараона огорчит тебя. Заботы тяжело сказались на нем. Дни напролет он проводит в советах с вельможами, командующими армией и правителями всех номов [2]. Рассылает посольства в другие страны с заданиями закупить зерно и другую провизию для погибающего от голода населения. Приказывает вырыть новые колодцы, чтобы найти пресную воду взамен непригодной красной воды из реки. – Рамрам тяжело вздохнул и сделал большой глоток из чаши с шербетом.

– Мидяне, шумеры, народы моря, ливийцы и прочие наши враги знают о постигшем нас бедствии, – продолжал чиновник. – Они полагают, что могущество наше подходит к концу и мы не в силах защищать свои границы, поэтому собирают армии. Тебе известно, что наши вассальные царства и сатрапы всегда роптали на тяжкую дань, которую они вынуждены платить фараону. Многие видят в наших неудачах возможность отколоться от нас, поэтому заключают предательские союзы. Полчища врагов роятся у наших рубежей. При наших скудных ресурсах фараон вынужден отвлекать людей и средства, чтобы строить крепости и усиливать полки. Он напрягает свои силы и силы своей империи до опасного предела.

– Ни один менее великий монарх не смог бы вынести таких испытаний, – заметил Таита.

– Нефер-Сети – выдающийся правитель. Но он наравне с нами, его ничтожными подданными, понимает в глубине души, что боги больше не улыбаются Египту. Никакое из его усилий не увенчается успехом, если небесные покровители не вернут нам свою благую милость. Царь велел, чтобы жрецы во всех храмах страны беспрестанно творили молитву. Он лично трижды в день приносит жертвы. При всей своей усталости он проводит половину ночного времени, отведенного для отдыха, в пламенной мольбе и в общении со своими божественными собратьями.

На глаза дворецкого навернулись слезы. Он утер их льняным платочком.

– Такова его жизнь в течение последних семи лет, в ходе которых не происходило разливов реки и одно бедствие сменяло другое. Любого менее крепкого правителя они бы сокрушили. Нефер-Сети – бог, но наделен сердцем и чувствами человека. Они тяготят и старят его.

– Это воистину печальные вести, – промолвил Таита. – Но скажи, как поживают его супруга и дети?

– Тут тоже хорошего мало. Чума жестоко обошлась с ними. Царица Минтака заболела и несколько недель находилась на грани смерти. Она поправилась, но до сих пор очень слаба. Не всем детям царя так повезло. Царевич Хаба и его младшая сестренка Уна покоятся бок о бок в царском мавзолее. Их унесла зараза. Другие дети выжили, но…

Рамрам не договорил: вошел раб и, почтительно поклонившись, зашептал что-то на ухо дворецкому. Тот кивнул и сделал невольнику знак уходить, после чего обратился к Таите:

– Совет закончился. Я иду к фараону с докладом о твоем прибытии.

Он поднялся и вразвалку подошел к задней стене комнаты. Там он коснулся вырезанной на панели фигуры, которая повернулась под его пальцами. Секция стены отъехала в сторону, и Рамрам нырнул в образовавшийся проем.

---

[2] *Номы* – административные округа в Древнем Египте, возглавляемые номархами.

С его исчезновения прошло совсем немного времени, как из коридора за потайной дверью раздались возгласы радости и удивления. Сразу вслед за ними послышались быстрые шаги и еще один крик:

– Тата, ты где?

Татой в разговорах между ними называл его фараон.

– Я здесь, ваше величество.

Фараон стремительно вошел, почти ворвался в помещение и остановился, разглядывая Таиту.

– Ты слишком долго меня не вспоминал, – укорил он мага. – Да, это и вправду ты. Я думал, ты и впредь продолжишь не замечать моих многочисленных приглашений.

На Нефере-Сети были только прикрывающая колени льняная юбка да открытые сандалии. Верхняя часть туловища оставалась обнаженной. Фараон обладал широкой и мощной грудью и плоским животом с бугорками мышц. Длинные руки обрели мощь в постоянных упражнениях с мечом и луком. Это был торс воина, натренированного до совершенства.

– Приветствую тебя, фараон. Я по-прежнему твой ничтожный раб, коим и всегда был.

Нефер-Сети шагнул вперед и крепко обнял старика.

– Никаких разговоров о рабах и рабстве, когда речь идет об ученике и учителе, – заявил он. – Сердце мое переполнено радостью от новой встречи с тобой.

Царь отодвинул мага на длину вытянутых рук и всмотрелся в его лицо.

– Милостью Гора, ты не состарился ни на один день.

– Как и вы, ваше величество. – Слова Таиты прозвучали искренне, и Нефер-Сети расхохотался:

– Хотя это и ложь, я расцениваю эту лесть как подарок от старого приятеля.

Нефер снял церемониальный парик из конского волоса: на коже его не было краски, поэтому Таита мог рассмотреть его черты. Коротко остриженные волосы царя поседели, на макушке проступила плешь. Лицо испещряли оставленные временем следы: в уголках рта залегли глубокие складки, сеть морщинок окружила глаза, тусклые от усталости. Щеки у него стали впалыми, а кожа приобрела нездоровую бледность. Моргнув, Таита открыл внутреннее око и с облегчением увидел яркую ауру фараона, что говорило о храбром сердце и несломленном духе.

Сколько ему лет? Таита напряг память. Когда убили его отца, Неферу сравнялось двенадцать, так что сейчас должно быть сорок девять. Осознание этого факта потрясло мага. Обычный человек в сорок пять считается стариком, а к пятидесяти чаще всего умирает. Рамрам сказал правду – фараон сильно переменился.

– Рамрам уже нашел для тебя апартаменты? – осведомился Нефер-Сети и бросил на дворецкого строгий взгляд поверх плеча Таиты.

– Я думал поместить его в одном из помещений для чужеземных послов, – предложил Рамрам.

– Ни в коем случае. Таита не чужеземец, – рявкнул Нефер-Сети, и Таита подметил, что его спокойный прежде характер стал более резким и вспыльчивым. – Его следует поместить в караульном помещении у дверей в мои покои. Хочу, чтобы я мог спросить у него совета или обсудить что-то в любой час ночи.

Он посмотрел Таите прямо в глаза:

– Но мне пора идти. У меня встреча с вавилонским послом. Его соотечественники в три раза подняли цену на поставляемое нам зерно. Рамрам введет тебя в курс самых важных государственных дел. Я предполагаю, что к полуночи освобожусь, и тогда пришлю за тобой. Мы разделим с тобой обед, хотя я опасаюсь, что он едва ли придется тебе по вкусу. По моему приказу обитатели дворца питаются так же, как и остальное население.

Нефер-Сети повернулся к потайной двери.

– Ваше величество! – окликнул Таита настойчиво. Нефер-Сети бросил на него взгляд поверх широкого плеча, и Таита продолжил: – Меня сопровождает великий ученый маг.

– Но не такой могущественный, как ты, – ласково улыбнулся фараон.

– На самом деле я младенец по сравнению с ним. Он прибыл в Карнак, чтобы предложить помощь тебе и твоему царству.

– И где же сейчас это светило?

– В лагере за городскими воротами. При всей своей учености он неизмеримо стар и слаб телом. Мне следует находиться рядом с ним.

– Рамрам, подыщи для чужеземного мага удобные апартаменты в этом крыле дворца.

– Мерен-Камбиз по-прежнему сопровождает меня в качестве спутника и защитника. Я буду благодарен, если смогу иметь его под рукой.

– Блаженный Гор, похоже, мне половину обитателей земли предстоит заселить вместе с тобой. – Нефер-Сети расхохотался. – Но я рад слышать, что Мерен жив-здоров, и с удовольствием повидаюсь с ним. Рамрам и ему подыщет место. Но мне пора идти.

– Еще одна минута твоего божественного присутствия, фараон, – остановил его Таита, перед тем как царь скрылся в проходе.

– Ты пробыл во дворце всего ничего, а уже выжал из меня полсотни милостей, – заметил правитель. – Действительно, ты ничуть не утратил способности убеждать. Что еще тебе требуется?

– Разрешение пересечь реку и засвидетельствовать свое почтение царице Минтаке.

– Отказав, я поставлю себя в незавидное положение: моя супруга не утратила своего пламенного нрава и обратит на меня свою немилость. – В его смехе звучала искренняя привязанность к жене. – Ступай к ней, если хочешь, но возвращайся до полуночи.

Как только Деметер был благополучно перемещен во дворец, Таита поручил двум царским лекарям ухаживать за ним и отозвал Мерена в сторону.

– Я собираюсь вернуться к полуночи, – сказал он. – Береги его как зеницу ока.

– Мне следует пойти с тобой, маг. Во времена нужды и голода даже честные люди от отчаяния идут на разбой, чтобы прокормить свои семьи.

– Рамрам выделит мне охрану из стражников, – ответил Таита.

Казалось странным, что для переправы через такую реку, как Нил, им предстоит сесть на лошадь, а не в лодку. Сидя на Дымке, Таита смотрел в сторону дворца Мемнона на западном берегу и видел множество нахоженных троп, петляющих по илу между вонючими лужами.

Они двинулись по одной из этих тропинок.

Гигантская жаба выпрыгнула на дорогу прямо перед кобылой Таиты.

– Убейте ее! – скомандовал возглавлявший охранный отряд сотник.

Один из воинов опустил копье и поскакал на жабу. Гадина яростно развернулась, подобно загнанному в угол кабану, и заняла оборону. Воин наклонился и вогнал острие глубоко в пульсирующую желтую глотку. В предсмертной судороге мерзкое создание с такой силой сомкнуло челюсти на древке копья, что воину пришлось волочить труп за лошадью до тех пор, пока хватка не разжалось и оружие не высвободилось. Он поравнялся с Таитой и показал древко: зубы жабы оставили на твердом дереве глубокие следы.

– Они свирепые, как волки, – сказал Габари, предводитель стражников, жилистый и покрытый шрамами ветеран. – Когда эти твари только появились, фараон отрядил два полка очистить от них берега. Мы убивали их сотнями, потом тысячами и складывали трупы рядками. Но взамен каждой убитой жабы из грязи выпрыгивали две. Даже великий фараон понял, что поручил нам невыполнимую задачу, и теперь велит только, чтобы мы не давали им покидать русло реки. Время от времени они размножаются сверх меры, и нам приходится снова атаковать их.

Габари помолчал немного, затем продолжил:

– На свой мерзкий лад они по-своему полезны: пожирают все дерьмо и падаль, что попадают в реку. Люди слишком ослабели, чтобы похоронить жертв чумы, и жабы приняли на себя роль могильщиков.

Размесив копытами красную слизь и ил в одной из мелких луж, кони вынесли путников на западный берег. Как только кавалькада подъехала ко дворцу, двери распахнулись и навстречу гостям вышел привратник.

– Здравствуй, могучий маг! – Он раскланялся перед Таитой. – Ее величество прознала о твоем приезде в Фивы и шлет тебе радостный привет. Ей не терпится увидеться с тобой.

Привратник указал на вход во дворец. Таита поднял глаза и заметил на вершине стены крошечные фигурки. Там были дети и женщины, и маг не мог определить, которая из них царица, пока та не помахала ему. Он тронул коленями кобылу, и Дымка, рванувшись вперед, пронесла его через открытые ворота.

Когда он спешился во внутреннем дворе, Минтака с проворством девушки сбежала вниз по лестнице. Она всегда преуспевала в спортивных упражнениях, была опытным колесничим и неутомимой охотницей. Таита успел порадоваться, видя, что она сохранила прежние гибкость и телесную крепость, но потом царица подбежала и обняла его, и он увидел, как она исхудала: руки напоминали веточки, лицо осунулось и побледнело. И хотя на губах ее лучилась улыбка, в черных глазах поселилась печаль.

– Ах, Таита, даже не знаю, как только мы обходились без тебя! – воскликнула Минтака, зарывшись лицом в его бороду.

Он гладил ее по голове, и с его касаниями ее напускная веселость испарялась. Все ее тело затряслось от рыданий.

– Я думала, что ты никогда не вернешься, что мы с Нефером потеряли тебя так же, как потеряли Хабу и маленькую Уну.

– Мне сказали о твоей утрате. Я скорблю вместе с тобой, – прошептал маг.

– Я старалась держаться. Столь многие матери пережили то же, что и я!.. Но слишком горько, когда дети покидают тебя так рано. – Минтака выпрямилась и попыталась вернуть улыбку, но из ее глаз ручьями лились слезы, а губы дрожали. – Проходи, поздоровайся с другими моими детьми. Большинство из них ты знаешь, остается познакомиться только с младшими двумя. Они тебя ждут.

Царевичи и царевны построились в две шеренги: мальчики впереди, девочки за ними. Все застыли, охваченные благоговением и почтительностью. Младшая из дочек настолько впечатлилась историями про великого волшебника, что ударилась в слезы, стоило магу взглянуть на нее. Таита подхватил ее и, прижав крошечную головку к своему плечу, стал нашептывать что-то ласковое на ушко. Малышка сразу успокоилась, шмыгнула носом, глотая слезы, и обвила старика ручонками за шею.

– Если бы я не видела собственными глазами, ни за что не поверила бы в твой талант располагать к себе детей и животных, – с улыбкой промолвила Минтака. Затем стала по одному подзывать своих отпрысков.

– В жизни не встречал таких замечательных чад, – сказал ей Таита. – Впрочем, я нисколько не удивлен – они все в мать.

Наконец Минтака отослала детей и, взяв Таиту за руку, повела в свои покои. Они расположились у открытого окна, наслаждаясь свежим ветерком и глядя на западные холмы.

– Раньше мне нравилось смотреть на реку, но теперь уже нет, – сказала царица, наливая гостю шербет. – Эта картина разрывает мне сердце. Впрочем, воды скоро вернутся. Так было предсказано.

– Кем? – из вежливости спросил Таита. Но интерес его пробудился, когда вместо ответа она одарила его многозначительной загадочной улыбкой, а затем перевела разговор на более

веселые времена, не так давно минувшие, когда сама Минтака была прекрасной молодой супругой, а страна представляла собой зеленые и плодородные земли. Грусть царицы развеялась, речь стала более оживленной. Маг спокойно ждал, понимая, что собеседница непременно вернется к теме загадочного пророчества.

– Известно ли тебе, Таита, что наши древние боги теряют силу? – вдруг спросила Минтака, отвлекшись от воспоминаний. – Вскоре их сменит новая богиня, наделенная абсолютной властью. Она вернет разливы Нила и избавит нас от чумы, которую захиревшие старые боги не в силах остановить.

Таита внимательно и почтительно слушал.

– Нет, ваше величество, я этого не знал.

– О, это непременно случится. – Бледное лицо царицы озарилось румянцем. Она словно помолодела на годы и снова стала девушкой, исполненной радости и надежды. – Но это не все, Таита. Далеко не все!

Минтака выдержала паузу, потом разразилась потоком слов:

– Эта богиня наделена властью возвращать то, что было утрачено нами или жестоко отнято. Но только если мы полностью покоримся ей. Если мы вверим ей свое сердце и душу, она вернет нам молодость. Она может приносить счастье тем, кто страдал и скорбел. Ты только подумай, Таита: ей дана способность воскрешать мертвых!

Слезы снова заструились по ее щекам, голос у нее перехватило, и от волнения она задышала так, словно после долгого бега.

– Она вернет мне моих малышей! Я смогу прижать к себе теплые, живые тела Хабы и Уны и покрыть поцелуями их личики!

Таита не мог позволить себе лишить ее утешения, подаренного этой новой надеждой.

– Эти таинства слишком чудесны, чтобы мы могли понять их, – серьезно промолвил он.

– Да! Да! Пророк все тебе объяснит. Тогда все для тебя станет ясным, как самый чистый кристалл. Ты лишишься всяких сомнений.

– Что это за пророк?

– Его зовут Соэ.

– Где найти его, Минтака? – спросил Таита.

Царица возбужденно хлопнула в ладоши:

– Ах, Таита! В том-то и вся соль, что он здесь, в моем дворце! Я укрыла его от жрецов старых богов: Осириса, Гора и Исиды. Они ненавидят его за правду, которую он несет, и много раз пытались убить его. Каждый день Соэ наставляет меня и других избранных в новой религии. Это такая удивительная вера, Таита, что ты не сможешь устоять. Но учиться ей нужно тайно. Египет слишком глубоко погряз в прежних бесполезных суевериях. Чтобы новая религия могла расцвести, их следует уничтожить. Простой народ не готов пока принять богиню.

Таита задумчиво кивнул. Его переполняла глубокая жалость к ней. Он знал, как доведенные до отчаяния люди в своем падении готовы цепляться за соломинку.

– Каково же имя этой чудесной новой богини?

– Оно слишком священно, чтобы произносить его вслух в обществе непосвященных. Только те, кто принял ее сердцем и душой, могут называть его. Даже мне предстоит завершить свои занятия с Соэ, прежде чем он сообщит ее имя.

– Когда Соэ придет наставлять тебя? Мне не терпится услышать, как он излагает свои удивительные теории.

– Нет, Таита! – вскричала Минтака. – Тебе следует понять, что это не теории. Это догматы правды. Соэ посещает меня каждое утро и каждый вечер. Это самый мудрый и самый святой человек, которого я когда-либо встречала.

Вопреки улыбке на лице, из глаз ее снова брызнули слезы. Женщина схватила мага за руку и сжала ее:

– Обещай мне, что ты придешь его послушать!

– Я благодарен вам за доверие, моя повелительница, – ответил Таита. – Когда произойдет встреча?

– Сегодня вечером, после ужина.

Таита задумался ненадолго.

– Ты сказала, что он проповедует только избранным. Что, если он откажет мне? Я буду очень огорчен.

– Как ему отказать такому прославленному мудрецу, как ты, великий маг?

– Мне бы не хотелось испытывать судьбу, дражайшая Минтака. Нельзя ли устроить так, чтобы я послушал его, не открывая до поры своего имени?

Царица с сомнением посмотрела на него.

– Мне не хотелось бы обманывать пророка, – промолвила она наконец.

– Речь вовсе не об обмане. Где вы встречаетесь с ним?

– В этих покоях. Он сидит там, где сейчас ты. На той же самой подушке.

– Вас будет только двое?

– Нет, с нами занимаются еще три мои любимые придворные девушки. Они такие же преданные последовательницы новой богини, как и я.

Таита пристально изучал обстановку комнаты, но, чтобы не показать виду, продолжал задавать вопросы:

– Богиня когда-нибудь объявится всему народу Египта или ее культ останется достоянием избранных?

– Когда мы с Нефером примем ее всем сердцем, отречемся от ложных богов, разрушим их храмы и изгоним жрецов, богиня сойдет во всей своей славе. Она положит конец чуме и исцелит все раны, причиненные эпидемией. Она велит водам Нила разливаться… – Минтака помедлила, – и вернет мне моих малышей.

– Моя драгоценная царица! Я всем сердцем желаю, чтобы все это произошло. Но скажи, знает ли Нефер о грядущих событиях?

– Нефер – мудрый и дальновидный правитель. – Она вздохнула. – Он могучий воин, любящий муж и отец, но далек от духовных дел. Соэ согласен со мной, что нам следует открыться ему лишь тогда, когда наступит подходящий момент, а пока еще рано.

Таита хмуро кивнул. Собственная любящая супруга, подумалось ему, будет заставлять фараона отречься от его деда и бабки, отца и матери, не говоря уже о священной триаде из Осириса, Исиды и Гора. Даже сам правитель откажется от своей божественной природы. «Я хорошо знаю его, – продолжал размышлять маг, – и сомневаюсь, что это произойдет при его жизни». Эта мысль породила в нем вихрь пугающих возможностей. Если Нефера-Сети и его ближайших советников не станет, пророк Соэ полностью подчинит себе царицу, которая без промедлений и сомнений станет выполнять любые его приказы. «Даст ли она согласие на убийство своего повелителя, своего супруга и отца ее детей?» – задал себе вопрос Таита. Ответ пришел простой и ясный: даст, поскольку будет верить, что безымянная новая богиня сразу же возвратит ей мужа, а вместе с ним и потерянных детей. Отчаявшиеся люди склонны прибегать к отчаянным средствам.

– Является ли Соэ единственным пророком этой высшей богини? – спросил он вслух.

– Соэ главный из них, но множество адептов рангом пониже бродят среди народов обоих царств, сея семена радости и расчищая дорогу к ее приходу.

– Слова твои воспламенили мое сердце, – сказал маг. – Я буду бесконечно благодарен, если ты позволишь мне послушать его учение так, чтобы он не видел меня. Со мной будет еще один маг, такой древний и мудрый, каким мне никогда не стать. – Он поднял палец, пресекая ее возражения. – Я говорю правду, Минтака. Его зовут Деметер. Мы с ним расположимся за этим окном зенаны.

Он указал на украшенную тонкой резьбой ширму, за которой в прежние времена жены и наложницы фараона принимали чужеземных вельмож, не показывая при этом своего лица.

Минтака все еще колебалась, но Таита не сдавался.

– Ты получишь возможность обратить в новую веру двух влиятельных магов, – убеждал он. – Угодишь как Соэ, так и новой богине, которая благосклонно посмотрит на тебя. Ты сможешь попросить у нее о любой милости, включая возвращение твоих детей.

– Ну хорошо, Таита, я сделаю, как ты просишь. Но взамен обещай, что не расскажешь Неферу ничего из того, о чем узнал сегодня от меня, пока для него не придет час принять богиню и отречься от древних идолов.

– Будет так, как ты повелеваешь, моя царица.

– Возвращайся сюда со своим собратом Деметером завтра рано утром. Подъезжайте не к главным воротам, а к калитке. Одна из моих служанок встретит вас и проводит в эту комнату, где вы сможете занять места за ширмой.

– Мы будем здесь через час после восхода солнца, – заверил ее Таита.

Выехав из ворот дворца Мемнона, Таита прикинул высоту послеполуденного солнца. Оставалось еще несколько светлых часов. Повинуясь порыву, он велел предводителю стражи ехать не по прямой дороге в Фивы, а совершить крюк по направлению к западным холмам и великому царскому некрополю, укрытому в одной из обрамленных скалистыми утесами долин.

Они проскакали мимо храма, в котором Таита надзирал за бальзамировкой земных останков своей возлюбленной Лостры. Это происходило семьдесят лет назад, но время не стерло в памяти этот горестный ритуал. Таита коснулся рукой амулета, где хранилась прядь срезанных с ее головы волос.

Кавалькада достигла подножия холмов у храма Хатор, величественного сооружения, стоявшего наверху пирамиды из каменных террас. Таита узнал жрицу, шедшую по нижней террасе в сопровождении двух послушниц, и свернул, чтобы поговорить с ней.

– Да обережет тебя божественная Хатор, матушка! – спешившись, поприветствовал он ее. Хатор считалась покровительницей женщин, поэтому храм всегда возглавляла представительница женского пола.

– Мне сообщили, что ты вернулся из своих странствий, маг. – Жрица поспешила обнять его. – Мы все надеемся, что ты посетишь нас и расскажешь о своих приключениях.

– В самом деле, у меня есть много такого, что вас должно заинтересовать. Я привез начертанные на папирусе карты Месопотамии и Экбатаны, а также горных земель, пересеченных мною по Хорасанской дороге за Вавилоном.

– Много нового для нас. – Верховная жрица с предвкушением улыбнулась. – Они при тебе?

– Увы, нет! Я ехал по другому делу и не ожидал встретиться с тобой. Свитки у меня в Фивах. Но я передам их тебе при первой же возможности.

– Мы уже сгораем от нетерпения, – заверила его настоятельница. – Тебе здесь всегда рады. Мы благодарны за сведения, уже предоставленные тобой. Уверена, что новые окажутся еще более удивительными.

– В таком случае позволь злоупотребить твоей добротой. Могу ли я попросить об услуге?

– О любой, какая в наших силах. Только скажи.

– Во мне пробудился острый интерес к вулканам.

– Каким именно? Их великое множество, и расположены они в разных странах.

– Ко всем тем, что расположены близко к морю, возможно, на острове, на берегу озера или большой реки. Мне нужен перечень таких вулканов, матушка.

– Это задача несложная, – заверила его жрица. – Брат Нубанк, старейший наш картограф, всегда питал страсть к вулканам и прочим подземным источникам тепла, таким как термаль-

ные ключи или гейзеры. Он с удовольствием составит нужный тебе перечень, вот только он может оказаться излишне подробным и перегруженным деталями. Нубанк очень дотошный исследователь. Я распоряжусь, чтобы он немедленно приступил к работе.

– Сколько времени ему потребуется?

– Тебе удобно будет заглянуть к нам через десять дней, достопочтенный маг? – предложила настоятельница.

Таита попрощался и направился к расположенным примерно в лиге от храма вратам некрополя.

Мощный форт охранял вход в некрополь – целый город из царских могил. Каждая из усыпальниц представляла собой лабиринт из подземных палат, высеченных в скальном монолите. В центре лабиринта находилась погребальная камера, где стоял роскошный саркофаг с мумифицированным телом фараона. Камеру окружали склады и хранилища, набитые таким количеством сокровищ, какого в целом мире было не найти. Они пробуждали алчность в каждом воре и расхитителе гробниц в обоих царствах, а также в странах за пределами Египта. Негодяи проявляли упорство и изобретательность в попытках добраться до священного клада. Держа их на расстоянии, караул несла небольшая армия, не ослабляющая бдительности.

Таита оставил эскорт в центральном дворе форта, чтобы стражники напоили коней и подкрепились, а сам пешком направился к усыпальницам. Дорогу к гробнице царицы Лостры он знал как свои пять пальцев, ибо сам спроектировал усыпальницу и надзирал за постройкой. Лостра была единственной из правительниц Египта, похороненных в этой части кладбища, которая предназначалась для великих фараонов. Таита выпросил эту уступку у ее старшего сына, когда тот взошел на трон.

Маг миновал место, где, в ожидании ухода нынешнего владыки из этого мира и перехода в следующий, возводилась гробница фараона Нефера-Сети. Тут работали каменотесы, прорубавшие в скале главный вход. Образовывающийся щебень выносили работники, которые шли цепочкой, один за другим, таща груз в корзинах на голове. Тела их густо покрывал слой белой пыли, висевшей в воздухе. Небольшая группа архитекторов и надсмотрщиков за рабами стояла на возвышенности, наблюдая за бурной деятельностью внизу. Долина оглашалась звуками ударяющих о камень резцов, тесел и кирок.

Таита беспрепятственно проследовал по погребальной тропе до места, где долина суживалась и разделялась на два уединенных рукава. На развилке он направился влево. Через пятьдесят шагов он обогнул угол и оказался прямо перед входом в гробницу Лостры, высеченным в отвесном утесе. Вход, обрамленный массивными гранитными колоннами, был запечатан стеной из каменных блоков, покрытых штукатуркой, которую украшала искусная роспись. Фрески, окружающие печать Лостры, изображали картины из ее жизни: вот она восседает в роскоши своего дворца вместе с супругом и детьми, вот правит колесницей, рыбачит в водах Нила, охотится на газель и на речную птицу, возглавляет войско в походе против орд захватчиков-гиксосов, ведет свой народ на флотилии кораблей через водопады Нила и возвращает его домой после победы над гиксосами. Прошло семьдесят лет с тех пор, как Таита собственной рукой написал эти фрески, но краски до сих пор выглядели свежими.

У входа в усыпальницу стояла еще одна скорбящая, с головы до пят закутанная в черное одеяние жрицы Исиды. Преклонив колени в позе почтительного восхищения, женщина взирала на фрески. Таите не оставалось ничего иного, как ждать. Он отошел в сторонку и расположился в тени у подножия утеса. Лицо Лостры на изображениях навевало счастливые воспоминания. В этой части долины царила тишина: каменная стена заглушала шум производимых работ. На время маг позабыл о присутствии жрицы, но, когда та поднялась на ноги, его внимание снова переключилось на нее.

По-прежнему стоя спиной к нему, женщина извлекла из рукава своего одеяния небольшой металлический инструмент, похожий на резец или нож. Потом она поднялась на цыпочки и, к ужасу Таиты, рассчитанным движением вонзила острие своего орудия во фреску.

– Что творишь, безумная? – вскричал маг. – Ты оскверняешь царскую усыпальницу! Прекрати немедленно!

Будто вовсе и не слыша его, жрица нанесла ножом несколько ударов по лицу Лостры. В глубоких щербинах проступила белая штукатурка.

– Перестань! Послушай меня! – кричал Таита, вскочив. – Твоя достопочтенная настоятельница узнает об этом. Я прослежу, чтобы тебя покарали со всей суровостью, которой заслуживает такое кощунство! Ты навлекаешь на себя гнев богини…

По-прежнему не удостаивая его даже взглядом, жрица повернулась к гробнице спиной и намеренно неторопливой походкой двинулась по долине прочь от Таиты. Вне себя от ярости, он побежал за ней вдогонку. Перестав кричать, маг занес сжатый в правой руке тяжелый посох. Таита твердо решил, что преступница не уйдет безнаказанной, и гнев затуманил его ум. В этот миг он готов был ударить ее по голове, расколов череп.

Жрица достигла того места, где долина совершала резкий поворот. Остановившись, она бросила на преследователя взгляд через плечо. Лицо и волосы у нее почти полностью скрывала красная накидка, остались только глаза.

Ярость и раздражение Таиты исчезли, сменившись благоговением и удивлением. Взгляд женщины излучал уверенность и спокойствие, а глаза были точь-в-точь как у царицы на вратах усыпальницы. На мгновение маг лишился возможности шевелиться и говорить. Когда он снова обрел дар речи, с губ его сорвалось хриплое восклицание:

– Это ты!

В глазах ее блеснуло сияние, от которого огонь вспыхнул в его сердце, и, хотя шарф скрывал ее губы, он знал, что она улыбается ему. Женщина ничего не ответила на его возглас, только кивнула; потом повернулась и неторопливо скрылась за поворотом скалы.

– Нет! – дико вскричал Таита. – Ты не можешь вот так оставить меня. Подожди! Подожди меня!

Он кинулся следом, протянув к ней руки, и добежал до угла через пару секунд после того, как женщина исчезла. Перед ним открылся отрезок долины; Таита остановился, и руки его бессильно упали. В пятидесяти шагах от того места, где он стоял, долина заканчивалась, упираясь в серую каменную стену, слишком крутую, чтобы по ней мог взобраться даже горный козел. Женщина исчезла.

– Лостра, прости, что я отверг тебя! Вернись ко мне, моя дорогая!

Безмолвие горы окутало его. Сделав над собой усилие, Таита взял себя в руки и, не тратя больше времени на напрасные призывы, стал искать в стене расселину, где могла укрыться беглянка, или потайной выход из долины. Но поиск его не увенчался успехом. Он развернулся в ту сторону, откуда пришел, и обратил внимание, что дно долины покрыто тонким слоем белого песка – результат эрозии горной породы. Его следы четко отпечатались в песке, но другие отсутствовали. Она не оставила следов.

Таита устало побрел к ее гробнице. Остановившись перед входом, посмотрел на надпись иератическим шрифтом, оставленную женщиной на фреске. «Шесть перстов укажут путь», – прочел маг вслух. Это не имело смысла. Что подразумевала она под «путем»? Дорогу, способ или средство? Шесть перстов? Указывают ли они в разных направлениях или в одном? Это шесть отдельных указателей, которым нужно следовать? Таита чувствовал, что сбит с толку. И еще раз вслух перечитал надпись: «Шесть перстов укажут путь». Не успел он произнести все слова, как прорезанные в штукатурке буквы начали сглаживаться и вскоре исчезли совсем. Портрет Лостры выглядел совершенно целым, все малейшие детали восстановились. В изумлении Таита подошел и поводил по фреске руками. Поверхность была совершенно гладкой.

Он стоял, изучая портрет. Улыбка осталась такой же, какой он ее изобразил, или неуловимо изменилась? Нежная она или насмешливая? Простодушная или загадочная? Доброжелательная или с примесью злобы? Он уже ни в чем не ощущал уверенности.

– Лостра ли ты или некое проклятое создание, посланное мучить меня? – вопросил он. – Способна ли Лостра быть такой жестокой? Предлагаешь ли ты помощь и наставление или расставляешь ловушки и капканы на моем пути?

Наконец Таита повернулся и побрел к форту, где его дожидался охранный отряд. Они сели по коням и двинулись в обратный путь к Фивам.

Когда отряд добрался до дворца фараона Нефера-Сети, уже стемнело. Первым делом Таита посетил Рамрама.

– Фараон еще в зале совета, – сообщил евнух. – Он не сможет встретиться с тобой сегодня ночью, как собирался. Не жди вызова от него. Повелитель сказал, что поужинает с тобой завтра вечером. А пока я настоятельно советую тебе улечься на тюфяк и поспать – ты выглядишь жутко уставшим.

Таита оставил Рамрама и поспешил в комнату Деметера, где застал старца и Мерена, сидящих друг напротив друга за доской для бао. При виде Таиты Мерен вскочил с явным облегчением. Хитроумная игра ему никогда не давалась.

– Добро пожаловать, маг. Ты подоспел как раз вовремя, чтобы спасти меня от унижения.

Усевшись рядом с Деметером, Таита осведомился о его самочувствии:

– Похоже, ты оправился от тягот пути. За тобой хорошо ухаживают?

– Спасибо за заботу, мне и впрямь лучше, – ответил Деметер.

– Рад слышать это, потому что завтра поутру нас ждет много хлопот. Я повезу тебя во дворец Мемнона, и мы послушаем кое-кого, кто проповедует новую религию. Этот человек пророчит приход новой богини, которая подчинит себе все народы на земле.

Деметер улыбнулся:

– Неужели у нас без нее мало богов? До самого конца дней хватит.

– Ах, друг мой, нам-то, быть может, и достаточно. Но если верить этому пророку, старые боги должны быть уничтожены, их храмы разрушены, а жрецы рассеяны по свету.

– Не вещает ли он об Ахурамазде, едином и единственном? Но если так, это вовсе не новая религия.

– Не об Ахурамазде, но о божестве куда более ужасном и могущественном, чем он. Богиня эта примет обличье женщины и будет жить среди нас. Люди получат прямой доступ к ее щедрым милостям. Она наделена властью оживлять мертвых, даровать бессмертие и вечное счастье тем, кто достоин подобной награды.

– Зачем нам утруждать себя подобной чепухой? – раздраженно спросил Деметер. – У нас серьезных дел хватает.

– Этот пророк – один из многих, тайно рыщущих среди людей, и, похоже, ему удалось обратить в свою веру многих, включая Минтаку, царицу Египта и супругу фараона Нефера-Сети.

Деметер сразу посерьезнел и слегка подался вперед:

– Неужели царице Минтаке не хватает здравого смысла, чтобы ее могли вовлечь в такое безумие?

– Когда новая богиня придет, ее первым свершением станет изгнание чумы и исцеление всех пострадавших. Минтака видит в ней единственную возможность поднять из гроба своих детей, умерших от заразы.

– Понятно, – задумчиво протянул Деметер. – Неотразимая наживка для любой матери. Но и это еще не все?

– Того пророка зовут Соэ, – сказал Таита.

Деметер недоуменно посмотрел на него.

– Переставь буквы в его имени. Используй алфавит тенмасс, – предложил Таита.

Выражение недоумения стерлось с лица Деметера.

– Эос, – прошептал он. – Твои псы взяли след колдуньи, Таита.

– И нам следует идти по нему, пока он не остыл, до самого ее логова. – Таита поднялся. – Постарайся выспаться. Перед рассветом я пришлю Мерена разбудить тебя.

Когда небо на востоке слегка посерело, обещая рассвет, Габари вывел лошадей и верблюда Деметера во двор. Старец расположился в паланкине, Таита и Мерен ехали по бокам от него. Охранный отряд повел их к броду, где им встретилась лишь одна из гигантских жаб. Она уклонилась от встречи, и кавалькада беспрепятственно достигла противоположного берега. Путники обогнули дворец Мемнона и подъехали к крепостной калитке, где Таита и Деметер оставили животных на попечение Мерена и Габари.

Как и обещала Минтака, одна из ее служанок встретила их у калитки. Она провела магов по лабиринту коридоров и туннелей, и наконец они оказались в богато обставленной комнате, где витал резкий аромат духов и благовоний. Пол устилали шелковые циновки и груды пухлых подушек. На стенах висели богатые гобелены.

Служанка прошла к дальней стене комнаты и отдернула занавесь, укрывавшую окно зенаны. Таита поспешил туда и заглянул через ажурно зарешеченный проем в палату для приемов, где сидел с Минтакой накануне. Она была пуста. Удовлетворившись, Таита вернулся, взял Деметера за руку и подвел к окну. Они уселись на подушках.

Ждать им пришлось совсем недолго, прежде чем в комнату с другой стороны ширмы вошел незнакомый мужчина. Он был средних лет, высокий и худощавый. Густые кудри, ниспадавшие на плечи, были пронизаны седыми прядями, как и короткая остроконечная бородка. По подолу его длинного черного жреческого балахона шли оккультные символы, а на шее висело ожерелье с талисманами.

Вошедший принялся кругами ходить по комнате, останавливаясь, чтобы отдернуть занавеси и посмотреть, что за ними. Перед окном зенаны незнакомец задержался и прижался к ажурной решетке. Его лицо выглядело красивым и умным, но самой поразительной его частью были глаза, пронзительные, как у одержимого, и горящие фанатичным огнем.

«Это Соэ», – подумал Таита. Сомнений не оставалось. Он крепко сжал руку Деметера, чтобы объединить их силы в заклинании сокрытия и защиты, потому как не знал наверняка, насколько велики магические способности их противника. Они смотрели на пророка, напрягая все свои силы, чтобы удержать вокруг себя мантию сокрытия. Спустя некоторое время Соэ удовлетворенно хмыкнул и отвернулся. Он подошел к дальнему окну и стал ждать, глядя на далекие горы, казавшиеся угольно-черными в оранжевом свете восходящего солнца.

Пока он отвлекся, Таита открыл внутреннее око. Оказалось, что Соэ не посвященный, потому как сразу стала видна окружающая его аура. Вот только подобной Таита прежде не видел. Она была неустойчивой: то ярко горела, то потухала до едва заметного мерцания. Цвет из насыщенных тонов пурпурного и красного переходил в тусклый, свинцовый. Таита распознал острый ум, развращенный беспринципностью и жестокостью. Мысли Соэ были сумбурными и противоречивыми, но не вызывало сомнений, что этот человек развил недюжинные духовные силы.

Когда в комнату влетела стайка смеющихся женщин, Соэ быстро отвернулся от окна. Возглавляла дам Минтака, которая, живо подбежав к пророку, с почтением обняла его. Таита был ошеломлен: такое поведение не подобало царице. Таиту она обнимала только наедине, не в присутствии придворных. Получается, он недооценил, насколько глубоко подпала Минтака под влияние Соэ. Пока она стояла рядом с пророком, положившим одну руку ей на плечи, другие женщины опустились перед ним на колени.

– Благослови нас, святой отец, – смиренно попросили они. – Замолви за нас словечко перед единой и единственной богиней.

Соэ жестом благословил их, и дамы зашлись от восторга.

Минтака подвела его к такой высокой куче подушек, что, когда он сел, оказался выше головы царицы. Затем она села рядом, подобрав под себя ноги, как маленькая девочка. Она намеренно повернулась к окну зенаны и мило улыбнулась, зная, что Таита наблюдает за ней. Царица словно хвасталась перед ним недавней покупкой, как если бы Соэ являлся редкой птицей из заморской страны или драгоценным камнем, подаренным жене фараона чужеземным правителем. Таиту такая неосмотрительность встревожила, но Соэ в это время вел покровительственную беседу с придворными дамами и ничего не заметил. Затем он повернулся к Минтаке:

– Благородная повелительница, я много думал над сомнениями, высказанными тобой при прошлой нашей встрече. Я пламенно молился богине, и она в высшей милости своей откликнулась.

Таита снова удивился. Это не иностранец, подумалось ему. Он египтянин. Его владение языком совершенно, а говор выдает уроженца Асуана из Верхнего царства.

– Это предметы столь важные и значимые, что предназначаются только для твоих ушей. Отошли своих служанок.

Минтака хлопнула в ладоши; девушки немедленно вскочили и опрометью бросились вон из палаты, подобно испуганным мышкам.

– Начнем с твоего супруга, фараона Нефера-Сети, – продолжил Соэ, когда они остались одни. – Богиня велела передать тебе следующее. – Он помолчал, потом наклонился к Минтаке и заговорил не своим, а медоточивым женским голосом: – Когда наступит мое время прийти, я заключу Нефера-Сети в любящие объятия и он с радостью прильнет ко мне.

Таита вздрогнул, но Деметер вздрогнул еще сильнее. Таита протянул руку, чтобы успокоить его, хотя и сам чувствовал страшное волнение. Деметера трясло. Он стиснул ладонь Таиты. Тот повернулся к нему и прочитал по губам немое сообщение так же ясно, как если бы старец прокричал его во все горло: «Колдунья! Это голос Эос!» Это был тот самый голос, какой Таита слышал от него во время транса. «Но господин им огонь», – неслышно промолвил он в ответ и раскрыл ладони в жесте полного согласия.

Соэ продолжал говорить, и маги снова навострили уши.

– Я возведу его на трон государя всего моего объединенного царства. Цари всех народов земли станут его покорными сатрапами. Ведомый мной, он будет править вечно. Ты, моя возлюбленная Минтака, будешь восседать рядом с ним.

Минтака разрыдалась от облегчения и радости. Усмехаясь с благодушием доброго дядюшки, Соэ подождал, когда женщина придет в себя. Наконец она утерла слезы и улыбнулась ему:

– А что с моими детьми, моими умершими малютками?

– О них мы уже говорили, – мягко напомнил Соэ.

– Да! Но я готова слушать про них бесконечно. Прошу, святой пророк, умоляю тебя…

– Богиня прикажет вернуть их тебе, и они проживут весь отведенный им естественный век.

– Что еще она велит? Пожалуйста, скажи мне снова.

– Когда они докажут, что достойны ее любви, богиня подарит всем твоим детям вечную молодость. Они никогда не покинут тебя.

– Я удовлетворена, великий пророк всемогущей богини, – прошептала Минтака. – Я телом и душой всецело вверяюсь ее воле.

Опустившись на колени, царица подползла к Соэ. Стекающие с ее щек слезы падали ему на ноги; она утерла их прядью волос. Такого отвратительного зрелища Таита никогда прежде

не видел. Большого труда стоило ему удержаться и не крикнуть через окно: «Это прислужник лжи! Не позволяй ему измарать тебя своей грязью!»

Минтака призвала служанок, и вместе они провели с Соэ весь остаток утра. Разговор шел о пустяках, потому как ни одной из девушек наука о новой религии легко не давалась. Пророку все приходилось разжевывать им. Служанки вскоре устали и принялись засыпать его глупыми вопросами:

– А богиня подыщет мне хорошего мужа?

– Она подарит мне много красивых вещей?

Соэ обращался с ними на удивление терпеливо и выдержанно. Таита сообразил, что, хотя они с Деметером уже узнали что хотели, им придется тихонько сидеть у окна зенаны до конца. Если они попытаются уйти, любой шум привлечет внимание пророка.

Незадолго до полудня Соэ завершил учебу длинной молитвой богине. Затем он снова благословил женщин и обратился к Минтаке:

– Желаете ли вы, чтобы я вернулся сегодня, ваше величество?

– Мне нужно осмыслить откровения богини. Пожалуйста, приходи завтра поутру, и мы еще обсудим их.

Соэ поклонился и вышел.

Как только он удалился, царица отпустила служанок.

– Ты еще здесь, Таита?

– Да, ваше величество.

– Разве я не говорила, как он учен и мудр, как чудесны принесенные им вести? – спросила она, отодвигая закрывающую окно ширму.

– Вести воистину удивительные, – согласился Таита.

– Разве он не прекрасен? Я доверяю ему всем сердцем. Я знаю, что он проповедует божественную истину, что богиня откроется нам и исцелит все наши язвы. Ах, Таита, ты ведь веришь во все сказанное им? Ты ведь обязательно веришь!

Минтака пребывала в религиозном экстазе, и Таита понимал, что любая попытка разубедить ее возымеет обратный эффект. Ему хотелось увести Деметера в такое место, где они смогут спокойно обсудить все услышанное и решить, как поступать, но пока приходилось внимать панегирикам Минтаки в адрес Соэ.

– Полученные впечатления утомили меня и Деметера, – сказал он, когда запас превосходных степеней в словесном арсенале женщины подошел к концу. – Меня обещали препроводить к фараону, как только он покончит с самыми неотложными делами, поэтому мне следует поскорее вернуться в Фивы и быть готовым к вызову. Однако я приеду к тебе, как только смогу, и мы все обсудим, моя повелительница.

Минтака скрепя сердце отпустила магов.

Как только они уселись на животных и направились к реке, Таита и Мерен заняли привычные места по бокам от паланкина Деметера. Беседуя меж собой, маги перешли с египетского языка на тенмасс, чтобы стражи, охраняющие их, не поняли разговора.

– От Соэ мы узнали много важного, – начал Таита.

– А самое важное, что он встречался с колдуньей! – воскликнул Деметер. – Он слышал ее голос и великолепно его передал.

– Тебе ее речь известна лучше, чем мне, – согласился Таита. – Есть еще кое-что, показавшееся мне значимым. Соэ – египтянин. У него говор уроженца Верхнего царства.

– Вот этого я не знал. Я не настолько владею вашим языком, чтобы уловить такие детали. Это в самом деле может послужить ключом к обнаружению ее нынешнего убежища. Если исходить из того, что Соэ не потребовалось долгих странствий, чтобы достичь Фив, то стоит поис-

кать тайник в пределах двух царств или, самое дальнее, на территории соседних с ними стран. Какие вулканы попадают в означенный район?

– В границах Египта нет вулканов, так же как и крупных озер. Нил впадает в Срединное море. Это ближайший водный массив на севере. До Этны отсюда не более десяти дней плавания. Ты все-таки уверен, что Эос там больше нет?

– Уверен, – кивнул Деметер.

– Ну хорошо. Что до других вулканов в том направлении, то, возможно, это Везувий, расположенный на материке через пролив от Этны? – предположил Таита.

Деметер в задумчивости пожевал губу.

– Эта птица тоже не полетит, – пришел он к выводу. – После бегства из когтей Эос я много лет укрывался среди жрецов храма, расположенного менее чем в тридцати лигах к северу от Везувия. Я уверен, что ощутил бы ее присутствие, находись колдунья так близко. Или она учуяла бы меня. Нет, Таита, искать следует в другом месте.

– Давай до поры руководствоваться твоей интуицией, – сказал египтянин. – С востока нашу страну омывает Красное море. Я не знаю вулканов, расположенных в Аравии или на каких-то других его берегах. А ты?

– Нет. Мне доводилось там странствовать, но я никогда не видел там вулканов и не слышал про них.

– Я видел два вулкана в стране за Загребскими горами, но они отделены от воды широкими равнинами и горными хребтами и не подходят под требуемое описание.

– К югу и западу от Египта простираются огромные пространства суши, – заметил Деметер. – Но давай рассмотрим иную возможность. Нет ли в глубине Африки крупных рек и озер, близко к которым расположен вулкан?

– Я о таких не слышал. Впрочем, никто не заглядывал вглубь Африки дальше Эфиопии.

– Мне рассказывали, Таита, что во время исхода из Египта ты довел царицу Лостру до самого Кебуи, Дома северного ветра, где Нил разделяется на два могучих потока.

– Это верно. От Кебуи мы отправились вверх по уходящей влево реке в горы Эфиопии. Правый поток проистекал из бесконечного болота, которое преградило нам путь. Никому не удавалось достичь южной оконечности этой трясины. А если кому-то и удалось, этот смельчак не вернулся, чтобы поведать о своем путешествии. Кое-кто утверждает, что у этого болота вовсе нет конца и оно тянется, необъятное и непроходимое, до самых пределов земли.

– Тогда будем надеяться, что жрецы храма Хатор снабдят нас сведениями, которые позволят строить дальнейшие предположения. Когда они обещали передать тебе результаты своих разысканий?

– Верховная жрица просила меня вернуться через десять дней, – напомнил спутнику Таита.

Деметер отдернул занавес паланкина и посмотрел в сторону гор:

– Мы сейчас недалеко от храма. Поедем-ка туда, попросим у настоятельницы приюта на ночь. А завтра проведем время с тамошними картографами и географами.

– Если фараон призовет меня к себе, то его слуги не сумеют разыскать меня, – возразил Таита. – Позволь мне увидеться с ним, прежде чем мы снова покинем дворец.

– Остановите отряд здесь, – обратился Деметер к Габари. – Остановите немедленно, говорю я вам! – Потом он повернулся к Таите. – Я не хочу пугать тебя, но знаю, что мое пребывание с тобой подходит к концу. Меня обуревают кошмары и дурные предчувствия. Вопреки твоим и Мерена стараниям защитить меня, колдунья вскоре преуспеет в своем желании разделаться со мной. Мне остались считаные дни.

Таита воззрился на него. С самого утра, когда он увидел угрожающую ауру Соэ, его преследовали те же предчувствия. Приблизившись к паланкину, он вгляделся в морщинистое старое лицо. И с болью убедился, что Деметер прав: смерть подобралась к нему совсем близко.

Глаза сделались совсем бесцветными и почти прозрачными, но в глубине их мелькали черные тени, похожие на силуэты рыщущих акул.

– Ты тоже это видишь, – проговорил Деметер глухим, ровным голосом.

Ответ был излишним. Вместо этого Таита оглянулся и окликнул Габари:

– Поверни колонну. Мы едем в храм Хатор.

От храма их отделяло чуть больше лиги. Некоторое время они ехали в молчании, которое наконец нарушил Деметер:

– Без моего древнего, бессильного тела ты сможешь путешествовать быстрее.

– Ты слишком суров к себе, – укорил старца Таита. – Без твоей помощи и твоих советов мы не добрались бы сюда.

– Хотел бы я оставаться рядом с тобой до конца охоты и видеть тот миг, когда дичь окажется поймана. Но этому не суждено случиться. – Он снова помолчал немного. – Как поступить с Соэ? Для тебя открыт лишь один путь: если фараон узнает, что Соэ околдовал Минтаку и вложил ей в ум предательские мысли, он велит страже схватить пророка, и ты сможешь допросить его с пристрастием. Говорят, что тюремщики в Фивах большие мастера своего дела. В тебе не вызывает отвращения идея пытки?

– Я не колебался бы ни секунды, если бы знал, что есть хоть малейший шанс сокрушить Соэ телесными муками. Но ты видел его: этот человек охотно умрет, защищая свою колдунью. Он настолько настроен на нее, что она сразу уловит его агонию и угадает ее причину. Ведьма поймет, что фараон и Минтака догадались о сплетенной вокруг них паутине, и тем самым венценосная чета окажется в смертельной опасности.

– Это так. – Деметер кивнул.

– Более того, Минтака может встать на защиту Соэ, и для Нефера-Сети станет ясно, что жена виновна в заговоре против него. Это убьет их любовь и доверие друг к другу. Я не могу так с ними обойтись.

– Тогда будем надеяться, что мы найдем ответ в храме.

Жрецы заметили кавалькаду издалека и выслали двух послушников приветствовать гостей и проводить их к главному входу в храм, на ступеньках которого их ожидала настоятельница.

– Рада видеть тебя, маг. Я уже собиралась отправить в Фивы гонца и сообщить тебе, что брат Нубанк с большим рвением потрудился над твоим запросом. И готов поделиться своими находками. Но ты опередил меня. – Жрица с материнской любовью улыбнулась Таите. – Тысячу раз добро пожаловать! Храмовые служанки готовят комнату для тебя и помещение для твоих людей. Живи у нас столько, сколько захочешь. Я уже предвкушаю ученые беседы с тобой.

– Ты добра и любезна, матушка. Меня сопровождает еще один маг, обладающий великой мудростью и доброй репутацией.

– Добро пожаловать и ему. Твои люди получат кров и пищу вместе со служащими наших конюшен.

Гости спешились. Деметер, поддерживаемый Мереном, вступил в храм. В главном зале они задержались перед образом Хатор, богини радости, материнства и любви. Она изображалась в виде громадной пегой коровы с рогами, увенчанными золотой луной. Настоятельница предложила помолиться, затем отрядила послушника проводить Таиту и Деметера через крытую галерею в ту часть храма, где размещались жрецы. Он привел их в небольшую келью с каменными стенами, где у дальней стены лежали скатанные тюфяки и стояли тазики с водой, чтобы умыться с дороги.

– Я вернусь, чтобы отвести вас в трапезную в час обеда, – пообещал послушник. – Брат Нубанк встретится с вами здесь.

Когда они вошли в трапезную, там уже обедали около полусотни жрецов, но один из них вскочил и поспешил навстречу гостям:

– Меня зовут Нубанк. Добро пожаловать.

Этот высокий худой человек выглядел очень бледным. В эти трудные времена в Египте редко можно было встретить здоровяка. Угощение оказалось весьма скромным: миска каши и кружка пива. Жрецы держались скованно и ели по большей части молча, за исключением Нубанка, который болтал без умолку. Его напыщенная манера разговора дополнялась скрипучим голосом.

– Даже не знаю, как мы переживем завтра, – пожаловался Таита Деметеру, когда они вернулись в свою келью и стали готовиться ко сну. – Весь долгий день напролет нам предстоит выслушивать брата Нубанка.

– Однако познания в географии у него сокрушительные, – заметил Деметер.

– Ты подобрал очень точный эпитет, маг, – ответил Таита, повернувшись на бок.

Солнце не успело подняться, а послушник уже пришел звать их к завтраку. Слабость Деметера усиливалась, поэтому Мерен и Таита осторожно помогли ему подняться с тюфяка.

– Прости, Таита, мне плохо спалось.

– Сны? – спросил Таита на языке тенмасс.

– Да. Колдунья подбирается ко мне. У меня уже не хватает сил ей сопротивляться.

Таиту тоже преследовали кошмары. Ему приснилось, что питон вернулся. Даже сейчас в ноздрях и глотке у него стоял мерзкий запах рептилии. Но, загнав поглубже собственные предчувствия, он с бодрой миной сказал Деметеру:

– Нам предстоит еще долгая дорога, тебе и мне.

Завтрак состоял из маленькой твердой лепешки из дурры и кружки слабого пива. Брат Нубанк возобновил свой монолог с того самого места, на котором прервался накануне вечером. К счастью, с трапезой они быстро покончили и, проследовав за Нубанком чередой похожих на пещеры залов и коридоров, оказались в храмовой библиотеке.

Библиотека представляла собой просторную, прохладную комнату, лишенную украшений и орнаментов, если не считать каменных полок, выстроившихся вдоль каждой стены от пола до высокого потолка, уставленных папирусными свитками, которых тут насчитывалось, должно быть, несколько тысяч. Прихода брата Нубанка дожидались трое послушников и двое прислужников постарше. Они построились в шеренгу, сложив перед собой руки в жесте покорности. Это были помощники Нубанка. Их страх имел причины: Нубанк третировал их как хотел и не стеснялся изъявлять недовольство в самых резких и оскорбительных выражениях.

Когда Таита с Деметером расположились за заваленным папирусами низким длинным столом посреди библиотеки, Нубанк приступил к лекции. Он перечислял все известные вулканы и все термические феномены – не важно, располагались ли они близ большой массы воды или нет. Назвав очередной объект, он отправлял перепуганного помощника разыскать на полках соответствующий свиток. Во многих случаях несчастному приходилось для этого взбираться на шаткую лестницу, получив в качестве напутствия гневную тираду брата Нубанка. Когда Таита тактично попытался сократить затянувшуюся процедуру, указав докладчику на первоначальную суть запроса, Нубанк вежливо кивнул и невозмутимо продолжил изначально заготовленную речь.

Один из бедолаг-новичков являлся излюбленной жертвой картографа. Это было жалкое создание: ни одна из частей его тела, казалось, не избежала некоего изъяна или деформации. На удлиненной бритой голове, покрытой сочащимися язвами, шелушилась кожа. Лоб хмуро нависал над маленькими, близко посаженными глазками, белесыми и косыми. Большие зубы торчали из-за заячьей губы; стоило бедолаге заговорить, что случалось нечасто, как изо рта брызгала слюна. Подбородок у него оканчивался так резко, словно его не было вовсе; левую щеку украшало большое родимое пятно в форме шелковичной ягоды. Грудь была впалой, а

на спине торчал горб. Тонкие как тростинки ноги прогибались под телом; передвигался он враскачку, как-то бочком.

В полдень пришел послушник и пригласил магов в трапезную на обед. Вечно страдающие от голода Нубанк и его помощники устремились туда во всю прыть.

Во время еды Таита приметил, что горбатый помощник картографа пытается перехватить его взгляд. Убедившись, что привлек внимание мага, калека встал и поспешил к двери. На пороге он обернулся и дернул головой, давая понять, чтобы Таита следовал за ним.

Таита обнаружил коротышку поджидающим его на террасе. Горбун снова мотнул головой, после чего нырнул в узкий коридор. Таита пошел следом и вскоре оказался в одном из внутренних двориков храма. Стены покрывали барельефы с изображением Хатор, присутствовала и статуя фараона Мамоса. Человечек съежился за ней.

– Великий маг! Я хочу сказать тебе кое-что интересное для тебя.

Когда Таита приблизился, горбун распростерся перед ним.

– Встань, – доброжелательно сказал Таита. – Я не царь. Как тебя зовут?

Брат Нубанк обращался к маленькому послушнику не иначе как «эй, ты».

– Меня прозвали Топтоп – за мою манеру ходить. Мой дед был младшим лекарем при дворе царицы Лостры во время исхода из Египта в земли Эфиопии. Он часто рассказывал о тебе. Может, ты помнишь его, маг? Его звали Ситон.

– Ситон? – Таита задумался. – Да! Способный был парень, ему очень хорошо удавалось извлекать зазубренные наконечники стрел при помощи ложек. Он спас жизнь многим воинам.

Топтоп широко улыбнулся, растянув заячью губу.

– Что сталось с твоим дедом? – осведомился маг.

– Он мирно почил в преклонном возрасте. Но прежде чем уйти, поведал множество увлекательных историй о ваших приключениях в тех далеких южных землях. Описывал тамошних обитателей и диких животных. Рассказывал про леса и горы, а также про великое болото, протянувшееся до самого края земли.

– Славное было время, Топтоп, – подбодрил его Таита. – Продолжай.

– Он говорил, что, пока основная масса нашего народа пошла вверх по левому руслу Нила в горы Эфиопии, царица Лостра отрядила войско, чтобы исследовать правый приток. Под командой вельможи Акера солдаты углубились в великое болото и сгинули там, за исключением одного человека. Это правда, маг?

– Да, Топтоп. Я помню, как царица отправила в поход это войско.

Таита сам тогда предложил Акера на пост командующего обреченной армией. Вельможа был интриганом, сеял смуту среди людей. Но маг об этом сейчас упоминать не стал.

– Верно и то, что один человек вернулся, – сказал Таита. – Сильно ослабленный болезнью и изнуренный тяготами пути, он умер от лихорадки всего несколько дней спустя после возвращения.

– Да! Да! – Топтоп пришел в такое возбуждение, что ухватил Таиту за рукав. – Мой дед врачевал того несчастного. Он сказал, что в бреду воин лепетал про страну с горами и озерами, такими огромными, что в иных местах с одного берега нельзя было разглядеть противоположного.

Таита заинтересовался.

– Озерами? Я про это раньше не слышал. Я с этим уцелевшим не встречался, поскольку, когда он добрался до Кебуи, где потом умер, я находился в Эфиопских горах, в двухстах лигах от того места. Мне доложили, что пациент тронулся умом и не мог сообщить хоть сколько-нибудь достоверные сведения.

Маг посмотрел на Топтопа и открыл внутреннее око. По ауре собеседника он увидел, что тот не лукавит и говорит то, что сам слышал.

– Ты ведь еще что-то хочешь сказать, Топтоп? Мне кажется, что да.

– Верно, маг. Там был вулкан, – выпалил горбун. – Вот почему я к тебе и обратился. Умирающий воин бредил про горящую гору, какой никогда не видел прежде. Переправившись через великое болото, они увидели ее, но только издали. Воин говорил, что из этой горы к небу столбом поднимался дым и висел сверху, словно мрачное облако. Кое-кто из солдат истолковал это так, что темные африканские боги не желают, чтобы чужаки шли дальше. Но вельможа Акер заявил, что это путеводный маяк, и твердо решил добраться до горы. Он приказал продолжить поход. Как раз в указанный день тот воин свалился с лихорадкой. Оставив его умирать, товарищи пошли дальше на юг. Но ему удалось добраться до деревни гигантских черных людей, живших на берегу озера. Они приютили его. Один из их шаманов дал ему лекарство и заботился до тех пор, пока больной не поправился достаточно, чтобы пуститься в обратный путь. – Вне себя от возбуждения, Топтоп стиснул руку Таиты. – Я сразу хотел тебе все рассказать, да брат Нубанк не позволил. Он запретил докучать тебе россказнями семидесятилетней давности. Заявил, что географы имеют дело только с фактами. Ты ведь не скажешь брату Нубанку, что я ослушался его? Он добрый и святой человек, но бывает очень строгим.

– Ты поступил правильно, – заверил калеку Таита и мягко высвободил руку из сжимающих ее пальцев. Затем он внезапно поднял ладонь Топтопа, чтобы внимательно рассмотреть ее.

– У тебя шесть пальцев! – воскликнул он.

Топтоп насмерть перепугался и попытался спрятать свое уродство, сжав ладонь в кулак.

– Боги все мое тело создали неправильным. Голова, глаза, спина и конечности – все скрюченное и увечное. – Глаза горбуна наполнились слезами.

– Но у тебя доброе сердце, – утешил его Таита.

Он осторожно разжал кулак и разгладил ладонь человечка. Лишний неразвитый палец рос рядом с мизинцем нормального размера.

– «Шесть перстов укажут путь», – пробормотал Таита.

– Я не хотел указывать тебе, маг. Я бы никогда не дерзнул намеренно оскорбить тебя, – взвизгнул Топтоп.

– Нет, дружок, ты не оскорбил меня, а оказал большую услугу. Ты заслужил мою благодарность и расположение.

– Ты не расскажешь брату Нубанку?

– Нет, даю тебе слово.

– Да благословит тебя Хатор, маг. Но мне пора идти, пока брат Нубанк меня не нашел.

Топтоп попятился, словно краб. Таита дал ему несколько минут форы, затем вернулся в библиотеку. Он обнаружил, что Деметер и Мерен пришли раньше, а Нубанк отчитывает Топтопа:

– Где тебя носило?

– Я был в уборной, брат. Прости меня. Я съел что-то такое, отчего у меня расстроился живот.

– А у меня расстроился живот от тебя, презренный кусок дерьма! Лучше бы ты целиком бухнулся в выгребную яму, пока был в уборной. – Он ущипнул Топтопа за родинку. – Принеси-ка мне свитки, где описаны острова в восточном океане.

Таита сел рядом с Деметером.

– Обрати внимание на правую руку этого коротышки, – прошептал он ему на языке тенмасс.

– У него шесть пальцев! – тихо воскликнул старец. – «Шесть перстов укажут путь»! Ты что-то узнал от него, не так ли?

– Нам следует идти вверх по правой ветви Отца-Нила вплоть до его истока. Там мы найдем вулкан на берегу широкого озера. В глубине души я убежден, что именно там скрывается Эос.

Храм Хатор они покинули на следующее утро, задолго до восхода солнца. Нубанк неохотно расстался с гостями, потому как не успел рассказать еще о пятидесяти вулканах.

Когда отряд добрался до брода через Нил под Фивами, наполовину рассвело. Габари и Мерен первыми спустились в русло, Таита и Деметер последовали за ними, при этом между двумя группами образовался разрыв. Первые всадники пересекли хвост одной из зловонных красных луж и находились уже на полпути к дальнему берегу, когда верблюд Деметера ринулся вдруг прямо в грязь. В этот миг Таита ощутил, что они оказались в средоточии злого влияния. Повеяло холодом, кровь запульсировала у него в ушах, дыхание стало затрудненным. Обернувшись, он бросил взгляд назад.

На оставленном ими берегу виднелась одинокая фигура. Хотя темные одежды почти растворялись в тени, Таита сразу узнал этого человека. Раскрыв внутреннее око, он разглядел приметную ауру Соэ, пылавшую ярче костра. Ярко-алое зарево пронзали багровые и зеленые молнии. Никогда прежде Таита не видел столь угрожающей ауры.

– Здесь Соэ! – лихорадочно предупредил он лежащего в паланкине Деметера.

Но было уже поздно: Соэ выбросил руку, указав на поверхность лужи, по которой брел верблюд. Словно повинуясь приказу пророка, из воды выпрыгнула здоровенная жаба и, щелкнув челюстями, выдрала клок мяса из задней ноги животного повыше колена. Верблюд взревел от боли и, не повинуясь узде, выскочил из лужи. Но вместо того чтобы направиться к берегу, он диким галопом помчался вдоль русла. Паланкин Деметера подпрыгивал и раскачивался из стороны в сторону.

– Мерен! Габари! – позвал Таита и ударил пятками кобылу, отправляя ее в погоню за понесшим верблюдом. Мерен и Габари развернули коней и присоединились к погоне.

– Деметер, держись! – кричал Таита. – Мы идем!

Дымка под ним буквально летела, но, прежде чем они успели настигнуть беглеца, верблюд достиг новой лужи и ворвался в нее, вздымая тучи брызг. Тут прямо перед ним поверхность воды заволновалась, и из нее появилась другая жаба. Высоко подпрыгнув, она бульдожьей хваткой вцепилась перепуганному верблюду прямо в нос. И должно быть, повредила ему какой-то нерв, потому что передние ноги животного подкосились. Потом он повалился на бок и замотал головой, стараясь вырваться из челюстей жабы. Паланкин оказался под тушей, и его легкую бамбуковую конструкцию вдавило в ил.

– Нам надо спасти Деметера! – прокричал Таита Мерену и еще сильнее погнал кобылу.

Но не успели они добраться до края лужи, как голова Деметера показалась над поверхностью. Ему каким-то образом удалось выбраться из паланкина; захлебываясь в облепившей его грязи, он кашлял и отплевывался, судорожно дергая руками.

– Я иду! – подбодрил его Таита. – Не сдавайся!

Внезапно лужа закипела жабами. Они тучей поднялись со дна и накинулись на Деметера, как стая голодных псов на газель. Рот старца широко распахнулся в попытке закричать, но облепившая его грязь мешала ему. Жабы утянули Деметера на дно; когда он на краткий миг снова вынырнул, то уже почти перестал сопротивляться. Он дергался, но причиной тому были жабы, вырывающие из его тела куски плоти.

– Я уже здесь, Деметер! – в отчаянии взывал Таита.

Погнать кобылу в самое средоточие этих чудовищ он не мог, зная, что твари растерзают ее. Натянув поводья, он с посохом в руках соскользнул со спины Дымки. Но едва сделал шаг в лужу, как задохнулся от боли: сидящая под водой жаба вонзила зубы ему в ногу. Таита ткнул ее посохом, вложив в удар все физические и магические силы. Он почувствовал, что острие посоха нашло цель и тварь разжала челюсти. Она всплыла на поверхность пузом кверху, оглушенная и конвульсивно дергающаяся.

– Деметер!

Он не мог отличить человека от жаб, пожирающих его заживо, поскольку их всех густо облепила черная грязь.

Вдруг из копошащейся кучи поднялись две тонкие руки и послышался голос Деметера:

– Со мной покончено. Дальше ты должен идти один, Таита.

Голос прозвучал едва слышно, заглушаемый илом и ядовитой красной водой. Затем он смолк вовсе, когда жаба, более крупная, чем прочие, ухватила старца пастью за голову и окончательно утянула его под воду.

Таита снова ринулся вперед, но подоспевший Мерен обхватил его за талию сильной рукой, выдернув из ила, и перенес на берег.

– Отпусти меня! – Таита вырывался. – Мы не можем оставить его этим мерзким созданиям!

Но Мерен держал крепко.

– Ты ранен, маг. Посмотри на свою ногу, – старался он успокоить наставника. Хлещущая из укуса кровь Таиты смешивалась с илом. – С Деметером все кончено. Я не хочу лишиться еще и тебя.

Мерен не отпускал его все время, пока смертельная схватка под водой не прекратилась; поверхность воды снова стала спокойной.

– Деметер погиб, – тихо сказал Мерен и опустил Таиту на землю. Потом поймал серую кобылу и подвел к хозяину.

– Нам нужно ехать, маг. Здесь мы уже ничем и никому не поможем. Тебе следует позаботиться о себе – нет сомнений, что укус этих жаб ядовитый, а с илом в рану может попасть зараза.

Тем не менее Таита помедлил еще немного, прощаясь со своим союзником и надеясь на какой-то последний знак. Но его не было. Наклонившись в седле, Мерен взял поводья Дымки и повел ее за собой. Таита больше не протестовал. Боль в ноге мучила его, он был потрясен и опустошен. Древнего мудреца не стало, и Таита осознал, насколько привык полагаться на него. Теперь ему предстояло противостоять колдунье в одиночку, и эта перспектива наполняла его отчаянием.

Как только они благополучно вернулись в свои апартаменты во дворце в Фивах, Рамрам сразу прислал рабынь с кувшинами горячей воды и бутылями благовонных масел, чтобы Таита принял ванну и смыл грязь. Когда с мытьем было покончено, пришли два царских лекаря в сопровождении вереницы слуг, несущих сундучки с лекарствами и магическими амулетами. По распоряжению Таиты Мерен встретил их у дверей и отправил назад:

– Как самый умелый и ученый врачеватель во всем Египте, маг сам позаботится о своей ране. Он приносит извинения за доставленное беспокойство и благодарит за старание.

Таита омыл рану перегнанным вином. Потом при помощи самовнушения заставил ногу онеметь, а Мерен прижег глубокий укус бронзовой ложечкой, раскаленной на масляной лампе. Это был один из немногих медицинских навыков, который Таита сумел ему привить. Когда процедура завершилась, Таита приподнялся и, используя вместо нитки длинные волосы из хвоста Дымки, сшил края раны, а в завершение нанес на нее мазь собственного приготовления и забинтовал. К концу операции он почти обессилел от боли и скорби по погибшему Деметеру. Маг опустился на матрас и закрыл глаза.

Он открыл их, когда услышал топот ног на пороге.

– Таита, ты где? – пророкотал знакомый властный голос. – Неужели нельзя ни на минуту выпустить тебя из виду, чтобы ты не совершил какую-нибудь глупость? Стыд и срам – ты ведь уже не маленький.

С этими словами бог на земле, фараон Нефер-Сети, ворвался в комнату. За ним ввалилась свита из вельмож и прислужников. Таита почувствовал себя бодрее, силы начали возвра-

щаться к нему. Все-таки он не совсем одинок. Старик улыбнулся Неферу-Сети и приподнялся на локте.

– Таита, и тебе не совестно? Я боялся, что ты уже испускаешь дух, а вместо этого ты бездельничаешь тут с этакой дурацкой улыбочкой?

– Это улыбка радости, ваше величество. Я искренне рад видеть вас.

Нефер-Сети легонько толкнул его обратно на подушки, потом обратился к придворным:

– Можете оставить меня наедине с магом, верные мои подданные. Это мой старый друг и наставник. Я позову вас, когда понадобитесь.

Когда они вышли из комнаты, фараон обнял Таиту:

– Клянусь сладким молоком из сосцов Исиды, я рад видеть тебя живым, хотя и соболезную в связи с гибелью твоего спутника-мага. Ты все расскажешь мне, но сначала я поздороваюсь с Мерен-Камбизом.

Он повернулся к Мерену, несшему караул у двери. Тот опустился перед царем на колено, но тот сразу же поднял его на ноги:

– Не унижайся передо мной, мой товарищ по Красной дороге. – Нефер-Сети заключил друга в крепкие объятия.

Молодыми людьми они вместе прошли высшее испытание на звание воина – Красную дорогу: экзамен на умение управляться с колесницей, мечом и луком. Им двоим пришлось соревноваться с командой испытанных ветеранов, которым разрешалось идти на все, вплоть до убийства, чтобы помешать юношам пройти дорогу до конца. Вместе Нефер и Мерен победили. Соратники по Красной дороге на всю жизнь становились побратимами. Мерен был обручен с сестрой Нефера-Сети, царевной Мерикарой, поэтому почти стал зятем фараона, но девушка погибла. Трагедия только укрепила связь между друзьями. Мерен мог занять высокий пост в Фивах, но вместо этого предпочел стать учеником Таиты.

– Удалось ли Таите научить тебя таинствам? – поинтересовался фараон. – Сделался ли ты не только могущественным воином, но еще и магом?

– Нет, ваше величество. Таита старался, но способностей у меня нет. За все время мне не удалось создать даже самое простое заклинание, которое сработало бы. Некоторые даже обрушились на голову мне самому. – Лицо Мерена сделалось печальным.

– Лучше быть хорошим воином, чем плохим колдуном, старина. Иди, будем держать совет вместе, как не раз бывало много лет тому назад, когда мы освобождали Египет от тирана.

Как только они заняли места по обе стороны от тюфяка Таиты, Нефер-Сети посерьезнел:

– А теперь расскажите мне про схватку с жабами.

Мерен и Таита, дополняя друг друга, сообщили про смерть Деметера. После того как они закончили, Нефер-Сети помолчал некоторое время. Потом пророкотал мрачно:

– Эти твари становятся все наглее и прожорливее с каждым днем. Уверен, это они отравляют и окрашивают остатки речной воды. Я испробовал все средства в попытках избавиться от них, но на место одной убитой гадины выпрыгивают две.

– Ваше величество… – начал Таита. И сделал паузу, прежде чем продолжить. – Вам следует разыскать колдунью, наславшую этих тварей, и уничтожить ее. Жабы и прочие несчастья, обрушившиеся на вас и ваше царство, исчезнут вместе с ней, потому как она их госпожа. Тогда Нил потечет снова и процветание вернется в Египет.

Нефер-Сети в тревоге посмотрел на наставника.

– Следует ли понимать это так, что все эти бедствия имеют сверхъестественную природу? – спросил он. – Что это плод колдовства и магии некой женщины?

– Я уверен в этом, – сказал Таита.

Нефер-Сети вскочил и в глубокой задумчивости стал расхаживать по комнате. Наконец он остановился и пристально посмотрел на Таиту:

– Кто эта колдунья? Где ее найти? Можно ли ее убить, или она бессмертна?

– Насколько понимаю, она смертна, фараон. Но могущество ее велико. И она надежно защищает себя.

– Как ее зовут?

– Эос.

– Богиня рассвета? – воскликнул Нефер. Жрецы привили ему пространные знания о богах, поскольку он и сам был богом. – Не ты ли сказал, что она человек?

– Это женщина, присвоившая имя богини, чтобы скрыть истинную свою сущность.

– Если это так, у нее должно быть земное обиталище. Где оно расположено?

– Мы с Деметером приступили к поискам, но колдунья прознала о наших намерениях. Сначала она наслала гигантского питона, чтобы убить Деметера, но нам с Мереном удалось его спасти, хотя и в последний момент. Теперь при помощи жаб ей удалось довершить то, чего не смог змей.

– Значит, вам неизвестно, где я могу найти ведьму? – настаивал Нефер-Сети.

– В точности мы этого не знаем, но оккультные изыскания указывают, что она живет в вулкане.

– В вулкане? Неужели такое возможно, пусть даже она колдунья? – Фараон рассмеялся. – Я уже давно отучился сомневаться в тебе, Таита. Но скажи, в каком именно? Вулканов-то много.

– По моим соображениям, чтобы найти ее, нужно достичь верховьев Нила и преодолеть огромное болото, преграждающее реке путь выше Кебуи. Ее логово находится близ вулкана на берегу большого озера. Где-то на самом краю нашей земли.

– Помнится, когда я был ребенком, ты мне рассказывал, что бабушка Лостра отрядила целое войско на юг под началом вельможи Акера, чтобы найти исток реки. Войско сгинуло в том жутком болоте за Кебуи, и никто не вернулся. Не провалилась ли та экспедиция по вине Эос?

– Наверняка, ваше величество, – согласился Таита. – Не упоминал ли я, что один из воинов выжил и вернулся в Кебуи?

– Вроде нет.

– Тогда это казалось маловажным, но один человек возвратился. Он был истощен и бредил. Лекари решили, что несчастный помешался из-за пережитых трудностей. Он умер прежде, чем я успел переговорить с ним. Но недавно я узнал, что перед смертью воин рассказывал странные истории, в которые никто из слышавших не поверил, поэтому мне не сообщили ничего. Он говорил в бреду про большие озера и горы на краю земли. И про вулкан на берегу самого крупного из озер. Именно отсюда Деметер и я сделали вывод о местонахождении колдуньи.

Таита описал встречу с горбуном по прозвищу Топтоп. Нефер-Сети завороженно слушал. Когда Таита закончил рассказ, фараон на некоторое время погрузился в раздумья.

– Почему вулкан так важен? – спросил он наконец.

В ответ Таита поведал о плене Деметера в логове ведьмы в Этне и его бегстве.

– Чтобы творить магию, ей необходим подземный огонь. Выделение неизмеримого количества тепла и серных газов увеличивает ее силы до равного богам могущества, – пояснил Таита.

– Почему из великого множества вулканов ты именно этот решил обследовать первым? – спросил Нефер.

– Потому что он ближе всех прочих расположен к Египту, а еще потому, что он находится как раз у истоков Нила.

– Теперь я вижу, что твои доводы весомы. Все части головоломки сходятся, – заметил Нефер-Сети. – Семь лет назад, когда Нил стал высыхать, я вспомнил про твой рассказ о бабуш-

киной экспедиции. Я отрядил еще одно войско на юг с целью достичь истока и выяснить, почему река иссякает. Во главе отряда я поставил Ах-Актона.

– Я об этом не знал, – сказал Таита.

– Потому что тебя не было рядом и я не мог обсудить с тобой этот вопрос. Вас с Мереном носило по дальним странам. – В тоне Нефера-Сети послышался упрек. – Тебе следовало остаться со мной.

Таита изобразил раскаяние:

– Я не думал, что могу понадобиться вам, ваше величество.

– Ты всегда мне нужен. – Фараон не имел склонности долго сердиться.

– Какие новости об этой второй экспедиции? – Таита ухватился за шанс сменить тему. – Она вернулась?

– Нет. Ни один из восьмисот человек отряда не вернулся. Они исчезли еще более бесследно, чем войско, посланное моей бабушкой. Это колдунья расправилась с ними?

– Более чем возможно, ваше величество.

Маг отметил, что Нефер-Сети уже принимает существование ведьмы как факт и понуждать его к борьбе с нею нет необходимости.

– Ты никогда не подводил меня, Таита, разве что временами отправляешься странствовать в некие места, ведомые только богам. – Нефер-Сети усмехнулся. – Теперь я знаю, кто мой враг, и могу выступить против него. Прежде я был не в силах избавить мой народ от этих ужасных страданий. Я мог только уменьшать их, копая колодцы, выпрашивая провизию у врагов и убивая жаб. Ты же ясно указал, как можно решить все мои проблемы. Нужно только уничтожить колдунью!

Вскочив, он продолжил метаться по комнате, как запертый в клетку лев. Фараон был человек дела, предпочитающий действовать при помощи меча. При одной мысли о войне он ощущал душевный подъем. Таита и Мерен наблюдали за его лицом, на котором отражался поток захлестнувших царя идей. Время от времени он хлопал по висящим на боку ножнам и восклицал:

– Да, клянусь Гором и Осирисом, так и будет!

Наконец он обратился к Таите:

– Я поведу новый поход против этой Эос.

– Фараон, она уже погубила две египетские армии, – напомнил маг.

Нефер-Сети немного одумался. Он снова стал расхаживать, потом остановился.

– Ну хорошо. Как некогда Деметер на Этне, ты обрушишь на ведьму заклинание такой силы, что она кувырком скатится с горы и лопнет, как перезрелый плод, ударившись о землю. Что скажешь, Тата?

– Не стоит недооценивать Эос, ваше величество. Деметер был магом более могущественным, нежели я. Все свои способности он обратил на борьбу с колдуньей, однако в конце она уничтожила его, при этом не проявив каких-то особенных усилий, как давят блоху, прижав ногтем. – Таита скорбно покачал головой. – Мои заклятия похожи на дротики. Пущенные с большого расстояния, они теряют силу, и ведьма легко отразит их движением своего щита. Если я подберусь ближе, если мне удастся точно определить ее местонахождение, то смогу лучше прицелиться. Если я буду видеть ее перед собой, пущенный мной дротик вполне может пробить щит. Но с такой большой дистанции мне до нее не добраться.

– Раз уж она такая всемогущая, что одолела Деметера, то почему бы ей не поступить таким образом и с тобой? – спросил Нефер-Сети. И сразу сам себе ответил: – Потому что боится, что ты сильнее ее.

– Хотел бы я, чтобы дело обстояло так просто. Нет, фараон. Это потому, что она еще не нанесла по мне удар со всей силы.

Нефер-Сети озадачился:

– Колдунья убила Деметера и перемолола все мое царство в жерновах своей злобы. С какой же стати ей щадить тебя?

– Деметер перестал быть ей нужным. Я рассказывал тебе, что она высосала из него все, как вампир: все его знания и умения. Когда ему удалось сбежать, Эос никогда всерьез не утруждалась погоней за ним. Он не представлял для нее угрозы и ничего не мог ей предложить. Так продолжалось до тех пор, пока мы с ним не встретились. Тогда интерес ее оживился. Совместно мы представляли столь значимую силу, что колдунья смогла обнаружить меня. В ее планы не входит уничтожать меня до тех пор, пока она не вытянет из меня все, как прежде из Деметера. Но когда мы с ним были вместе, ей не удавалось заманить меня в свою ловушку. Поэтому Эос сразила моего союзника.

– Если ты нужен ей для каких-то ее темных целей, я могу взять тебя в поход с армией. Ты будешь моей подсадной уткой. Прикрывшись тобой, я подберусь к ней поближе; ты отвлечешь ее, и мы вместе нанесем удар, – предложил Нефер-Сети.

– Отчаянный план, фараон. С какой стати ей подпускать тебя близко, если она способна поразить врага с расстояния, как это произошло с Деметером?

– Ты ведь сказал, что Эос стремится к господству над Египтом. Замечательно. Я скажу ей, что пришел передать в ее власть себя и мои земли. Попрошу разрешения поцеловать ей стопы в знак покорности.

Таита хранил на лице серьезную мину, хотя едва удерживался от смеха, слушая это наивное предложение.

– Государь, эта ведьма – посвященная.

– И что это значит? – требовательно спросил Нефер-Сети.

– При помощи внутреннего ока она способна заглянуть в душу человека и с легкостью проникнет в твой военный замысел. Тебе не удастся приблизиться к ней так, чтобы твоя аура не выдала гнева.

– Тогда как ты собираешься подобраться к ней, не будучи замеченным этим таинственным оком?

– Я, как и она, посвященный. У меня нет ауры, и поэтому ее нельзя прочитать.

Нефер-Сети начал выходить из себя. Он слишком долго был богом и отвык, чтобы кто-то перечил ему или высказывал возражения.

– Я тебе больше не ребенок, чтобы пудрить мне мозги твоими эзотерическими материями! – Он возвысил голос. – Ты слишком торопишься искать уязвимые места в моих планах. Ученый маг, будь так добр и милостив, предложи свой вариант, чтобы я имел удовольствие обойтись с ним таким же образом, как ты с моим.

– Ваше величество, вы фараон. Вы – олицетворение Египта. Вы не должны лезть в паутину, которую плетет колдунья. Ваш долг – оставаться со своим народом, с Минтакой и детьми, чтобы защитить их, если меня постигнет неудача.

– Ты изобретательный и ловкий мошенник, Тата. Я знаю, к чему ты клонишь: оставишь меня тут, в Фивах, истреблять жаб, а сам с Мереном отправишься навстречу новому приключению. А я тут буду прятаться в собственном гареме, как женщина? – с горечью спросил он.

– Ни в коем случае, ваше величество. Вы будете гордо восседать на троне, в готовности ценой жизни отразить угрозу двум царствам.

Уперев кулаки в бока, Нефер-Сети сурово посмотрел на него.

– Не стоило мне прислушиваться к твоим сладкозвучным, как у сирены, песням. Ты умеешь сплести паутину не менее крепкую, чем та колдунья, – заявил он. Затем вскинул руки, показывая, что сдается. – Пой, Тата, а мне волей-неволей придется внимать тебе.

– Вы могли бы выделить Мерену маленький отряд из отборных воинов – человек сто, не больше. Такой отряд сможет быстро передвигаться, не нуждаясь в громоздком обозе. Количеством солдат ведьму не испугаешь, а на такие незначительные силы она вовсе внимания не

обратит. Поскольку аура Мерена не отличается сложностью, это не возбудит в ней подозрений, и она примет его за простого грубоватого вояку. Я пойду с ним. Меня-то Эос распознает издалека, но мой приход ей на руку. Намереваясь вытянуть из меня знания и силы, которые ей нужны, колдунья позволит мне приблизиться.

Расхаживая по комнате, Нефер-Сети ворчал и бормотал что-то себе под нос.

– Мне трудно смириться с тем, что не я возглавлю экспедицию, – сказал он, остановившись перед Таитой. – Тем не менее твои доводы при всей их замысловатости убедили меня свернуть с прямого пути. – Его лицо немного просветлело. – Тебе и Мерен-Камбизу я доверяю как никому другому во всем Египте.

Фараон повернулся к Мерену:

– Ты будешь возведен в ранг полководца. Выбери свою сотню воинов, а я дам тебе соколиную печать, чтобы ты смог обеспечивать их из государственных арсеналов и складов во всех моих владениях.

Соколиная печать наделяла ее носителя полномочиями фараона.

– Я хочу, чтобы ты был готов выступить не позднее новолуния, – продолжил Нефер-Сети. – Во всем слушайся Таиту. Возвращайся живым и принеси мне голову ведьмы.

Когда пронеслась молва, что он набирает летучую конницу, Мерена со всех сторон осадили добровольцы. Командирами он избрал троих закаленных ветеранов: Хилто-бар-Хилто, Шабакона и Тонку. Ни один из них не сражался вместе с ним в годы междоусобицы, они были тогда слишком молоды. Зато сражались их отцы, а деды этих воинов все являлись товарищами по Красной дороге.

– Кровь истинных воинов в роду не подведет, – пояснил Мерен Таите.

Четвертым он принял Габари, к которому успел проникнуться симпатией и доверием. Ему он предложил командовать одним из четырех отрядов.

Созвав всех четырех командиров, Мерен объявил им, что они выбраны.

– Есть у вас супруги или женщины? – строго осведомился он. – Мы пойдем налегке, для обозных места не будет.

По обычаю египетская армия брала в поход женщин.

– У меня есть жена, – сообщил Габари. – Но я не прочь улизнуть от ее упреков лет на пять-десять, а то и больше, если вам понадобится, сотник.

Остальные трое понимающе кивнули.

– Полководец, если нам предстоит жить за пределами нашей страны, то мы и женами там же обзаведемся, – заверил его Хилто-бар-Хилто.

Он был сыном старого воина Хилто, давно уже почившего. Старший Хилто был Лучшим из Десяти Тысяч и носил на шее Золото Похвалы, пожалованное ему фараоном за битву при Исмаилии, где был разбит лжефараон.

– Слова настоящего солдата, – со смехом отозвался Мерен.

Он отослал эту четверку набирать воинов в свои подразделения. Не прошло и десяти дней, как у него в подчинении оказался отряд из ста лучших бойцов всей египетской армии. Каждый получил хорошую экипировку, вооружение и отправился на конные заводы, чтобы обзавестись двумя скакунами и мулом для поклажи. Как и повелел фараон, экспедиция готова была выступить из Фив в ночь новолуния.

За два дня до срока Таита пересек реку и поехал во дворец Мемнона, чтобы попрощаться с царицей Минтакой. Он застал ее похудевшей, изможденной и унылой. Причина этого выяснилась в течение первых же минут разговора.

– Ах, Таита! Дорогой Таита! Случилось ужасное: Соэ исчез. Ушел, не сказав мне ни слова. Это произошло три дня спустя после того, как ты видел его в моем зале для приемов.

Таита не удивился. Это был день, когда Деметера настигла жуткая смерть.

– Я повсюду разослала гонцов, чтобы найти его. Не сомневаюсь, что ты огорчен не меньше меня. Ты знал его и восхищался им. Мы оба знаем, что в нем заключается спасение Египта. Не можешь ли ты использовать магические способности, чтобы разыскать его и привести обратно ко мне? Раз он пропал, мне никогда уже не увидеть моих умерших малышей! Египет и Нефер будут претерпевать бесконечные муки. Нил никогда не потечет.

Таита, как мог, утешал ее. Он видел, что здоровье ее пошатнулось, а гордый дух вот-вот сломается под грузом отчаяния. Успокаивая Минтаку и стараясь вселить в нее надежду, он про себя клял Эос и ее происки.

– Мы с Мереном отправляемся в поход за южные пределы страны. За все время пути я первым долгом сочту осведомляться, не видел ли кто Соэ. Пока же я прозреваю, что он жив и невредим. Непредвиденные обстоятельства заставили его поспешно уехать, не поставив в известность ваше величество. Однако он намеревается вернуться в Фивы при первой же возможности и продолжить свою проповедь новой безымянной богини.

«И тут я ни в чем не солгал», – сказал себе Таита.

– Но мне пора прощаться, – промолвил он вслух. – Ты, Минтака, неизменно пребудешь в моих мыслях и душе.

Поскольку Нил перестал быть судоходным, отряд двинулся на юг по фургонной дороге, идущей вдоль берега умирающей реки.

Первую милю фараон проехал бок о бок с Таитой, докучая ему приказами и наставлениями. Прежде чем повернуть назад, он обратился к воинам с короткой пламенной речью.

– Я ожидаю, что каждый исполнит свой долг, – завершил он, после чего обнял перед строем Таиту.

Воины криками провожали удаляющегося царя, пока он не скрылся из виду.

Таита запланировал совершать переходы так, чтобы к вечеру отряд достигал одного из многочисленных храмов, раскиданных по берегам Нила на территории Верхнего царства. Молва о великом чародее бежала впереди него, и перед каждым храмом его встречал верховный жрец, предлагая гостям кров и пищу. Приязнь настоятеля была искренней еще и потому, что при Мерене находилась соколиная печать, властью которой он получал в военном форте каждого города дополнительные рационы. Жрецы были рады пополнить ими свои скудные припасы.

Каждый вечер после скромного ужина в трапезной Таита удалялся во внутреннее святилище храма. Века, а то и тысячелетия здесь возносились мольбы и прошения. Набожность верующих создала вокруг них такую духовную крепость, что даже Эос непросто было проникнуть за ее стены. На некоторое время он мог спрятаться от ее слежки и обратиться к собственным богам, не опасаясь вмешательства злых сил, насланных колдуньей, чтобы сбить его с пути. В каждом храме он просил у бога, которому храм посвящен, покровительства и помощи в грядущем столкновении с ведьмой. В тишине и уединении подобного места он мог медитировать и копить физические и духовные силы.

Храмы являлись центрами своей округи, средоточиями знаний. Хотя многие из жрецов оставались темными созданиями, среди них встречались люди начитанные и образованные, находящиеся в курсе событий в своих номах и знающие о настроениях и заботах паствы. Они представляли собой надежный источник сведений. В беседах с ними Таита проводил долгие часы, тщательно расспрашивая каждого жреца. Один вопрос он задавал всем:

– Не слышали ли вы о чужаках, которые скрытно бродят среди народа, проповедуя новую религию?

Всякий раз ответ звучал так:

– Они учат, что древние боги потеряли силу и не способны более защитить Египет. Проповедуют о новой богине, которая сойдет к нам и избавит от проклятия реку и землю. Когда она придет, Отец-Нил снова разольется, вернув Египту процветание. Они утверждают, будто

фараон и его семья являются тайными приверженцами новой богини и вскоре Нефер-Сети публично отречется от старых богов и объявит о покорности ей.

Затем обеспокоенные жрецы спрашивали:

– Скажи нам, великий маг, правда ли это? Неужели фараон заявит о переходе в чужую веру?

– Прежде звезды дождем посыплются с неба, чем такое случится! – отвечал Таита. – Фараон душой и сердцем предан Гору. Но скажите, верят ли люди этим шарлатанам?

– Это ведь простые смертные. Их дети голодают, и они погружены в пучину отчаяния. Люди пойдут за кем угодно, кто пообещает им избавление от напастей.

– Вы сами видели этих проповедников?

Никто не видел.

– Они скрытные и неуловимые, – сказал один из жрецов. – Я посылал к ним гонцов, приглашая прийти и изложить мне свои верования, но никто не откликнулся.

– Известны ли вам их имена?

– Похоже, они все используют одно имя.

– И это имя – Соэ? – спросил Таита.

– Да, маг, именно так. Наверное, это скорее титул, чем имя.

– Это египтяне или чужеземцы? Говорят ли они на нашем языке так, как будто родились и выросли здесь?

– По их словам, они принадлежат к нашему роду-племени.

Эта беседа состоялась у него с Санепи, верховным жрецом храма Хнума в Иуните, столице третьего нома Верхнего Египта. Когда Таита услышал все, что настоятель мог сказать о пророках, он перевел разговор на более приземленные темы.

– Как адепт законов природы, не пытался ли ты каким-то образом сделать красную воду реки пригодной для использования людьми? – спросил маг.

Подобное предположение поразило набожного и обходительного жреца.

– Река проклята! – воскликнул он. – Никто не смеет купаться в этой воде, не говоря уже о том, чтобы пить ее. Стоит корове прийти сюда на водопой, как она заболевает и в считаные дни околевает. Река стала жилищем для гигантских жаб, питающихся падалью, каких никогда прежде не встречали ни в Египте, ни в других странах. Они яростно обороняют свои вонючие лужи и нападают на любого, кто приближается к ним. Я скорее умру от жажды, чем стану глотать этот яд.

Лицо Санепи перекосилось от отвращения.

– Даже храмовые послушники верят, как и я, что река осквернена неким злобным богом, – добавил он.

Таите не оставалось ничего иного, как самому проделать серию экспериментов с целью установить истинную природу красной жидкости и найти способ очистить воды Нила. Мерен вел колонну на юг в убийственном темпе, и Таита понимал, что, если ему не удастся найти способ увеличить их водный запас, лошади вскоре начнут умирать от жажды. Вырытые по указу фараона новые колодцы отстояли друг от друга довольно далеко, и воды в них явно не могло хватить для трех сотен изнуренных лошадей. А это была самая простая часть пути. После пенных вод первого порога река вилась на тысячи миль по суровой негостеприимной пустыне, где источников не встречалось вовсе. Дождь там случался раз в сто лет, и только скорпионы да дикие животные вроде сернобыка могли выжить без доступа к поверхностной воде в этой вотчине деспотичного солнца. Если не найти надежного способа добывать воду, экспедиция сгинет в этих знойных дебрях, не достигнув даже слияния образующих Нил рек, не говоря уже о его истоках.

Во время каждого ночного привала Таита часами проводил эксперименты. Помогать ему вызвались четверо самых молодых из воинов Мерена. Им льстило работать бок о бок с великим

чародеем – эту историю они смогут рассказывать своим внукам. Под его руководством они не боялись ни демонов, ни проклятий, поскольку слепо верили в способность Таиты защитить их. Не жалуясь, юные воины трудились денно и нощно, но даже гений мага не мог найти способа сделать вонючую воду пригодной.

Через семнадцать дней после выхода из Карнака отряд достиг стоящего на берегу близ Ком-Омбо большого храмового комплекса, посвященного богине Хатор. Верховная жрица оказала знаменитому магу такой же теплый прием, как и другие настоятели. Поручив своим помощникам поставить нильскую воду кипятиться в медных котлах, Таита покинул их и направился во внутреннее святилище храма.

Едва оказавшись в святилище, он ощутил чье-то доброжелательное присутствие. Таита подошел к изображению коровьей богини и уселся перед ним, скрестив ноги. Поскольку Деметер предостерегал его, что встречи с призраком Лостры почти наверняка были неправдой, уловкой колдуньи с целью обмануть и запутать его, маг не рисковал вызывать ее. Однако тут, в этом месте, он ощущал защиту Хатор, одной из самых могущественных богинь пантеона. Покровительница всех женщин, Хатор наверняка оборонит Лостру в своем святилище.

Он совершил приготовления, трижды произнеся вслух заклинание, необходимое для обряда призвания божества, затем открыл внутреннее око и стал терпеливо ждать в сумрачной тиши. Постепенно тишину нарушил шум крови, запульсировавшей у него в голове, – предвестник приближающегося призрачного явления. Шум усиливался; Таита ожидал, что вот-вот его охватит холод, и готовился прервать контакт при первом дыхании мороза в воздухе. Но в святилище по-прежнему царили тишина и приятное тепло. Ощущение безопасности и покоя усиливалось, и Таиту начало клонить в сон. Перед его закрытыми глазами предстало зрелище прозрачной воды, а потом он услышал звонкий детский голосок, выкрикивающий его имя:

– Таита, я иду к тебе!

Маг заметил, как в глубине вод что-то блеснуло, и подумал, что это серебристая рыба поднимается к поверхности. А затем понял, что ошибся: то, что плыло к нему, было гибким белым телом ребенка. Из воды показалась голова, и Таита увидел, что это девочка лет двенадцати. Ее длинные мокрые волосы золотыми лучами рассыпались по лицу и плечам.

– Я услышала твой призыв. – Ее смех звучал радостно, и он улыбнулся в ответ.

Дитя подплыло ближе и, добравшись до белой песчаной отмели, встало. Да, это была девочка: хотя бедра еще не обрели женственных очертаний, а украшением груди служили только очертания ребер, между бедрами угадывался безволосый треугольник.

– Кто ты? – спросил Таита.

Движением головы девочка отбросила волосы, открыв лицо. Сердце мага расширилось так, что трудно стало дышать. Это была Лостра.

– Фи! Как ты можешь не знать меня? Ведь я Фенн, – сказала она.

Имя означало «лунная рыбка».

– Я сразу узнал тебя, – ответил Таита. – Ты точно такая же, как в тот раз, когда я впервые тебя увидел. Мне никогда не забыть твоих глаз. Тогда и сейчас они самые зеленые и самые прекрасные во всем Египте.

– Ты обманываешь, Таита. Ты не узнал меня. – Она показала ему острый розовый язычок.

– Я учил тебя не делать так.

– Плохо учил, значит.

– Фенн – это было твое детское имя, – напомнил он ей. – Когда к тебе пришла первая красная луна, жрецы дали тебе женское имя.

– Дочь Вод. – Она скорчила гримаску. – Мне оно никогда не нравилось. «Лостра» звучит глупо и напыщенно. Я предпочитаю называться Фенн.

– Ну, пусть будет Фенн, – согласился маг.

– Я буду ждать тебя, – пообещала девочка. – Я принесла подарок для тебя, но теперь мне пора. Меня зовут.

Она грациозно нырнула, прижав руки к бокам и работая стройными ножками, чтобы погрузиться еще глубже. Волосы развевались, подобно золотому флагу.

– Вернись! – вскричал Таита. – Скажи, где ты будешь меня ждать!

Но она исчезла, и только слабое эхо ее смеха докатилось до него.

Очнувшись, он понял, что уже поздний час, потому что масло в храмовых лампах заканчивалось. Таита чувствовал себя посвежевшим и бодрым. Он понял, что держит в правой руке что-то. Бережно разжав ладонь, он увидел, что это горсть белого порошка. «Не это ли дар Фенн?» – подумалось ему. Маг поднес его к носу и осторожно понюхал.

– Известь! – воскликнул он.

В каждой деревне вдоль реки имелась примитивная печь, в которой крестьяне пережигали куски известняка. Полученным порошком они красили стены хижин и хозяйственных построек: побелка отражала солнечные лучи, поэтому внутри помещений сохранялась прохлада. Таита уже хотел выбросить порошок, но остановился.

– С даром богини следует обращаться почтительно, – сказал он себе и улыбнулся своей причуде.

Высыпав пригоршню извести в завернутую полу туники, он вышел из святилища.

Мерен ждал его у дверей.

– Твои помощники приготовили речную воду, но ты слишком долго не идешь к ним. Они устали за время перехода и нуждаются во сне. – В тоне Мерена слышался мягкий упрек. Он заботился о своих людях. – Надеюсь, ты не собираешься провести всю ночь над своими вонючими горшками. До полуночи я приду и уведу тебя, потому что не могу этого позволить.

– У Шофара под рукой те снадобья, которыми я собирался очищать воду? – спросил Таита, не обратив внимания на угрозу.

Мерен рассмеялся:

– Как он подметил, они воняют хуже, чем сама красная вода.

Он повел Таиту туда, где булькали и парили четыре котла.

Помощники, сидевшие на корточках вокруг костров, вскочили и, продев в ручки котлов длинные палки, сняли сосуды с огня. Маг выждал, когда вода немного остынет, затем зашагал вдоль ряда котлов, добавляя в них снадобья. Шофар мешал в каждом деревянной ложкой.

Когда настала очередь последнего котла, Таита помедлил.

– Дар Фенн, – пробормотал он. И, развязав узелок внизу туники, высыпал известь в котел.

Для пущего эффекта он поводил над варевом золотым талисманом Лостры и произнес слово силы: *«Нкубе!»*

Четверо помощников благоговейно переглянулись.

– Оставьте котлы остывать до утра, – распорядился Таита. – А сами идите отдыхать. Вы славно потрудились, спасибо.

Едва растянувшись на тюфяке, он впал в крепкий сон, не тревожимый сновидениями и даже храпом Мерена.

Когда он пробудился наутро, перед ним стоял Шофар с улыбкой до ушей.

– Вставай скорее, великий маг! У нас есть чем порадовать тебя!

Они поспешили к котлам, которые стояли рядом с кучками остывшего пепла, отмечавшими места вчерашних костров. Габари и другие командиры стояли во главе отрядов, построенных как для парада. Воины стучали ножнами по щитам и кричали, как если бы Таита был военачальником, только что одержавшим победу.

– Тихо! – проворчал маг. – У меня от вашего шума голова расколется.

Но в солдатах только прибавилось рвения.

Первые три котла наполняло мерзкого вида черное варево, но в четвертом вода оказалась прозрачной. Таита зачерпнул ее ладонью и осторожно попробовал. Она не была безупречно чистой, но отдавала землистым привкусом, знакомым им всем с самого детства: это был привычный привкус нильского ила.

С того раза на каждом ночном привале они кипятили и известковали котлы с речной водой, а поутру, прежде чем выступить в путь, переливали их содержимое в мехи. Не страдающие больше от жажды лошади окрепли, и марш ускорился.

Девять дней спустя они достигли Асуана. Впереди лежал первый из шести великих порогов. Для судов они представляли опасное препятствие, но лошади могли спокойно обогнуть их по караванной дороге. В городе Асуане Мерен дал людям и коням отдохнуть три дня и велел пополнить мешки с провиантом из царских амбаров. Не возбранялось воинам укрепить дух перед тяготами следующего отрезка пути, посетив расположенные на берегу реки дома терпимости. Сам Мерен, исполненный сознанием приобретенного высокого ранга и важности, отвечал на откровенные призывы и взгляды местных красоток с напускным равнодушием.

Озеро за первым порогом съежилось до размеров лужи, поэтому Таите не понадобился лодочник, чтобы добраться до скалистого островка, на котором располагался храм Исиды. Стены его были украшены громадными барельефами богини, ее супруга Осириса и сына Гора.

Цокая копытами по каменистому речному дну, Дымка доставила мага к цели. Все жрецы вышли встречать знаменитого чародея.

Таита прожил у них следующие три дня. Служители Исиды мало что могли сообщить о новостях из южной Нубии. В лучшие времена, когда разлив Нила был явлением мощным, надежным и регулярным, вверх по реке, вплоть до Кебуи у слияния двух Нилов, отправлялся большой флот торговых судов. Корабли возвращались с грузом слоновой кости, сушеного мяса, шкур диких животных, бревен, слитков меди и золотых самородков из приисков вдоль реки Атбары, главного притока Нила. Теперь, когда разлива не происходило, а оставшаяся в лужах вода обратилась в кровь, немногие путешественники отваживались пуститься по опасной тропе через пустыню пешком или на коне. Жрецы предупреждали, что южная дорога и горы вдоль нее сделались приютом разбойников и изгоев.

Таита в очередной раз осведомился насчет пророков лжебогини. Ему сообщили, что, по слухам, эти Соэ являются из пустыни и держат путь на север, к Карнаку и дельте, но пообщаться с ними никому не довелось.

Когда опустилась ночь, Таита укрылся во внутреннем святилище матери-богини и под ее защитой мог спокойно медитировать и молиться. Хотя он и взывал к своей покровительнице, в первые две ночи бдений прямого ответа она не дала. Тем не менее Таита почувствовал себя более сильным и готовым к тяготам пути до Кебуи и далее, в неизведанные земли и болота. Неизбежная схватка с Эос казалась не такой устрашающей. Крепость тела и духа вполне могли стать результатом путешествия в компании бодрых молодых воинов и офицеров, а также упражнений, совершаемых им с самого выезда из Фив, но ему доставляло радость думать, что это близкое присутствие Лостры, или Фенн, как она предпочитала себя теперь называть, вооружило его для борьбы.

В последнее утро, пробудившись с первыми лучами зари, Таита снова попросил благословения и заступничества у Исиды и других богов, которые могли находиться поблизости. Уже собираясь уходить, он кинул прощальный взгляд на статую Исиды, высеченную из цельного куска красного гранита. Она возвышалась до самой крыши, и голова скульптуры оставалась в полумраке, ее неумолимые каменные глаза смотрели прямо перед собой. Маг наклонился, чтобы поднять посох, лежавший рядом с циновкой из папируса, на которой он провел ночь. Но прежде чем он успел выпрямиться, в ушах запульсировала кровь, и при этом он не ощутил холода, хотя пребывал в храме обнаженным выше пояса. Таита поднял взор и понял,

что статуя смотрит на него. Глаза были живые и сияли зеленым блеском. Это были глаза Фенн, смотревшие на него так, как мать глядит на дитя, припавшее к ее груди.

– Фенн… – прошептал он. – Лостра, это ты?

Под каменным сводом высоко над головой мага зазвенел ее смех; в полумраке виднелись только темные очертания летучих мышей, возвращающихся на свои насесты.

Таита снова посмотрел на статую. Каменная голова выглядела теперь живой и принадлежала Фенн.

– Я говорила, что жду тебя, помнишь? – прошептала она.

– Где мне тебя найти? Подскажи, где искать, – взмолился он.

– Где еще можно найти лунную рыбу? – поддела она его. – Ты найдешь меня спрятавшейся среди других рыб.

– Но где эти рыбы? – воскликнул Таита.

Живые черты девушки вновь начали обращаться в твердый камень, а сияющие глаза стали тускнеть.

– Где? – вскричал он. – Когда?

– Берегись пророка тьмы. У него нож. Он тоже ждет тебя, – раздался печальный шепот. – А теперь мне пора. Она не позволяет мне задерживаться дольше.

– Кто не позволяет? Исида или другая… – Произносить имя колдуньи в этом священном месте показалось ему кощунством.

Ответа не последовало – губы статуи оледенели.

Кто-то потянул его за рукав. Таита обернулся, ожидая узреть новый призрак во плоти, но увидел всего лишь взволнованную физиономию верховного жреца.

– Что встревожило тебя, маг? – спросил он. – Почему ты кричал?

– Это был сон. Глупый кошмар.

– Сны никогда не бывают глупыми. Кому, как не тебе, знать об этом! Это предупреждения и сообщения, посланные нам богами.

Попрощавшись со святыми людьми, Таита отправился на конюшни. Дымка устремилась ему навстречу, игриво вскидывая копыта; она дожевывала на ходу пучок сена, торчавший изо рта.

– Они разбаловали тебя, жирная старушка. Ты посмотри на себя: скачешь как жеребенок, с твоим-то большим животом, – с любовью укорил ее Таита. За время пребывания в Карнаке растяпа-конюх подпустил к ней одного из любимых жеребцов фараона.

Кобыла встала смирно, позволяя ему влезть ей на спину, и понесла мага туда, где сворачивали лагерь воины Мерена. Когда колонна построилась и каждый солдат стоял рядом со своим конем, держа в поводу запасных лошадей и вьючного мула, Мерен прошел вдоль шеренги, проверяя оружие и снаряжение, а также убедился, что никто не забыл погрузить на мула медный котел для воды и мешочек с известью.

– По коням! – скомандовал он из головы колонны. – Марш! Шагом! На рысь!

Вереница рыдающих женщин следовала за воинами вплоть до подножия холма, а затем отстала, не в силах выдерживать заданный Мереном темп.

– Печально прощанье, да сладки воспоминанья, – провозгласил Хилто-бар-Хилто, и в строю его подразделения послышались смешки.

– Не так, Хилто, – поправил его Мерен из головы колонны. – Чем слаще плоть, тем слаще память!

Отряд содрогнулся от хохота и забарабанил ножнами по щитам.

– Сейчас они смеются, – сухо заметил Таита. – Посмотрим, как они посмеются, когда окажутся в горниле пустыни.

Путники сверху смотрели на ущелье, где находился порог. Там больше не бурлил яростный поток речной воды. Острые скалы, представлявшие опасность для кораблей, теперь стояли на виду, сухие, похожие на черные спины диких буйволов.

У верхнего конца порога, господствуя над ущельем, виднелся высокий гранитный обелиск. Пока воины поили лошадей и мулов, Таита и Мерен взобрались на утес и встали у подножия монумента. Таита прочитал вслух высеченную на камне надпись:

Я, царица Лостра, правительница Египта и вдова фараона Мамоса, восьмого фараона этого имени, мать наследника короны Мемнона, который будет править обоими царствами после меня, приказала возвести этот монумент.

Этот камень – моя клятва всему народу Египта в том, что я вернусь из неведомых земель в свою страну, откуда меня изгнал варвар.

Обелиск этот поставлен здесь в первый год моего правления, девятисотый год после постройки великой пирамиды фараона Хеопса.

Пусть же камень этот стоит здесь так же прочно и несокрушимо, как и великая пирамида, до тех пор, пока я не вернусь и не выполню свою клятву.

От нахлынувших воспоминаний глаза Таиты увлажнились. Он помнил, какой она была в тот день, когда воздвигли этот обелиск. Лостре исполнилось двадцать, это была женщина в расцвете красоты и царской славы.

– Я стоял на этом самом месте, когда царица Лостра возложила на мои плечи Золото Похвалы, – сказал маг Мерену. – Оно было тяжелое, но весило для меня меньше, чем ее милость.

Они спустились к лошадям и поехали дальше.

Пустыня объяла отряд, как языки пламени огромного костра. Передвигаться днем представлялось немыслимым делом, поэтому воины, вскипятив и произвестковав воду, залегали в тени, которую удавалось найти, и дышали, как набегавшиеся псы. Когда солнце касалось западного края горизонта, поход возобновлялся и длился всю ночь. Местами суровые утесы так близко подступали к реке, что ехать по узкой тропе приходилось по одному в ряд. Они миновали скопление полуразрушенных хижин – некогда они служили прибежищем путникам, а теперь стояли заброшенными.

Свежие следы присутствия других людей экспедиция обнаружила только на десятый день после выезда из Асуана, проезжая мимо другого скопления хижин возле когда-то глубокого пруда. В одной из лачуг недавно кто-то жил: пепел в очаге оказался совсем свежим и хрупким. Едва перешагнув порог, Таита ощутил безошибочно узнаваемый след колдуньи. Когда глаза привыкли к полутьме, он различил иератическую надпись, нацарапанную на стене обугленной палкой: «Эос велика. Эос грядет». Совсем недавно этой дорогой прошел один из приверженцев ведьмы. Отпечатки его ног еще сохранились на полу у стены, где он стоял, выражая свой порыв.

Рассвет почти уже начался, и дневная жара быстро вступала в свои права. Мерен приказал колонне встать на привал. Даже полуразрушенные хижины обещали какое-то укрытие от жестокого солнца. Прежде чем зной стал невыносимым, Таита обследовал местность в поисках других следов поклонника Эос. На каменистой тропе нашелся отрезок с рыхлой землей, и на нем обнаружились отпечатки конских копыт. Их характер показывал, что лошадь везла тяжелый груз. Следы вели к югу, в направлении Кебуи.

– Когда оставлены эти следы? – спросил Таита, подозвав Мерена.

Мерен был отличным разведчиком и следопытом.

– Точно сказать трудно, маг, – ответил он. – Больше чем три дня назад, но меньше десяти.

– Это значит, что приверженец Эос значительно опережает нас.

Пока они возвращались под укрытие хижин, пара темных глаз неотрывно наблюдала за каждым их шагом с холмов над лагерем. Недобрый взгляд принадлежал Соэ, тому самому пророку, который околдовал царицу Минтаку. Именно он начертал буквы на стене хижины. И теперь жалел, что выдал тем самым свое присутствие.

Он лежал в тени нависших над ним утесов. Три дня назад его лошадь попала в узкую расселину на скальной тропе и сломала переднюю ногу. Не прошло и часа, как явилась стая гиен, чтобы покончить с искалеченным животным. Конь еще ржал и брыкался, а хищники уже вырывали из живого тела куски и пожирали их. Прошлой ночью Соэ допил остатки воды. Заточенный в этом жутком месте, он готовился к смерти, которую едва ли стоило долго ждать. Но вот неожиданно, к великой своей радости, он услышал в долине топот копыт. Вместо того чтобы сломя голову ринуться навстречу пришельцам и попросить о помощи, Соэ решил понаблюдать за ними из укрытия. И стоило ему увидеть отряд, как он узнал в нем подразделение царской конницы. Воины, прекрасно вооруженные, сидели на отличных лошадях. Было очевидно, что они выполняют какой-то особый приказ – возможно, полученный лично от фараона. Нельзя даже исключить, что им дано задание разыскать Соэ и притащить обратно в Карнак. Пророк знал, что Таита заметил его на переправе через Нил под Фивами, а также что маг пользуется большим доверием Минтаки. Не требовалось сильно напрягать воображение, чтобы представить, как царица доверилась старому наставнику, а значит, Таите известно теперь про его дела с царицей. Соэ обвинят в подстрекательстве и измене, и перед судом фараона у него не будет никаких шансов спастись. Именно поэтому он сбежал из Карнака. И вот теперь пророк узнал Таиту среди всадников, расположившихся внизу на дневку.

Соэ присмотрелся к лошадям, стреноженным среди хижин на берегу. Некоторое время он соображал, что требуется ему сильнее: лошадь или бурдюк с водой, который один из солдат снимал с вьючного мула. Выбирая лошадь, он остановился на кобыле Таиты, привязанной у двери его лачуги: она определенно была самой красивой и быстрой из всего табуна. Пусть даже кобыла и беременная, Соэ решил предпочесть ее, если удастся до нее добраться.

В лагере царила суета. Воины кормили и поили коней, наполняли котлы водой из реки и развешивали их над кострами, где варилась пища. Когда с готовкой было покончено, отряд разделился на четыре части, и солдаты расселись отдельными кружками вокруг общих котлов. Солнце уже довольно высоко поднялось над горизонтом, прежде чем они разбрелись в поисках тени, где можно устроиться. Сонная тишина повисла над лагерем.

Соэ тщательно отметил про себя места, где расставлены часовые. Их оказалось четверо, занимаемые ими посты по периметру лагеря разделяли значительные промежутки. Пророк понял, что для успешного осуществления его плана самое удобное – пробраться вдоль высохшего речного русла, поэтому особенно внимательно стал следить за часовым, выставленным с той стороны. Заметив, что тот долго не шевелится, Соэ сделал вывод, что страж наверняка заснул. Приверженец богини соскользнул с холма, закрывающего его от глаз более бдительного дозорного на этой стороне, спустился в русло примерно в половине лиги ниже лагеря и стал потихоньку пробираться к цели. Оказавшись напротив нее, он осторожно приподнял голову над каменистым берегом. Часовой сидел, скрестив под собой ноги, буквально в двадцати шагах от него. Подбородок у солдата опустился на грудь, глаза были закрыты.

Снова юркнув за камни, Соэ стянул с себя длинный черный балахон, скатал и зажал под мышкой. Кинжал в чехле он сунул за набедренную повязку. Затем выбрался наверх и смело направился к хижине, у которой стояла привязанная серая кобыла. В одной набедренной повязке и в сандалиях он вполне мог сойти за одного из воинов. Если его окликнут, он ответит на чистейшем египетском, что ходил к реке справить нужду.

Но никто его не окликнул. Пророк добрался до угла хижины и юркнул за него.

Кобыла была привязана прямо за открытой дверью, а полный бурдюк лежал в тени под стеной. Перерезать путы будет делом нескольких секунд. Соэ привык ездить без седла, и отсутствие стремян или попоны его не смущало.

Он подобрался к лошади и погладил ее по гриве. Она повернула голову и, обнюхав руку незнакомца, встревоженно дернулась, но успокоилась, когда он стал нашептывать ей умиротворяющие слова и похлопывать по плечу. Потом пророк направился к бурдюку. Тот оказался тяжелым, но он поднял его и взвалил кобыле на круп. Развязав узел, удерживающий поводья, Соэ собирался уже сесть на лошадь верхом, когда из открытой двери хижины донесся обращенный к нему возглас:

– «Бойся ложного пророка»! Меня предупредили насчет тебя, Соэ.

Вздрогнув, пророк обернулся. На пороге стоял маг. Его обнаженное тело, худое и мускулистое, выглядело намного моложе своих лет, но в промежности белел ужасный шрам, оставленный ножом оскопителя. Волосы и борода у него были всклокочены, но глаза горели ярким огнем.

– Стража, ко мне! – закричал Таита громко. – Хилто! Габари! Мерен! Сюда, Шабакон!

В один миг крик был подхвачен по всему лагерю.

Соэ не стал медлить. Он вскочил на Дымку и погнал ее вперед. Таита заступил ей путь и схватился за уздечку. Кобыла остановилась так резко, что Соэ повис у нее на шее.

– С дороги, старый дурак! – сердито заорал он.

«У него нож», – звенело в ушах Таиты предупреждение Фенн. Он заметил, как блеснул кинжал в правой руке пророка, когда тот свесился с Дымки, чтобы нанести удар. Не будь маг настороже, он упал бы с располосованным горлом, но доли секунды ему хватило, чтобы уклониться. Острие кинжала коснулось его плеча. Маг пошатнулся, кровь из раны залила ему бок.

Соэ погнал кобылу, норовя сбить противника с ног. Зажав рану, Таита пронзительно свистнул, и Дымка снова остановилась, а потом взбрыкнула так яростно, что седок кувырком полетел в костер, опрокинув стоящий на нем котел, отчего в воздух с шипением поднялось облако пара. Соэ выбрался из горячих углей, но не успел встать, как двое дюжих воинов навалились на него и придавили к земле.

– Я обучил кобылу этому маленькому трюку, – спокойно сообщил маг Соэ. Подняв упавший в пыль кинжал, он приставил острие к виску Соэ, прямо перед ухом. – Лежи смирно, или я проткну твою голову, как зрелый гранат.

Из своей хижины выскочил Мерен, голый, с мечом в руке. Мгновенно оценив ситуацию, он уткнул бронзовое острие в шею Соэ и посмотрел на Таиту.

– Эта свинья ранила тебя. Прикончить его, маг?

– Нет! – сказал Таита. – Это Соэ – ложный пророк ложной богини.

– Клянусь потными яйцами Сета, теперь я его узнал. Это он наслал на Деметера жаб на переправе.

– Он самый, – согласился Таита. – Свяжите его покрепче. Я хочу поговорить с ним, как только позабочусь об этой царапине.

Когда Таита спустя короткое время вернулся из хижины, то нашел Соэ спутанным, как приготовленный для рынка кабанчик, лежащим на самом солнцепеке. Чтобы убедиться, не прячет ли пленник другой кинжал, воины раздели его догола, и кожа его уже покраснела под укусами лучей. Хилто и Шабакон стояли над ним с мечами наголо. Мерен поставил в тени от хижины сплетенный из ремней стульчик, и Таита удобно расположился на нем. Он без спешки посмотрел на Соэ внутренним оком: аура проповедника не претерпела изменений, выражая зло и смятение.

После этого Таита начал задавать пленнику простые вопросы, на которые уже знал ответ, чтобы понаблюдать, как меняется аура Соэ в зависимости от того, правду он говорит или ложь.

– Ты известен под именем Соэ?

Пророк с молчаливым вызовом посмотрел на него.

– Кольни его, – велел он Шабакону. – В ногу и не слишком глубоко.

Шабакон аккуратно шевельнул клинком. Соэ дернулся, взвизгнул и изогнулся в путах. На бедре показалась тонкая струйка крови.

– Начнем сначала, – сказал Таита. – Ты Соэ?

– Да, – процедил пророк сквозь стиснутые зубы. Цвет его ауры не изменился.

Это правда, отметил про себя Таита.

– Ты египтянин?

Соэ не разомкнул губ, мрачно глядя на мага.

– Другую ногу. – Таита кивнул Шабакону.

– Да, – поспешно ответил Соэ. Аура снова осталась неизменной.

Правда.

– Ты проповедовал царице Минтаке?

– Да.

И снова правдивый ответ.

– Ты обещал, что вернешь к жизни ее умерших детей?

– Нет.

Аура Соэ окрасилась зеленоватым сполохом.

«Признак лжи», – подумал Таита. Теперь у него имелась мерка для оценки следующих ответов Соэ.

– Извини, Соэ, что я пренебрег обязанностями гостеприимства. Ты хочешь пить?

Пророк облизнул сухие, потрескавшиеся губы.

– Да, – прошептал он.

Определенно правда.

– Где вас учили манерам, полководец Мерен? Подайте уважаемому гостю воды.

Ухмыльнувшись, Мерен взял бурдюк, наполнил деревянную чашку и опустился на колено перед Соэ. Он поднес полную до краев чашку к губам пленника, и тот принялся жадно пить. Давясь и задыхаясь, он осушил сосуд. Таита дал ему время отдышаться.

– Итак, ты спешишь к своей госпоже?

– Нет, – пролепетал Соэ, и зеленый отсвет в ауре выдал его неискренность.

– Ее зовут Эос?

– Да. – Ответ был правдивым.

– Ты веришь, что она богиня?

– Единственная богиня. Верховное божество. – И снова он не пытался обмануть.

– Ты встречался с ней лицом к лицу?

– Нет! – Ложь.

– Она уже позволила тебе совершить с ней *гиджима*?

Таита намеренно использовал грубое словечко из солдатского лексикона, чтобы вывести пленника из себя. Изначально этот термин означал «бежать» – это то, что делал воин победоносной армии, чтобы овладеть женщиной поверженного врага.

– Нет! – последовал яростный выкрик.

Правда.

– Обещала она тебе *гиджима*, если ты будешь исполнять все ее приказы и положишь Египет к ее ногам?

– Нет. – Отрицание прозвучало тихо. Ложь. Эос предложила ему награду за службу.

– Ты знаешь, где находится ее логово?

– Нет. – Ложь.

– Она живет близ вулкана?

– Нет. – Ложь.

– Находится ли ее обиталище на берегу большого озера к югу от болот?

– Нет. – Ложь.

– Она людоедка?

– Не знаю. – Ложь.

– Она пожирает человеческих младенцев?

– Не знаю. – И снова ложь.

– Заманивает ли она в свое логово могущественных и мудрых людей, чтобы вытянуть из них все знания и силы, а затем погубить?

– Мне об этом ничего не известно. – Большая и очевидная ложь.

– Со сколькими мужчинами совокупилась эта вселенская шлюха? С тысячей? С десятком тысяч?

– Твои вопросы кощунственны. Ты будешь за них наказан.

– Как был наказан Деметер, маг и ученый? Это ради нее ты наслал на него жаб?

– Да! Он был отступником, предателем. То была кара, которую он заслужил. Я не желаю больше слушать твои гадости. Убей меня, если хочешь, но больше я ничего не скажу.

Соэ задергался, пытаясь разорвать опутавшие его веревки. Дыхание у него стало хриплым, глаза смотрели дико. Это были глаза фанатика.

– Мерен, наш гость переутомился. Путь малость отдохнет, – сказал Таита. – Потом растяните его между колышками, так чтобы утреннее солнышко согрело его. Разместите его вне лагеря, но не слишком далеко, чтобы мы слышали, как он запоет, когда будет готов продолжить беседу или когда к нему наведаются гиены.

Накинув на плечи пленника веревку, Мерен потащил его прочь, но остановился и посмотрел на Таиту:

– Ты уверен, маг, что больше ничего от него не хочешь? Он ведь ничего нам не сказал.

– Он рассказал все, – возразил Таита. – Вывернул перед нами душу.

– Возьмите за ноги, – приказал Мерен Шабакону и Тонке.

Вместе они унесли Соэ. Таита слышал, как они забивают в твердую землю колья.

Ближе к вечеру Мерен пришел навестить пленника. Солнце опалило кожу на животе и чреслах пророка до волдырей, лицо распухло и покраснело.

– Могучий маг приглашает тебя продолжить беседу, – сказал Мерен.

Соэ попытался плюнуть в него, но слюны не осталось. Распухший язык не умещался во рту, и его кончик торчал между передними зубами. Мерен ушел.

Стая гиен обнаружила добычу незадолго до захода солнца. Даже такому закаленному ветерану, как Мерен, стало не по себе от приближающегося воя и хохота хищников.

– Может, притащить его сюда, маг? – спросил он.

Таита покачал головой:

– Оставь как есть. Он сообщил нам, где искать ведьму.

– Смерть от гиен будет жестокой, маг.

Таита вздохнул, потом ответил негромко:

– Гибель Деметера от жаб была не легче. Соэ – приспешник колдуньи. Он сеял измену в царстве. Он заслужил смерть, но не такую. Подобная жестокость тяжким пятном ляжет на нашу совесть, опустит нас самих на уровень зла. Пойдем и перережем ему горло.

Мерен встал и вытащил меч, но потом замер и наклонил голову, прислушиваясь.

– Что-то не так, – сказал он. – Гиены молчат.

– Живо, Мерен, – приказал Таита. – Иди и выясни, что происходит.

Мерен бросился в сгущающиеся сумерки. Минуту спустя из холмов донесся его дикий вопль. Таита вскочил и кинулся к нему.

– Мерен, где ты?

– Здесь, маг.

Таита обнаружил друга на том месте, где лежал привязанный к кольям Соэ, но пленник исчез.

– Что случилось, Мерен? Что ты видел?

– Колдовство! – пробормотал Мерен. – Я видел… – Он не договорил, не находя подходящих слов для описания.

– Что это было? – торопил Таита. – Рассказывай скорее!

– Громадная гиена, с лошадь величиной, а Соэ сидел у нее на спине. Должно быть, тварь его знала. Она прыжками удалилась в холмы, унося его на себе. Мне погнаться за ними?

– Тебе их не догнать, – проговорил маг. – Ты только сам окажешься в смертельной опасности. Эос обладает еще большими способностями, чем я предполагал, раз ей удалось спасти Соэ на таком расстоянии. Пусть уходит. Мы поквитаемся с ним в другое время и в другом месте.

Они шли дальше, ночь за ночью, одну утомительную неделю за другой, месяц за месяцем. Ножевая рана в плече Таиты быстро зажила в сухом горячем воздухе, а вот кони слабели и уставали, да и люди сильно вымотались задолго до того, как достигли второго порога. В этом месте Таита и царица Лострa остановились на сезон, чтобы дождаться очередного разлива Нила, когда подъем воды позволит кораблям пройти через водопад. Таита посмотрел на построенный ими поселок – каменные стены, развалины примитивного дворца, возведенного для Лостры, еще стояли. Вот поля, которые они засеяли семенами дурры, еще носящие следы деревянного плуга. Вот могучий лес, откуда они брали бревна на постройку колесниц и починку пострадавших корпусов галер. Подпитываясь из подземных источников и потоков уходившими вглубь корнями, деревья выжили. А вон там располагалась кузница, построенная медных дел мастерами.

– Маг, посмотри на пруд ниже порога! – Мерен ехал рядом с Таитой, и его возбужденное восклицание нарушило плавное течение воспоминаний старика.

Он посмотрел в указанном спутником направлении. «Что это – игра света?» – удивился он.

– Обрати внимание на цвет воды! Она больше не кроваво-красная. Пруд зеленый, как сладкая дыня.

– Возможно, это очередная уловка колдуньи.

Таита отказывался верить собственным глазам. А Мерен уже с криками гнал коня вниз по склону, поднявшись в стременах. Его солдаты устремились за ним.

Таита и Дымка более спокойным и важным аллюром проследовали к берегу пруда, усеянному людьми, лошадьми и мулами. Опустив головы, животные всасывали в себя зеленую воду со скоростью шадуфов – водоподъемных колес, используемых крестьянами для полива. Воины, зачерпывая влагу ладонями, плескали на лицо и на шею.

Дымка подозрительно понюхала воду, потом начала пить. Таита ослабил подпругу, освобождая ей живот. Она раздувалась у него на глазах, как наполняющийся свиной пузырь. Давая ей напиться вволю, маг зашел в пруд, потом сел. Теплая вода доходила ему до подбородка; он смежил веки, на лице его появилась блаженная улыбка.

– Это твоя заслуга, маг, я уверен! – окликнул его с берега Мерен. – Ты исцелил реку от вонючей заразы, разве не так?

Вера Мерен в мага была безграничной и трогательной. Не годилось разочаровывать друга. Открыв глаза, Таита увидел, что сотня воинов ожидает ответа затаив дыхание. Укрепить их веру в него тоже будет полезно. Маг улыбнулся Мерену, потом опустил правое веко, загадочно подмигнув. Вид у Мерена стал довольный, а солдаты разразились криками. Не снимая рубах и сандалий, они ринулись в пруд, где начали плескать друг в друга водой и бороться, норовя целиком погрузить голову соперника.

Предоставив им забавляться, Таита выбрался на берег. Живот Дымки, и без того увеличившийся благодаря беременности, от выпитого раздулся так, что она не столько шла, сколько ковыляла вразвалку. Оставив ее кататься по хрустящему белому песку, Таита сел. Наблюдая, как резвится кобыла, он размышлял над превратностями фортуны и над чудом чистой воды, которое Мерен приписал ему.

Маг решил, что они вышли за пределы загрязнения. Далее к югу река будет чистой. Иссохшей и съежившейся, но чистой.

Тем утром они расположились лагерем в тенистой роще.

– Маг, я намерен постоять здесь до тех пор, пока лошади не окрепнут. Если немедленно продолжим поход, начнется падеж, – сказал Мерен.

– Мудрое решение, – кивнул Таита. – Мне хорошо знакомо это место. Здесь во время великого исхода я прожил целый сезон. В лесу есть растения, листья которых придутся по вкусу лошадям. Они сочные и питательные, поэтому благодаря им кони наберутся сил в течение считаных дней.

«А Дымка скоро ожеребится. Здесь у нее окажется больше шансов выжить, чем в голой пустыне», – добавил про себя Таита, но ничего не сказал.

– У пруда я заметил следы сернобыка, – с воодушевлением заявил Мерен. – Люди с радостью поохотятся на него, да и свежим мясом полакомиться не откажутся. А что останется – можно завялить и закоптить на дорогу.

Таита встал:

– Пойду поищу хороший корм для животных.

– Я с тобой, – вызвался Мерен. – Хочу поближе познакомиться с этим маленьким раем.

Они вместе бродили среди деревьев, и Таита показывал съедобные ягоды и травы. Здешняя растительность была закалена для жизни в пустынных и засушливых местах. Укрытая высокими деревьями от прямых солнечных лучей, она в изобилии покрывала этот кусочек земли.

Набрав охапки зелени, маг с Мереном вернулись в лагерь.

Таита предложил образчики добытой зелени Дымке. Неспешно поразмыслив, кобыла сжевала одно из подношений, потом ткнулась мордой в ладонь хозяина, прося добавки. Таита собрал большой отряд, отвел их в лес и показал, какие растения съедобные и как собирать их. Мерен во главе другой партии отправился на край леса поохотиться. Две напуганные стуком топоров антилопы выбежали на опушку и стали легкой мишенью для стрел охотников.

Когда неостывшие туши доставили в лагерь для разделки, Таита внимательно осмотрел их. У самца были крепкие рога и темная шкура с красивыми пятнами. Самка рогов не имела и была сложена более деликатно, ее красно-коричневая кожа оказалась мягкой на ощупь.

– Я узнаю этих животных, – сказал маг. – Самцы бывают очень агрессивны, если их разозлить. Во время схода крупный самец поранил одного из наших охотников. Он разорвал несчастному сосуд в паху, и тот истек кровью, прежде чем его товарищи успели привести меня. Но мясо у этих животных вкусное, а почки и печень так просто объедение.

Пока отряд стоял у прудов, Мерен позволил своим людям вернуться к привычному для них распорядку. Заготовив корм для лошадей, воины оградили лагерь надежным и удобным для обороны частоколом из вырубленных в лесу бревен, где разместились и солдаты, и животные. А вечером они устроили пир из жаренного на огне мяса антилоп, дикого шпината и других растений, собранных Таитой, и испеченных на углях лепешек из дурры.

Прежде чем отправиться спать, Таита спустился к пруду поглядеть на ночное небо. Последние следы звезды Лостры исчезли, и больше никаких значительных астрономических феноменов не наблюдалось. Таита некоторое время медитировал, но никакого потустороннего присутствия не ощутил. Со времени бегства Соэ колдунья, похоже, утратила с ним контакт.

Вернувшись в лагерь, маг застал бодрствующими только часовых. Шепотом, чтобы не потревожить спящих, он пожелал дозорным спокойной смены и улегся на свой тюфяк.

Разбудило его прикосновение Дымки, ткнувшейся в него мордой. Таита сонно отмахнулся, но кобыла проявляла настойчивость. Маг сел.

– Что такое, моя хорошая? Что тебя беспокоит?

Лошадь пнула себя задней ногой в живот и издала тихий стон, встревоживший ее хозяина. Поднявшись, Таита провел рукой по ее голове и шее, потом по боку. И глубоко в раздутом чреве ощутил сокращения матки. Кобыла снова застонала, а затем, расставив задние ноги, вскинула хвост и помочилась. Потом уткнулась носом себе в бок. Маг обнял ее за шею и отвел Дымку в дальний конец лагеря. Он знал, как важно для нее сохранять покой. Стоит ей разволноваться или испугаться, схватки могут прекратиться и роды затянутся. Таита присел на корточки, чтобы осмотреть лошадь при лунном свете. Дымка боялась и перебирала копытами, потом легла и перекатилась на спину.

– Умная девочка, – подбодрил он ее.

Она инстинктивно расположила жеребенка так, как надо для родов. Потом кобыла поднялась и встала, опустив голову. Живот ее напрягся, и воды отошли. Дымка повернулась и лизнула траву в том месте, где разлилась жидкость. Теперь она стояла задом к хозяину, и он заметил, как из-под хвоста появляется белесый ком околоплодного пузыря. Лошадь снова начала тужиться, схватки происходили сильные и регулярные. Сквозь тонкую мембрану Таита разглядел очертания пары крошечных копыт, затем, с каждым последующим толчком, на поверхности появлялись суставы ножек. Наконец, к великому облегчению мага, показалась черная мордочка. Его участия даже не потребовалось.

– Прекрасно! – похвалил он питомицу. – Ты молодец, моя дорогая.

Он с трудом подавлял желание прийти ей на помощь; кобыла прекрасно справлялась и без него, схватки продолжались размеренные и сильные. Вышла голова жеребенка.

– Серый, как мать, – одобрительно прошептал Таита.

Затем наружу резко вышел весь пузырь с жеребенком внутри. При ударе оземь плацента разорвалась, и пузырь раскрылся.

Таита удивился. Это были самые быстрые из тысяч родов у кобыл, которые ему доводилось наблюдать. Жеребенок уже выбирался из мембраны.

– Скорый, как вихрь, – улыбнулся Таита. – Так мы тебя и назовем.

Дымка с интересом наблюдала за стараниями своего малыша. Наконец мембрана разорвалась, и конек, потому что это был мальчик, с трудом выпрямился и встал, пьяно покачиваясь. От усилий он запыхался, его бока тяжело ходили.

– Хорошо! – негромко сказал маг. – Храбрый мальчик.

Дымка поприветствовала новорожденного, по-матерински нежно лизнув его, отчего малыш едва не упал. Жеребенок пошатнулся, но сохранил равновесие. Тогда кобыла принялась за дело всерьез, длинными движениями языка слизывая околоплодную жидкость. Затем она встала так, чтобы сынок мог дотянуться до ее набухшего вымени. С ее налитых сосков уже капало молоко. Вихрь понюхал их, затем припал к одному, словно притянутый магнитом. Он жадно зачмокал, и Таита потихоньку удалился. Его присутствие больше не являлось необходимым и желанным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.